

Иван Гусаров

КИЧЛАГ

**Воры в законе, положенцы,
авторитеты
правильные зеки,
честные арестанты
братва, малолетки,
женщины, судьи,
прокуроры, адвокаты,
опера, менты,
дубаки, вертухаи
и многое другое...**

Тюрьма и зона в 15 книгах.

Иван Гусаров

КИЧЛАГ

«Э.РА»

2014

Гусаров И. А.

КИЧЛАГ / И. А. Гусаров — «Э.РА», 2014

Воры в законе, положенцы, авторитеты, правильные зеки, честные арестанты, братва, малолетки, женщины, судьи, прокуроры, адвокаты, опера, менты, дубаки, вертухай и многое другое. Тюрьма и зона в 15 книгах

© Гусаров И. А., 2014

© Э.РА, 2014

Содержание

КНИГА 1. КПЗ	11
КПЗ	11
ПОЛОЖЕНЕЦ	12
ЧУЖОЙ СРОК	13
ПЕРСОНА	14
КОНСТРУКТОР	15
НАДЗОР	16
ЧЕЛЯБИНСК	17
ЧИКУРИЛЬНИК	18
МИШЕНИ	19
КРИМИНАЛ	20
СУДЬЯ	21
КАСТЫ	22
ВАНДАЛЫ	23
КОНИ	24
ПРИХОДИТЕ, ГОСПОДА!	25
ТОЛПА ЗАМЕТНО ПОРЕДЕЛА	26
ПЯТИДЕСЯТЫЕ	28
ВОСПОМИНАНИЯ	29
АМУР	30
ТУРИСТ	31
ИСПОЛНИТЕЛЬ	32
ПОЛУСТАНОК	33
ДУБАК	34
ХОЗЯИН	35
СТАРЫЙ ВОР	36
ОКО ГОСУДАРЕВО	37
ХОЗБЫК	38
СУИЦИД	39
ТУПИК	40
ЛЕСНЫЕ БАКСЫ	41
НАПЕРСТКИ	42
ЗОНА	43
НА РЕЙДЕ КОРАБЛИ	45
ХЕРСОН	46
СТАНИЦА	48
МАТРОССКАЯ ТИШИНА	49
ЗЛАТОУСТОВСКИЙ ЦЕНТРАЛ	50
РЕЙС 4076	51
МЕЧЕНЫЙ	52
ОБОРОТКА	53
ГОРНЫЙ ДЕСАНТ	54
ПАМЯТЬ	56
НЕТ НАСТОЯЩЕГО	57
ПРИСЯЖНЫЙ	58
МЕЧЕНАЯ МАНТИЯ	59

ЖЕЛАНИЕ МСТИТЬ	60
ЧЕСТНЫЙ СЕРЖАНТ	61
ПОЛЯРНЫЙ УРАЛ	63
БИРЖА	64
ВИНА	65
НЕ ВЕРЬ, НЕ БОЙСЯ, НЕ ПРОСИ!	66
ОСЕННИЕ	67
РАССАДКА	69
КРЫТКА	71
РАЯ	72
БРАТВА ПО ЗОНАМ ЧАЛИТСЯ	74
ПРИЛЕТЕЛ НА ЗЕМЛЮ ГРЕШНУЮ...	76
ТАНДЕМ	77
ЧИНУША	78
АРКАИМ	79
НЕПОЛНЫЙ СПИСОК	82
СНЫ ОТЛЯНА	83
АКТИВ	84
КОСЯКИ	85
ШЕСТАЯ ХОДКА	86
БЕЗУМНОЙ НЕМАЛО ОТВАГИ	87
ВОЗВРАЩЕНИЕ	88
ПАЛАЧИ АКТИВА	89
БЛАГОДАРИ, БРАТАН, ВСЕВЫШНЕГО...	90
СЕДЬМОЙ СЛОНИК	91
НА АМУРЕ	93
СЧАСТЛИВЫЙ РЕЙС	94
В ПУТИ	95
МАЛИНОВЫЙ ПИРОГ	96
КРАСНЫЕ ПЯТНА	98
РИТУАЛ	99
ДИАЛОГ	101
СИРОТА	102
СКАЧЕТ ПО СЦЕНЕ ПЕТУХ...	103
МОЛИТВА	104
СВЕТА	105
ОЗЕРО ЕЛОВОЕ	106
СУМКА ИЗ ПАРИЖА	107
БУГРЫ НЕ РАЗВИЛИ ГЛОТКИ	108
ГЕРОЙ	110
ПОДАРОК	111
КНИГА 2. КРИМИНАЛЬНАЯ РУСЬ	112
ЗЕМЛЮ ОКИНУЛ ВЗГЛЯДОМ	112
ПРАВДА В РОССИИ РАЗНАЯ	113
РАЗУМБАЙ	114
ВЕРТИКАЛЬ	115
СОВЕСТЬ	116
ШТРАФНИКИ	117
ПЛОЩАДЬ МОПРА	118

КРАСНЫЙ ВИНТАРЬ	119
КРИМИНАЛЬНАЯ РУСЬ	121
ТВЕРДОСТЬ	122
СОН	123
ВЫПЬЕМ, БРАТВА!	125
АМНИСТИЯ БЕРИИ	126
БУРНАЯ ЮНОСТЬ	127
РАСПЛАТА	129
СНЯЛИ В ПРОФИЛЬ И В АНФАС	131
ЗА КОРДОН	132
ХОРОШИЙ МЕНТ	134
ДВА ЕВРЕЯ	135
НЕ БАЗАРЬ, НАЧАЛЬНИК	137
СВОБОДЕН	138
МАРИНА	140
ПЕСНЯ	141
БЕЛАЯ ВОРОНА	142
ЗАРОК	144
ВРАГИ	145
ЗАГНАННЫЙ ОПЕР	146
РЫБАК	148
НАРУЖКА	150
ДЕТДОМОВЕЦ	151
ПРОЩАЙ, КИЧМАН!	152
СВИДЕТЕЛЬ ПРАВИЛЬНО ЛАСИТ...	153
ГЛАЗ НАТЯНУЛИ НА ЗАДНИЦУ...	154
ЧУЖОЙ ГЛУХАРЬ	155
ЕСЕНИН	156
ДОМОЙ	157
РЕКИ ВПАДАЮТ В МОРЯ	158
ШАНХАЙСКАЯ БАЛЛАДА	159
СВИНЦОВЫЕ НИЗКИЕ ТУЧИ...	161
ОДА ПЕРЛОВКЕ	163
ПЕРЕКИД	165
ЖАЛЕТЬ И ГРУСТИТЬ УЖЕ ПОЗДНО...	166
ГРАФОМАН	167
АНАРХИЯ	169
ГУЛЯЕТ СВЕЖИЙ ВЕТЕРОК...	170
ПЕС	171
ОПЕР ПИШЕТ ПРОТОКОЛ	172
АБСУРД	173
СТАРЫЙ ЛАГЕРЬ	175
ПРОБИЛИСЬ СОЛНЕЧНЫЕ ЗАЙЧИКИ	176
ПОД ЗАЩИТОЙ	177
МУСТАНГ	178
ЦИФРА ПЯТЬ	179
МАДЛЕН	181
ЗЯБЛИК	183
МИРНЫЙ ИСХОД	184

ГОНЧИЙ	185
ШЛЕПА	187
ПРОТОПАЛ НЕМАЛО ПО ЗОНАМ...	189
Я СИДЕЛ!.	190
ПОЕЗДКА	191
НАНО-ОХРАНА	192
ДОРОГА	193
ТОРМОЗИТ, КАК ПРЕЖДЕ, УЧАСТКОВЫЙ...	194
ЗОНОВСКАЯ БЫЛЬ	196
РУССКИЙ БРЕНД	197
ЖЕРТВА	199
БАЛТИЙСКИЙ БЕРЕГ	200
ПРИКАЗ	201
ПЕРО УПЕРЛИ В БОЧИНУ...	202
ДУРДОМ	203
ТИТАНИК	204
НОС	205
КОЧЕГАР	206
КАДРЫ	207
ВЫШКА	208
ТАНДЕМ	209
ИСТОРИЯ	210
ЧИСТЯТ ПЕРЫШКИ ПОДЕЛЬНИКИ...	211
СЛОН	212
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ	213
КНИГА 3. СВЕТ И ТЕНЬ	214
СЕРИАЛ	214
ИГРЕК	216
МАТЕРЫЙ	218
ПЕТР КРОПОТКИН	220
ВЕРЕВКА И КОРОВА	222
КЛОНЫ	224
БРИГАДИР ЛОСЬ	225
ЧЕ ГЕВАРА	227
АКТРИСА	228
ЧЕРЕП БЕСОВКУ ЛАСКАЛ	229
ХИМИЯ	230
ПЕПЕЛИЩЕ	231
СВЕТ И ТЕНЬ	232
СМЕЛАЯ ДАМА	233
ИСТЕРИКА-2007	234
ОЛИГАРХ	235
СОКОЛЫ	236
ДЕНЬ ЗЭКА	237
НАДЗОР	238
МИНВОДЫ	239
ЕГОР	240
КЛОП	241
ОДИН ЗА ГЛУХИМИ СТЕНАМИ...	242

ЗАГЛЯНЕТ РЕДКИЙ ЛУЧ...	243
РУССКИЙ МАТ	244
АФЕРНАЯ СТОЛИЦА	246
ПИСЬМО ПРОКУРОРУ	248
ВОЛЬНЫЙ ПАРУС	250
БАРАК	251
ОТЕЦ И СЫН	253
ПРИПИСАННЫЙ К ЗОНЕ	255
ДРУГ ОТКИНУЛСЯ С ПЕЧОРЫ	258
ЧЕЛЯБИНСКИЙ ЦЕНТРАЛ	259
СТОЛЫПИНСКИЙ ВАГОН	260
ГОЛУБИНАЯ ПОЧТА	262
ЯВКА	263
ИКОВКА	264
ПРАВИЛЬНЫЙ ДОКТОР	265
БРИГАДМИЛЬЦЫ	266
ЦИРК	267
БОЛЬШАЯ РУССКАЯ ТЮРЬМА	269
ПОДЕЛЬНИК	271
ДВОРИК	272
МАЛИНА	273
БРАТВА	274
СКАМЬЯ	275
ПЯТЫЙ ПРИГОВОР	276
АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ	277
О ПОНЯТИЯХ	278
КАТРАН	280
СУДЬБА	281
СЕВЕРНЫЙ ЭТАП	282
КАТАЛЫ	283
КОРОТКОЕ СВИДАНИЕ	284
О СЕРДЦЕ	285
ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО	286
БРОДЯГИ	288
НОВЫЕ МУРКИ	289
ИЗ ЮНОСТИ	290
ЛАС-ПАЛЬМАС	291
БАТЬКА МАХНО	293
БЕСОВКА	294
КЛАВА	295
ЗВЕЗДЫ	296
ЖЕКА	297
ХИМИКИ	298
МУЖИК	300
ГОРЬКИЙ И МАЛЬЧИК	301
УМЕР ГЛАВНЫЙ ГУТАЛИНЩИК...	303
ПТИЦЫ	304
Я РОДИЛСЯ В СТРАНЕ ЛАГЕРЕЙ...	305
ВРЕМЯ	306

ФЕНЯ	307
ЖАРГОН	309
СОЛДАТ	311
МОКРУХА	313
КНИГА 4. ЦЕНА ЖИЗНИ	315
АКУЛА	315
ИДИЛЛИЯ	317
ИЗ ДЕВЯНОСТЫХ	318
ГРЕШНИКИ	319
ФЕМИДА	320
КОРОНАЦИЯ	321
ОГРАБЛЕНИЕ	323
НАДЕЖДА	324
ДТП	327
КОНИ	328
АСПИРИН	329
РЕЦИДИВ	331
РЕШЕНИЕ	332
ПОРОШОК	333
ГОРЬКИЙ ЧАЙ	335
УСИЛЕНИЕ	336
ГЕРОЙ	337
КОЗЛИНЫЙ АКТИВ	338
ДОЛЯ	339
ЭГОИЗМ	340
СЕНЯ-ПАРАЗИТ	341
СТЕПЬ	343
ОПЕРА	344
ОТЕЛЛО	345
ГИТАРА СЫГРАЕТ	347
ЗНАМЕНИТЫЙ ВОР	348
ВЕРТУХАЙ	349
ДОМОЙ	350
ЗАКОНОПОДЕЛЬНИК	351
ПЫТКА	352
КОТ	353
МИСТИКА	354
БУДУЩЕЕ	355
ПОМЫСЛЫ	356
ПРОИЗВОЛ	357
ВОРОВСТВО	358
КУЛУАРЫ	359
ЛИЦОМ К СТЕНЕ!	360
ЦЕНА ЖИЗНИ	362
БЕСПРАВИЕ	363
МЕДВЕЖАТНИК	364
НАРКОМАТРИЦА	365
МЕСТЬ	367
СОВЕСТЛИВЫЙ ГРЕШНИК	368

ПРОШЛЫЕ ГОДА	370
ТРЕЗВОСТЬ	371
ПИРАМИДЫ	372
ПАШКА АМЕРИКА	373
СОНЬКА – ЗОЛОТАЯ РУЧКА	374
ТРЕСТ	376
ПРОКУРОР	377
РЕЙДЕРЫ	378
МАРИК	379
КАТИТСЯ ПЛАВНО СТОЛЫПИН...	380
УМОЙСЯ КРОВЬЮ...	381
ВОРОБЕЙ	382
ШАНСОН	383
ПРОЩАНИЕ	384
ПЕРЕКИД	385
ВОВКА-ДЕСАНТНИК	386
ПОБЕГ	387
БЕЛАЯ ЧЕРЕМУХА	388
ГОСТЬ	389
ШТОРМ	390
Конец ознакомительного фрагмента.	391

Иван Гусаров КИЧЛАГ

КНИГА 1. КПЗ

посвящается жене, Гусаровой Татьяне Георгиевне

КПЗ

Тактика дознания проста
(опера вежливой, учтивой) –
Быстро развязать уста,
Показания первые – правдивы.
Ходишь по камере в волнении.
Свистит в углу сверчок,
Закинут быстро пополнение –
Явится небритый казачок.
Мелкий, юркий уголовник,
Камерного видения прибор,
Снует в проходе, как половник,
Вяжет плотный разговор.
Час, другой – нет заявления.
Молчишь, как немой оратор,
Окажут на психику давление,
Закинут жесткий супинатор.
Супинатор скажет: «Опустили
Парочку немых актеров.
Кто признался – отпустили», –
Рассчитано на паникеров.
Дохнуло в форточку ненастьем,
Распахнул дежурный тормоза,
Предстоит допрос с пристрастием.
Чем закончится гроза?
Дадут последний шанс,
Прессанут в одно мгновение,
Операм не страшен резонанс,
Мол – оказал сопротивление.
Найдут в тебе терпение,
Если очень важная фигура,
Будет мягкое давление,
Твоя изменится натура.

ПОЛОЖЕНЕЦ

Парят ладони планером,
Сегодня как снабженец,
Сигареты, чай по камерам
Разносит положенец.
Везет постельное белье
Знакомый коммерсант,
Задействуй положение свое —
Доволен будет арестант.
Хозяин, видно, с головой,
Себе не делает вреда.
Шок не нужен болевой,
Сидит гремучая среда.
Отмечен положеньем вора,
Вопросов – не один вагон.
Принимай решения скоро –
Неспокоен больно регион.
Следить обязан за порядком,
Гасить любые стычки,
Не давать ходить по грядкам,
Держать сухими спички.
Чтить арестантов интерес,
Гнетет и давит изоляция,
Необходим противовес,
Правит суд администрация.
В сознание вносят перекося,
Попал в СИЗО – преступник.
Извечен каверзный вопрос –
Кто в тюрьме заступник?
Рвут условиями терпение,
Рушат тонкий паритет.
Объявить неповиновение
Может здесь авторитет.

ЧУЖОЙ СРОК

Пришли по делу разобраться.
Клялся он крестом нательным,
Потом пустился драться,
Ударом ответили смертельным.
Двое вышли из подъезда,
Собака выла на балконе.
Их ждала у переезда
Дама в черном капюшоне.
Собака выла не по делу.
Они шагали у перрона.
Сосед прикоснулся к телу,
Позвонил служителям закона.
Дама села в электричку,
Подъехала машина с операми.
«Вор! – свою услышал кличку. –
Вам проехать надо с нами».
Понятно стало сразу –
С места преступления опера.
Водитель поддал газу,
Пистолет вместила кобура.
Молодой толкнул авторитета,
Как только тронулся в путь,
И, не дождавшийся ответа,
Сказал: «Тебе не потянуть».
Минуты первые волнения
Молодого не лишили сил.
Он взял чужое преступление,
На следствии твердо заявил:
«Убийство мной совершено.
Человек, что был со мной,
Болен очень, и давно
Ему необходим покой».
Отмазал он авторитета
От сострадания, вне понятия,
Знал – тому не вынести ответа,
Земля возьмет его в объятия.
Он получил немалый срок,
Пошел по зэковскому кругу.
Добиться уважения смог,
Не опираясь на заслугу.
На десятом годе
Его короновали в зоне.
Умер на свободе
Известный вор в законе.

ПЕРСОНА

Пресловута, коридорна,
Суетлива и бессонна
Прессует нас упорно
Суровая персона.
Камерно, подвально
Закрытое пространство,
Принимает всех повально
В убогое пространство.
Замкнутая сфера,
Нищенская сакля,
Начинается премьера
Мутного спектакля.
Криминальные актеры
Переписывают роли,
Взломщики и воры
Садятся на пароли.
Криминальный улей,
Режиссеров масса,
Летят решения пулей
От мастер-класса.
Висит табачный смог
И сгусток энергетики,
Весь камерный пролог
Лишен морали, этики.
Этик нет к закону,
Без хамства обиход,
Созвучен будет звону
Неправильный обход.
Витают чаша полная,
Бьется в потолок,
В ней шаровая молния,
Мысленный поток.
Залитая изложница,
Переполненные хаты,
Избитая наложница
Свободна в день оплаты.
Холодна, приземлена,
Переполненный сосуд,
Туманно, отдаленно
Выпускает через суд.
Коснулся плотно нар
Закинутый десант.
Стойко выдержал удар –
Ты честный арестант.

КОНСТРУКТОР

Был полезен, как женьшень,
Талантливый конструктор,
Его последняя мишень –
Нанятый инструктор.
Освоил разработку,
Сулила много благ,
Ему кинули на водку
И объявили, что дурак.
Его присвоили патент,
Приняли чужие роды,
Он без проекта – импотент,
Отдал делу годы.
Собрал детали в кучку,
Решил злодеям отомстить,
Сделал стреляющую ручку,
Начал недругов косить.
Находили в парке трупы
У институтской проходной.
С ног валялись опергруппы,
Забыв про сон и выходной.
План смелый и удалый,
Многие лишились головы.
Сидит интеллигентный малый,
В хате обращается на Вы.
Ждет на прием его психушка,
Здесь неизбежна процедура,
Вдруг в мозгах усушка,
Тогда дебильная фигура.
Не косит под дурака,
Не лезет под шконарь,
Рисует солнце облака,
А сверху – согнутый фонарь.
На виду лежали резки,
Имелся даже длинный гвоздь,
Вдруг хлопок раздался резкий –
Свалился на пол гость.
Умирал конструктор тихо,
Виной – оружие в руке.
Пронес он ручку лихо
В разборном виде в каблуке.

НАДЗОР

У представителя надзора
Все по хозяйским правилам,
До вынесения приговора
Дуру гнать по камерам.
У прокурора все вопросы
Про условия, права –
Проводит соцпросы:
Как сидится вам, братва?
Где Содом-Гоморра,
Спят, сидят на головах,
Туда не водят прокурора –
Вдруг заикнутся о правах.
В иное свалишь царство,
Превратишься в гнома,
Пока дойдет лекарство,
Что заказал из дома.
Давно забыты нормы.
Что-то пишут на листочке
Прокуроры для проформы,
Может, надо что в рабочке.
В сад под воду фляги,
На кухню – новый гарнитур,
Так и кормятся бедняги
У неправильных структур.
Отправить жалобу – проблема,
Ищешь разные просветы.
А то у кума сразу тема:
Какие сдал секреты?
Сидится нам хреново,
Гражданин смотрящий,
Кодекс нужен новый, –
Надежный, не гуляющий.

ЧЕЛЯБИНСК

Челябинск – это чаша,
Чаша крепкого вина,
Проходит встреча наша
У открытого окна.
Я вернулся в город снова,
Без него прожить нельзя,
Встречают добрым словом
Родные и друзья.
Продлан путь неблизкий,
Весь я в лагерной пыли,
Облака повисли низко
И касаются земли.
С юности знакомы
Все веселые дома,
А у дома милой Томи –
Пересыльная тюрьма.
Догорает папироска,
Тихо музыка играет,
Плачет тонкая березка,
На ветвях снежинка тает.
Город снегом пересыпан,
И наохлился снегирь.
Челябинск – это пересылка
На Север и в Сибирь.
Через горы путь заузил
Каменный поток,
Здесь завязан в узел
Запад, юг, восток.
В город льются все течения;
Не лишенный старины,
Остается по значению
Пятым городом страны.
Чистыми кварталами
Упирается в гранит,
Цех с горячими металлами
Вечер ярко озарит.
Озарят прожектора нутро,
Как сцену – яркие софиты,
Ведут проходчики метро,
Дробят уральские граниты.
Я покину скоро город
По желанию, по судьбе,
За окном гуляет холод.
Через год вернусь к тебе.

ЧИКУРИЛЬНИК

На запад резко занесло,
Криминальная печаль,
Не поможет здесь весло
И тормоза педаль.
В Риге две прокуратуры,
Обе брошены в котел,
Прибалты – тихие натуры,
Больше смотрят на костел.
В котле бушуют страсти –
Девяносто первый год,
В Риге двоевластие,
Прет на митинги народ.
Две зачистили квартиры –
Гробовая тишина,
Поплачут ювелиры
У открытого окна.
Вышли в чикурильник,
Узкий длинный переход,
По конструкции – напильник
Всеми гранями вперед.
Идем по граням точно,
Скоро выйдем на простор.
На просторе будет точка,
Там уже другой надзор.
Светит в рижских закоулках
Чикурильника звезда,
Стучат колеса гулко,
К вокзалу рвутся поезда.
На Москву лежит дорога,
Тошнит от старины,
Пополнили намного
Золотой запас страны.
Вроде, братцы, пронесло,
Не получим подзатыльник,
За наше выпьем ремесло
И Рижский чикурильник.

МИШЕНИ

Покинут нами дворик,
Резкий крик, бегом
Скачешь, словно кролик,
Камуфляж кругом.
Сомнительные тени,
Черные дубинки,
Мы пробные мишени,
Бессловесные картинки.
На площадке марша
Прорези для глаз,
Отдал микромаршал
Карательный приказ.
Дубинками по спинам,
Кому-то врежут в бок,
С возгласом ослиным
Прививается урок.
Это «ласковый» ОМОН
Отрывается сполна,
Ему приятен стон
И кровавая слюна.
Такая схема
Пыток, унижения, –
Дебильная система
Хочет уважения.
Не видят фарисеи –
Прокуроры по надзору,
Синяки и шишки сеют.
Крик по коридору.
Сбор у пункта,
Уперлись в тормоза,
Это на случай,
Малая гроза.
Открыты двери камер,
Приглушенный стон,
Без команды замер
Доблестный ОМОН.
Это просто тренировка
На живых мишенях,
Пропадет сноровка –
Бить по шеям.
Зачем пальнула пушка?
Кому приказ назло?
Тюремная верхушка
Улизнула из СИЗО.

КРИМИНАЛ

Наша жизнь – криминал,
Здесь бессильны заступники,
Обманул, обвесил, украл,
Гуляют на воле преступники.
Чужой не взял копейки?
Был к дармовщине глух?
Находим в душе лазейки,
Стыдно признаться вслух.
Наша жизнь – криминал,
Загребают чужое глазки,
Пляшет кругом карнавал,
Меняются похоти маски.
С детства кричим: «Мое!»
Гребем под себя, с тех пор
Переделали сознание свое,
За другими ведем надзор.
Наша жизнь – криминал,
Таится в промыслах грех,
Сопернику строил провал,
Его примеряя успех?
Наша жизнь – криминал,
Трудно достойным быть,
Не будет пустым пьедестал,
Ангелом невозможно прожить.

СУДЬЯ

Она мечтала стать судьей,
Разбирать детально прегрешения,
Черпать исповедь бадьей,
Выносить красивые решения.
В процессах не было поэзии,
С исповедью тоже глухо,
О высоком слоге грезила, –
В протоколах все предельно сухо.
Заболел опытный судья,
К делу разогретый интерес,
Чтоб не пустовала зря скамья,
Отписали ей вести процесс.
Известная компания «Монарх»
Обвинялась в ряде прегрешений.
Основатель и владелец – олигарх,
Ожидал в СИЗО решения.
Эпизоды – пролитая ртуть,
Надо собирать в бутылку,
Быстро вникнуть в суть,
Дать олигарху по затылку, –
Такое ставили условие.
И должность председателя суда.
Раздражает Бога твое сословие,
Меньше пользы, чем вреда.
О высоком мечтала слоге
И где комфортнее среда,
Обмолвилась в диалоге
Про другую категорию суда.
Олигарх получит по затылку,
Бесполезен будет пересуд,
Откроют шампанского бутылку
За переход в Верховный суд.

КАСТЫ

Ты в России застрахован,
Не отправят за Урал,
И не будешь ты закован,
Если больше всех украл.
Не ходи на приговор,
Адвокат сообщит дословно,
Не нарушат договор,
Получишь срок условно.
Можешь смело развлекаться,
Если кошелек тугой.
По пустякам не отвлекаться,
Срок отволокет другой.
Сидят за сущие гроши,
Удивит условный пункт,
Потом дивятся от души,
Почему в неволе бунт.
В России ты, чиновник,
Зарекайся от суммы;
Уволен как виновник,
Дадут тебе займы.
Только вымолви «алло!»
И заплачь в жилетку,
Сразу спрячут под крыло,
Дадут кресло и конфетку.
Непотопляемый союз:
Монолит и кремль,
В руках козырный туз,
Бессилен даже Кремль.
Попадаешь в эти касты,
Дели своим пирог,
Ходи по морю и по насту,
Ты в России царь и бог!

ВАНДАЛЫ

Крест сияет на макушке,
На земле – иная панорама,
У входа крестятся старушки,
Разбиты кем-то двери храма.
Храм ограбили вандалы,
Туман ложится мглистый,
Обобрали стены, залы,
За спиной стоит нечистый.
За плечами пустота,
Иконы сдали перекупщикам,
Наверно, было неспроста
По году жизни им отпущено.
Не хоронят тех на кладбище
Кто покусился на святыни,
Пристанищем им – пастбище,
И забвение в пустыне.

КОНИ

Мелькают мокрые ладони,
Проходят быстро круг,
С ладоней сходят кони,
Озираются вокруг.
Кони сделаны из хлеба,
Аккуратные фигурки,
Не видят кони неба,
Не знают о прогулке.
Не грабят кони банки,
Рысаки и пони,
Горячие мустанги
Стоят у нас в загоне.
Серый, как свинец,
Поместится в руке,
Гордый жеребец,
Стоит на общаке.

ПРИХОДИТЕ, ГОСПОДА!

Время – быстрая вода,
Бег в неволе замедляет.
Дамы! Господа!
Неволя сохраняет.
Ждут Вас, Господа!
Приходите смело,
В неволе без вреда
Закалите тело.
Ветшалое старение
Шагает не спеша,
Наберитесь терпения,
Заработает душа.
Разглядятся морщины,
Не нужна диета,
Откроются вершины,
Если песенка не спета.
Приходите, Господа!
Здесь больше справедливости –
Такая плавится руда,
Научитесь стыдливости.
Приходите, Господа!
Писать роман и повесть,
Проведете лучшие года,
Здесь проснется совесть.
Не ждите приглашения,
Приходите, Господа!
Были прегрешения –
Исчезнут навсегда.

ТОЛПА ЗАМЕТНО ПОРЕДЕЛА

Толпа заметно поредела,
На сухой похожа лес,
К наперсткам после беспредела,
Потерян интерес.
«Вас кидают, как лохов,
Вот открыто, все прозрачно,
Играй до первых петухов», –
Говорит фанерщик смачно.
В качестве примера:
«Вот шелковый шпагат,
Вот чистая фанера,
Нет наперстков, нет преград.
Кидаю две петли,
Одна из них пустая,
Концы уйдут, как фитили –
Диалектика простая.
Определил субъект,
Ставим внутрь пальчик;
Шнурок поймал объект,
Ты – фартовый мальчик».
Дамы шепчутся в сторонке –
Пустить ли деньги в оборот,
И вынимают из дубленки
Пачку новеньких банкнот.
Фанерщик потирает руки,
Дамы ставят пачку,
Лезет быстро в брюки,
Вынимает мятую заначку.
Формальности улажены,
Деньги у третьего лица.
Что выльется из скважины?
На фанере два кольца.
Ставит пальчик дама, –
На осечку выставлен курок,
Не меняется программа,
Фанерщик тянет за курок.
Подруга сжала локоть,
В глазах пошли круги,
Краснеет один ноготь –
Шнурок несет долги.
У дамы срыв, истерика,
Это деньги предприятия,
Не поможет здесь Америка,
Теперь – к начальнику в объятия.
Толпа гудит, как улей –

Жалеют – нет милиции;
Кто остался с дулей,
Клянут свои амбиции.

ПЯТИДЕСЯТЫЕ

Фуражка-восьмиклинка,
Брюки в прохаря,
За голенищем – финка,
Облик блатаря.
Состоятельных особ
Вычислят наводчики,
Уходят на гоп-стоп
Лихие переметчики.
Фарговые налеты,
Ночные randevu,
Разбираются полеты
На хазах поутру.
Режутся карманы,
В очередь заслоны,
Выполнены планы,
У прилавков стоны.
Непыльная работа
На кончике пера,
От налета до налета –
Веселая пора.
Девочки в малинах,
От счастья – в облаках,
Купола на спинах,
Фразы на руках.
Грабежи, разбои,
Серьезные понты,
Редкие простои,
Повержены менты.
Работа оперская,
Агентура и сексоты,
Понимает стая,
Опустели соты.
Не попал с поличным
При честном народе,
Жуликом приличным
Гуляешь на свободе.

ВОСПОМИНАНИЯ

Амур стреляет стрелами,
Стрелы ранят глубоко,
Были юными, незрелыми,
Уходили стрелы в молоко.
Полей чернела пахота,
Озер глубоких синева,
Листва зеленым бархатом,
Цветным ковром трава.
Мужали наши плечики,
Выходили за родной порог
В простых рубахах клетчатых
На простор больших дорог.
Города манили тесные,
Улиц острые ножи,
Со своими приходили песнями,
Родные славили Кизи.
Коснулись малой толики,
Заштормили в нас моря,
Уезжали Пети, Толики
В не столь далекие поля.
Снились скромненькие виды,
Жизнь текла неспешная,
Возводили пирамиды,
Простыми были пешками.

АМУР

Амур стреляет стрелами,
Стрелы ранят глубоко,
Стали взрослыми и зрелыми,
Носили детям молоко.
Жены не были моделями,
В работе были ручки,
Жили скучными неделями
От полочки до полочки.
Жили серенько и бедно,
Много было низкого,
Но не портили обедню,
Принимали горе близко мы.
Меж нациями дружба
Была больше на бумаге,
Чужих не били дружно,
Трупов не было в овраге.
Детям – лошади педальные,
Ездили на стареньких авто,
В края стремились дальние,
Накинув старое пальто.
Привозили северную бледность,
Скромный денежный навар,
Забывали вмиг про бедность,
Окунаясь в сочинский загар.
Сдвигали в праздник столики,
Гуляли весело, неплохо,
Расскажут всем историки
Про советскую эпоху.
Свято верили в утопию –
Скоро изобилие придет,
С собою носим копию,
Введен надолго код.

ТУРИСТ

Раздался резкий свист,
Надо быстро закругляться,
Обобран наголо турист,
Не стал сопротивляться.
Забрали сумку, шмотки –
Чего не сделаешь по пьянке,
Иностранцы тихи, кротки,
Трусливы большие янки.
Воспитывали с детства
Вражду к капиталистам,
Досталась по наследству
Неприязнь к туристам.
Менты хихикают в кулак,
Хвалят гостеприимство –
Это форменный бардак,
Не допустим больше свинства.
Предлагают бутерброд,
Возвышая хлебосольство,
Иностранцу смотрят в рот –
Доставим до посольства.
Остался голоштаным
Незадачливый янки,
Без боя сдался россиянам,
Не дотянул до планки.
Надзорный прибыл чин, –
Выше нету птицы,
Ограблен Штатов господин
На улице столицы.

ИСПОЛНИТЕЛЬ

Собраны нехитрые пожитки,
Вода для умывания святая,
Сигареты, шоколада плитки, –
Работа скрытая, простая.
Под рубахой кобура.
Командировка, бурное течение,
На позицию с раннего утра
Лежит в кармане назначение.
Нажать курок в подвале
В круглый шар затылка,
Остался порох на металле,
Разбита красного бутылка.
Лучше стул и шприц,
Смертельный газовый паек,
Не обольются кровью ниц,
Не спустят в голову паек.
Не знают дети и жена,
Где служит любящий отец,
Служба тайная вредна,
Срикошетит в будущем свинец.
Без работы исполнитель,
Закрыт охотничий сезон,
На гвоздь повешен китель,
Теперь пожизненный резон.
Офицер исполнил долг,
Не им придумана работа,
Он санитарный волк, –
Подчищать обязан кто-то.
Изменится обмен веществ,
Неустойчив будет исполнитель,
Не убивать живых существ,
Не трогать их обитель.

ПОЛУСТАНОК

После приговора – осужденка.
Прощай, Мундирная ботва!
Прощай, родная шконка!
До встречи, честная братва.
Все желания под откос,
Вьется дым от папирос,
Под ритмичный стук колес
Решаем лагерный вопрос.
Тихий вербный полустанок,
Цветет кругом акация,
Выводят в поле спозаранок,
Значит – рядом резервация.
Проходим первый класс,
В шеренги строят нас,
Устный слышится приказ,
Колонны двинулся каркас.
Влево двинулся – побег,
Смотрит дуло автомата,
Вправо двинулся – побег,
Неминуема расплата.
Прыжок на месте – провокация,
Грядет тупая эксплуатация,
Цветет кругом акация,
Ждет колонну изоляция.

ДУБАК

Щелкает браслетами дубак,
Вертухай детально не простой,
В глазок подглядывать мастак,
Взгляд скользкий и пустой.
В глаза не смотрят дубаки,
Подстраховка от гипноза,
На скулах ходят желваки,
Если выжидательная поза.
На службе мало обязательств,
Свободным будь художником
При стечении обстоятельств
Можешь стать заложником.
Стучат частенько в тормоза,
Собирай бумажки, дворник,
Курьером станет за глаза,
Сунут в руки стольник.
В прошлом – надзиратель,
Сейчас – мутный контролер,
С дубинкою каратель
И купленный суфлер.
Дубак ведет по коридору,
Куда – не скажет никогда,
Давать медали впору
Отличнику тюремного труда.
Давит кнопки у дверей,
Открывают двери автоматы,
Запах гор, степей, морей
Несут неволи ароматы.
Непередаваем запах, дух, –
Здесь надо просто очутиться,
Привел на пастбище пастух,
Сейчас он отлучится.
Придется встать в стакан,
Снял дубак браслеты.
Какой готовит кум капкан?..
Ищу в карманах сигареты.

ХОЗЯИН

Вид усталый у полковника,
На лице крупинки пота,
Рушить кодекс уголовного –
Бесполезная работа.
Стоит российский триколор,
Доклад остался без ответа,
Неприятный будет разговор,
Хмур хозяин кабинета.
Вытирает пот платком,
Отодвигает кружку с чаем,
Полковник не был подлецом,
Про его открытость знаем.
«Говори подробно все, Петров,
Шлет сигналы нам Петровка –
Где роза правильных ветров,
Зачем нужна вам голодовка».
Сексоты, видно, цинканули
Или шустрые кумовки.
«Начальник, гайки затянули,
Устали от бешеной голтовки.
Бытует форменный садизм,
Промах мелочный – расплата,
Вот и взялись за марксизм,
Голодовка – оружие пролетариата».
Ведут войну с народом,
Не отменяют наступления,
Мы из социализма родом,
Там и корни преступления.
Полковник – плоть системы,
У подчиненных в уважении.
«Начальник, коснемся темы?
Спокойно будет в учреждении».
«Хорошо, коснемся темы!
Пришлите мне листовку –
Какие мучают проблемы.
И отмените голодовку».

СТАРЫЙ ВОР

Тихий хриплый голос,
Незаметная фигура,
Среди зэков – колосс,
Бельмо в глазу для МУРа.
Старый тертый вор,
Ни семьи, ни хаты,
Шагами мерил коридор,
Смотрел в окно пансионата.
Себе не делал скидку,
Не уходил от приговора,
Шел с братвой в отсидку,
В кармане – пачка «Беломора».
Не ругал открыто власть,
Не трогал всеу Бога.
Легла такая масть –
По зонам пыльная дорога.
Не знал своих родителей,
На зону сунули мальчишку.
Попал в число вредителей,
Читал про яды книжку.
Помнил войны сучьи,
Целование ножей,
В кострах трещали сучья,
В побегам жарили ежей.
Держали честь и марку,
Питались всем с земли,
Шли в полярную Игарку,
Спасением были корабли.
Кому фартило и везло,
Уходили в трюмах кораблей.
Спасибо! – вольной весло,
Прощай, свободный Енисей.
Раскидал по жизни север,
Вернули многих в зону.
За окном краснеет клевер,
В небе птичьи звоны.
Стоя у отрытого окна,
Шел по Беломорскому каналу,
Плескалася балтийская волна,
Память прибивалася к причалу.
Не писался на мокруху,
Жил в согласии с собою
Бродяга, вор по духу.
Доволен был судьбою.

ОКО ГОСУДАРЕВО

Нашупало кормушку
Око государево.
Вылавливают тушку
Из мутного варева.
Не осужден, сразу влип –
Выпал брюлик из кулона,
Срочно нужен джип
Служителю закона.
Опишут все сначала,
Раздербанят без сомнения,
Объяснят: не отвечало
Способу хранения.
Детище Великого Петра –
Око государево.
Закипел бы царь с утра:
Какое цедят варево.
Законники – Рокфеллеры,
Медалей тянет груз,
Царь крутился бы пропеллером,
Дубиной выправил конфуз.
Испарилось варево –
Где искать причины?
Око государево
Накинуло овчину.

ХОЗБЫК

Был правильный пацан
Среди прочих неудобных.
Лечился от душевных ран
В кругу себе подобных.
Не подадут тебе руки,
Оболганы понятия,
Подался в хозбыки –
К хозяину в объятия.
Твое ярмо – рабочка,
Судят по делам.
Сам поставил точку –
Шнырить по углам.
Упираешься, как вол,
Мешками носишь гады,
Обслуге моешь пол,
Твои родные рады.
Дела идут ништяк,
На УДО твоя персона.
И тут подкинули косяк –
Впереди маячит зона.
Придется пол мести,
Сыграли четко в поддавки,
Будешь веники пасти,
Не в моде в зоне хозбыки.

СУИЦИД

Полосу вкатили в дело:
Склонен к суициду.
Под присмотром твое тело,
Не дадут тебя в обиду.
Смотрят днем и ночью –
Не улетел ли на метле?
Убеждаются воочию,
Не повис ли ты в петле.
Может, взглянул отрешенно,
Как из космоса десант?
Все сделали законно,
Вообще, ценный арестант.
Создана нормальная среда,
Ходит кум в твоих отцах,
Ты кому-то нужен до суда,
Сидишь комфортно на спечах.
Суд поставит точку,
Откроют доступ к телу,
Можешь получить заточку,
Если косорезил не по делу.

ТУПИК

Белеют кольца с пилами
В ногах у обреченных,
Исправляются могилами
Пороки заключенных.
Бунт на зоне красной,
Труп к свиданию готов.
Хватает черной краски
Для написания номеров.
Носит вантухи актив,
Светит темный эгоизм,
Будет красным коллектив,
Пресловутый коммунизм.
В сознании – красный след,
Дробятся лучшие черты.
Пусть сдохнет твой сосед,
После сдохни ты.
Зоной правит кнут,
Пряник исключен из правил,
Здесь ненавидят труд,
Никого он не исправил
Прочти любую закорючку,
Все вышибают клином.
Как выйти за колючку
Нормальным гражданином?

ЛЕСНЫЕ БАКСЫ

Залег в деревне летом,
Кислый квас в подвале.
Ложился с пистолетом
На высоком сеновале.
Дед соседский преподнес
Ковш огромный браги,
Позвал на сенокос,
Обкосить овраги.
Покосили, развели костер,
Попили с хлебом чай.
Дед активен и шустер,
Прокинул невзначай:
«Рядышком в овражке,
Где волки блудят,
Есть зеленые бумажки,
Пуда два, наверно, будет».
Я вскочил ужаленно,
От успеха чуть не заорал
(За Родину! За Сталина!
Закончился аврал).
Мы ищем эти баксы,
Перевернули все вверх дном,
Оборвали телефоны, факсы,
Перешерстили все кругом.
Могилой стала трасса –
Разбилася братва,
Пропала денежная масса,
Зеленая ботва.
«Они прикопаны лежат
В овражке, в лесу,
Мне подкинете денжат
На новую косу».
Не проблема, не вопрос –
Как найдем пропажу
Тебе выстроим колхоз
За найденную кражу!
Дед ковыряется в носу:
«Берите те бумажки.
Мне бы новую косу,
Да сахару для бражки».

НАПЕРСТКИ

Крутят три наперстка,
Дела весьма не плохи,
Своих топчется горстка,
Рты открыли лохи.
«Бабушка Алена
Дала три миллиона.
Кручу, верчу,
Один проиграть хочу», –
Распевает зазывала,
Толпа стоит стеной,
«Здесь шарик из металла», –
Заявляет подставной.
«Везет же дуракам, —
Зазывала стиснул зубы, —
Сейчас выигрыш отдам».
Толпа облизывает губы.
Банкир стоит спиной,
Наперстки пробежали круг,
Светит шарик. Подставной:
«По крупному сыграем, друг!»
Известен шарик,
Мужчина мнетя по привычке,
По карманам долго шарит,
Избавляясь от налички.
Пачку денег посчитали,
Банкир отдал свою:
«Пока наперсток не подняли,
Положим деньги на краю».
Наперсток средний пуст,
Стресса не было давно,
Слышен пальцев хруст,
Мужчина бел, как полотно.
Деньги больше не лежат,
Шарик слева от клиента, –
Был меж пальцами зажат
До нужного момента.

ЗОНА

Впереди крутой базар,
Вмиг расходится отряд.
Кому-то не подняться с нар,
Из груди летит набат.
Век свободы не видать!
Век зоною дышать!
Кто прав? И кто не прав?
В руках блестят заточки.
Кто кролик? Кто удав?
Кому порежут почки?
Век зоны не видать!
Век свободой дышать!
Кто болеет? Кто косит?
Кто умен? А кто глупец?
О чем указ гласит?
В патроне спит свинец!
Конвоя не видать!
Век свободой дышать!
То жара, то ледостав!
Кто в ШИЗО, кто в БУРе.
Где нарушили устав?
Где пахан, в натуре?
Век разборок не видать!
Век свободой дышать!
Оседает пыль дорог.
Кому грозит туберкулез?
Кто шестерка, а кто рог?
Листья падают с берез.
Век неволи не видать!
Век свободой дышать!
На груди синее крест.
Кто блатной, а кто чухан?
Отдельно группа из невест.
Кто-то курит план.
Век баланды не видать!
Век свободой дышать!
Где провал? А где успех?
Жизнь брошена на кон!
Где слезы, а где смех?
Где стальной вагон?
Век этапов не видать!
Век свободой дышать!
Кому шоха, кому туз?
Кто баран? Кто пастух?
Фраер, приготовь арбуз.

С дырявой шлемкою петух.
Век в карты не играть!
Век свободою дышать!
Кому УДО, кому срок?
Зона красная стучит.
Кому платить оброк?
Кто надолго замолчит?
Век красной зоны не видать!
Век свободою дышать!
Век свободою дышать!
Праведником не нарядиться –
Покаяния некому петь,
Надо в России родиться,
В России свой срок отсидеть!

НА РЕЙДЕ КОРАБЛИ

На рейде – корабли...
Предвидится отбой...
Слабый теплый ветер,
Получишь срок условно.
Иду один за паровоза,
Не подвергну сглазу.
Между нами штора,
Сумка из брезента,
Терпила в непонятке,
Эти не ко мне вопросы.
Что там судья, им невдомек,
Вьется над зоной дымок.
На зону прибыл пакет,
Размяла уставшую спину,
Раз теряют честь
В коридорах нашей крытой
Сверху и до низа.
Постелью мне скамейка,
Упал в мятежный сон.
Слышишь шумную погоню,
В душе я чувствовал победу.
Вам светит три петра,
Нам – медалей треть ведра,
Очные ставки, разводы.
Дубак кричит: «С вещами!»
Сегодня не полезла.
В тюрьме библиотекарь
Точный, как аптекарь.
Кто-то скажет для прикола:
Тюрьма бывает раз.
Медпомощь.

ХЕРСОН

В далеком далеке
Плывет в тумане сон:
Городишко на реке
По имени Херсон.

Жизнь моя блатная,
Милая пора.
Финочка стальная
Искала опера.

Будто море Черное –
Оно синее облаков,
Грабили по-черному
До третьих петухов.

Надежная малина,
Музыка играла,
Парус белый Грина
У веселого причала.

Заначки все пустые,
Зреет дерзкий план,
Маслята золотые
Сыплются в карман.

Смазаны вольны,
Знакомые дворы,
Золотом витрины
Сияли до поры.

Играло море синее,
Летняя пора,
Гнездо осиное
Накрыли опера.

Прощай, перрончик,
Цвел в саду имбирь,
Стольпинский вагончик
Отчаливал в Сибирь.

Снега идут густые,
Нахохлился снегирь.
Там пляжи золотые,
Здесь – холодная Сибирь.

Финочка стальная,
Как далекий сон,
Молодость шальная
В городе Херсон.

СТАНИЦА

В уральской станице весна,
Оживились заметно дороги,
Застыла мать у окна,
Матери вечно в тревоге.

Я вернулся в родительский дом,
Домик старенький, низкий,
Пес виляет хвостом,
Для него я – родной и близкий.

Я в станице как будто новый,
Загляну за куревом в лавку,
Придет домой участковый –
Посмотреть на законную справку.

Сяду под старую вишню,
Закурю сигарету, как прежде,
Я на родине вовсе не лишний
И имею большие надежды.

Покрашу крышу, наличники,
Поправлю крыльцо и ворота,
Кивают в ответ станичники –
Им понятна моя забота.

На тракторе выеду в поле,
Верхом оседлаю коня,
По степной соскучился воле,
На многое хватит меня.

Над станицей плывут облака,
Деревенская жизнь простая,
Принесет попить молока
Соседка. Живет холостая.

Потеряла казачка мужа,
Одна поднимает дочь,
В общем, живет, не тужит,
Но и замуж пойти не прочь.

По ласке соскучились души,
Нет у любви преград,
Посадим яблони, груши,
Зацветет наш семейный сад.

МАТРОССКАЯ ТИШИНА

Вечер накинуд платочек,
Московская бьется волна,
Звездного неба кусочек,
Матросская спит тишина.

Рассвет занимается мудро,
Все ближе к подъему стрелка.
Не скажут: «Доброе утро!»
Молча проходит проверка.

«Доброе утро, держава!»
Спит гражданин у парашаи,
Быстротечна дурная слава
Про Отечество скорбное наше.

Нету достойного места,
Поприветствовать нас нельзя,
Мы будто другого теста,
С того света явились, друзья.

На решетку падает тень,
Открыл дубак тормоза,
Не скажет «Добрый день!»,
Отводит служивый глаза.

Здравствуй, родная страна!
До суда объявили бандитом,
Унижений хлебнешь сполна
По хатам сырым и забитым.

«Родная страна! До свидания!»
Писем отправлены пачки,
Не скоро на воле свидания,
Отписки идут на касачку.

ЗЛАТОУСТОВСКИЙ ЦЕНТРАЛ

По склонам – березовый рай,
Родники по склонам Урала,
Вершина горы Таганай
Видна из окон централа.

Златоустовский централ,
Сидельцы дерзкие, лихие,
Братву не раз короновал,
Кололи звезды воровские.

Сидит высокий криминал,
Он за многое в ответе,
Златоустовский централ
У братвы всегда в авторитете.

В деле правильный централ,
Сходка вовремя забита,
На зоне правит бал
Криминальная элита.

Златоустовский централ,
Сидельцы дерзкие, лихие,
Братву не раз короновал,
Кололи звезды воровские.

Воровские чтят законы
Корифеи криминала,
Малявы и прогоны
Уходят в зоны из централа.

Любое дело полистай –
В крытой он не первый год,
На них взирает Таганай,
Достигнут дерзкие высот.

Златоустовский централ,
Сидельцы дерзкие, лихие,
Братву не раз короновал,
Кололи звезды воровские.

РЕЙС 4076

Пятнадцать зэков-смельчаков
Рванулись смело на свободу,
Каждый был рискнуть готов
Идти в огонь и воду.

В угон захвачен самолет,
Стюардессы гибкий стан,
Будет трудным перелет –
Впереди далекий Пакистан.

Радужно улыбались мусульмане,
Встречали всех по одному,
Договорились власти заранее
Отправить пришлых в тюрьму.

Непроста пакистанская неволя,
От жары пожелтела трава,
От болезней страдали невольники,
Попала в промот братва.

Ведро воды на хату –
Не то, что в русской бане,
Расскажут врагу и брату –
Тяжело сидеть в Пакистане.

По ошибке села братва
С небес на узкую сушу,
Пакистанских небес синева
Не радует русскую душу.

Восемь долгих лет
В чужой неволе просидели,
Не послать родным привет,
Лучше бы колымские метели.

Угонщики вернулись домой,
В душе тревога, истома,
В стране оказались другой,
Простила Россия их дома.

МЕЧЕНЬИЙ

Он вилял, уходил от ответа,
Обреченно мотал головой,
До звонка оставалось два лета,
Но раньше хотелось домой.

Под веко загнали весло –
На любого найдется управа,
Он сучье нес ремесло,
Должен ответить по праву.

Готова к работе иголка,
Сегодня накольщик – палач.
Позорная будет наколка:
На веко наколют – стукач.

Опасно носителю спать,
Дела плохие, убогие,
Может сука не встать,
От доносов страдают многие.

Отдыхаешь вниз лицом –
Могут быть подозрения,
Лучше не быть подлецом,
Не будет к тебе презрения.

Из глаза достали веко,
Закончилась быстро работа,
Плохое стучать ремесло,
Увидят в нем идиота.

По зоне гуляет стукач,
За дело правильно меченьий,
Масти темной, как грач,
До звонка он теперь засвеченный.

ОБОРОТКА

Начал бить в карантине
Пестрый сучий коллектив,
По очень простой причине –
За отказ вступить в актив.

Он правильный был пацан,
Черную зону держал в уме,
Свой вынашивал план,
По понятиям оказался в тюрьме.

Активисты били по почкам,
Задание выполняли с любовью,
Он для них приготовил заточку,
Надоело мочиться кровью.

Бригада пришла за ответом,
Носители мести и зла,
Он их огорошил приветом,
Ударил заточкой козла.

Испытали истязатели шок,
Рикошетом ответило зло,
Его бросили в каменный мешок,
На полгода закрыли в ШИЗО.

Он ждал следака и следствия,
Черными виделись краски,
Но не было никакого последствия –
Видно, боялись огласки.

ГОРНЫЙ ДЕСАНТ

Тяжело поднимался поезд,
Подъема – последний кусок,
Перевалит каменный пояс,
Уйдет состав на восток.

Сосны мелькали и ели,
Горные цепи Урала,
Долго по зонам сидели
Отцы и бойцы криминала.

Подтянулись на строку к вокзалу,
Ехали дружной ватагой,
Пассажир не поймет по базару,
Что одной спяны сагой.

На года зависли подельники,
Прошлись по телу иголки,
Устремились в небо ельники,
А были – всего лишь елочки.

За плечами нелегкий груз,
Морщины легли глубоко,
Прессовал отменно Союз,
Да и Россия ушла недалеко.

Зеленые горы от меди,
Шумит тайга по краям,
Выходили попить медведи
К пологим горным ручьям.

«Пора», – подытожил пахан
Спокойным, уверенным тоном,
Молодой рванул стоп-кран,
Дрожь прошла по вагонам.

Над ручьями висели стрекозы,
Уходила в горы братва,
Шумели листвою березы,
Дремала на ветке сова.

Дерзкие шли ребята,
Прошивали чащобы насквозь,
Со страхом смотрели волчата,
С тропы сворачивал лось.

На третий походный день
Птицы в зарослях пели,
Они вышли к горе Ильмень,
Рукой подать до цели.

Двое ушли на разведку,
Скрылись в расщелине скал,
Было им небо в клетку,
Полосой впереди – перевал.

Судьба коснулась такая –
Кочки, болота и плавни,
На склоне стоит мастерская,
Пилит редкие камни.

Посланцы явились как раз –
Камней нарезана куча,
Доставит братва заказ,
Творили дела покруче.

ПАМЯТЬ

Бьется посуда со звоном,
Вроде – к удаче примета,
Память проходит по зонам,
По камерам серого цвета.

Болезненный высветит миг,
Чифира спасала доза,
Не загонишь память в тупик,
Мешает и ноет заноза.

Ключей и решеток звон,
За окнами – летний дождик,
По плану проходит шмон,
По плану пройдемся попозже.

Косяк за плафоном забит,
Греют чифир на треноге,
Арестант частенько забыт,
Труднее в неволе дороги.

Скатится память в подвал,
В карцер холодный и тесный,
Кайф хороший поймал,
Напиток чифир чудесный.

В осужденке память зависла,
Долго ждали этапа,
Дым висел коромыслом,
В буру играли и крапа.

Помнит память перрон,
Поднималась в Столыпин память,
Плавно качался вагон,
Снежная кружилась замять.

Помнит солдат атаку,
Снится минное поле,
Зэк прикован к бараку,
Вечно помнит неволю.

НЕТ НАСТОЯЩЕГО

В прошлом остался миг,
Время летит упрямо,
Ребенка первый крик
Услышит в будущем мама.

Вечное солнце и звезды,
Миг облетел стоящего,
Деревья и птичьи гнезда –
Не знают они настоящего.

Нет никакого мига,
В будущем варится жизнь,
Времени открытая книга,
За него и держись.

В будущем варится мир,
Придумали время пошлое,
Миг съедает эфир,
Диктор вещает прошлое.

В жизни нет настоящего,
В прошлом – звездная пыль,
Мимо взгляда смотрящего
Уходит в историю быль.

Нет настоящего в мире,
Вечна мечта о высоком,
Песни звучат в эфире
О прошлом и светлом далеком.

От ковчега древнего Ноя
До улиц Третьего Рима
Миг выметут метлою,
Завтра катилось незримо.

Нет никакого мига,
В будущем варится жизнь,
Времени открытая книга,
За него и держись.

ПРИСЯЖНЫЙ

Весна на улице Маячной,
Под ногами рыхлый снег,
Тюрьма старинная маячит,
От автозака мокрый след.

Прочтут сегодня приговор,
Сошлись улики важные,
По полной грузит прокурор,
Добро дают присяжные.

У одного присяжного сомнения,
В суде он редкий старожил,
Свое простое мнение
Судье подробно изложил.

Судью присяжный озадачил,
Ему можно было верить,
В тот день с виновным он рыбачил,
Но время нет проверить.

Присяжные – не судьи, не юристы,
Главное – им проехать по ушам,
Пригорюнились, сердобольные, от свиста,
Верят отпетым корешам.

У прокурора обвинительный уклон,
Балду кружить горазд,
Под себя подмял закон,
Любому фору даст.

Отполирована до блеска
Невиновными скамья,
Фемида провалилась с треском,
Понимает все судья.

Ни обвинения, ни Фемида
Не признают себя виновными,
По делу скачет гнида,
Точно морда уголовная.

Жирный у судьи кусок
Принесут еще не в суд,
Виновен хоть на волосок –
Быстро голову снесут.

МЕЧЕНАЯ МАНТИЯ

Шумела дружно пресса,
Червонец невинный отволок,
Судья не проявила интереса,
Могла дать и потолок.

Судьи помнят все дела,
В карьере не было ошибок,
Она процесс достойно провела,
Был подсудимый очень гибок.

Себя считал он правым,
Смело отказался от защиты,
Держался парнем бравым,
Хотя и органы отбиты.

Первые берутся показания,
Как более честные, правдивые,
От страха и незнания
Помогут опера ретивые.

У следствия нет морали,
Приемам мерзким нет названий,
Тысячи невинных замарали,
Чтоб добиться нужных показаний.

Без остановки работает машина,
Ей не до слез и не до стресса,
Это только айсберга вершина,
То, что нароет пресса.

Совесьь бедолагу придушила,
Совсем загнолся кровник,
В мешке не спрячешь шила,
Явился истинный виновник.

Писали про кодекс уголовный,
Судье ни радостно, ни больно,
Червонец отволок невинный,
У нас и к стенке ставили спокойно.

Закон не трогает Фемиду,
Где от тюрьмы гарантия,
Пожурит слегка для вида,
Удобна меченая мантия.

ЖЕЛАНИЕ МСТИТЬ

Под ногами рыхлый снег,
Противна, скользка слякоть,
Беглец теряет след,
Пробила пуля мякоть.

Когда растоптали жизнь и честь,
Когда куплены законы,
Остается только месть,
Не удержат ээка зоны.

Плывут по небу облака,
В мир иной плывут,
Осталось жать ээка
Не больше двух минут.

Поймал на мушку вертухай,
Открыл сезон охоты,
К свободе рвется – подыхай,
От мук избавят доброхоты.

Плохо слушалась нога,
Он бежал вдоль обрыва,
Секунда каждая дорога,
Умереть, так хоть красиво.

Он бросился в пустую бездну,
Погоню чувствовал спиной,
Будьте так любезны,
Следуйте за мной.

Стояла недолго погоня,
Преследовать было глупо,
У беглеца, наверное, агония,
После таких падений – трупы.

Их тысячи по тюрьмам и зонам,
Доведенные судом и следствием,
Они не верят людям, законам,
Их не страшат последствия.

Победит желание жить,
Он пройдет снега и вьюги,
Он объявится, чтобы жить
На севере, западе, юге.

ЧЕСТНЫЙ СЕРЖАНТ

На службе был сержант,
По нужде зашел в кафе,
Закона всякого гарант.
Была компания подшофе.

Не виноват клиент,
Правда, пили очень много,
Под столом черный дипломат,
Наверно, дальняя дорога.

Хотел он выпить кофе
За лычки от державы.
Служивый – честный профи.
Он сильно жаждал славы.

Компания шумно вышла,
Не отпустила даже мат,
Законы крутятся, как дышло,
На месте черный дипломат.

Дипломат забит деньгами,
Чем представил интерес,
Будто топтали их ногами
И засунули под пресс.

Нет братвы и нет облавы,
Ему бы быстро в путь...
Он сильно жаждал славы,
Надо прессу подтянуть.

Домой супруге позвонил,
Мол, не встречал такого лоха,
Открытым текстом говорил,
Супруге стало плохо.

«Гриша, неужели ты не рад,
У нас пустая ниша,
Вези скорее дипломат...»
Но жаждал славы Гриша.

Сержант недолго колебался,
Был неподвластен уговорам,
Ему случай улыбался,
Позвонил он репортерам.

Гудели все каналы, факсы,
Всех размеров волны,
Сержант вернул лимон баксов,
Он славы хапанул по-полной.

Не крыса он, не крохобор,
И не степной голодный волк,
Поправил головной убор –
Он исполнил честно долг.

Он решил в родной милиции
Создать достойную фалангу,
У начальства вытянулись лица –
Высоко он поднял планку.

Сообщили многие издания:
Компания вышла из кафе,
Погибла в аварии компания,
Они были сильно подшофе.

Явился Гриша вечером,
Супруга выдала уродство:
«Нам жрать с сынишкой нечего,
А ты играешь в благородство.

Козел ты, Гриша, добрый,
Решил честно послужить,
Просить займы неудобно,
Мы уходим к маме жить».

Утром вызвало начальство,
Майор недоволен был:
«Такого не было нахальства,
Почему нам не доложил?

Нам спец такой не нужен,
Раз не водишь дружбу,
Сел ты, братец, в лужу,
Ищи другую службу».

Остался без работы Гриша
Из-за дипломата грешного,
Пустует в кадрах ниша,
Но все боятся честного.

ПОЛЯРНЫЙ УРАЛ

Верстовые мелькают столбы,
Уральский каменный пояс,
В плену у скорбной судьбы
На север стремится поезд.

Прикрыты усталые веки,
Качается плавно вагон,
Под снегом сонные реки,
Снегом забит перегон.

На север стремится поезд,
Плавно плывут облака,
Уральский каменный пояс,
Дремлют в вагонах зэка.

Сосны мелькают и ели,
На зону едет братва,
Метели свистят в апреле,
В мае пробьется трава.

Уральский каменный пояс,
Седой заполярный Урал,
Гудит на прощание поезд,
Валит лес криминал.

Баракы стоят под горой,
Лесной нетронутый рай,
Ветки жжет костровой,
Крепкий варится чай.

Разговоры ведут меж собою
Закона и леса враги
Пьют горькую хвою –
Помогает зимой от цинги.

Искрится и падает снег,
Ударят лихие морозы,
Сосен и елей след,
Ползут по горам лесовозы.

Прекрасен каменный пояс,
В просторы и чащи зовет,
Пыхтит, торопится поезд,
Арестантов новых везет.

БИРЖА

Пахнет свежая хвоя.
От причала до дальних ворот
Нет арестанту покоя –
Биржа разделку ведет.

Чифира горячего кружка,
Сосен и елей поток,
Падает кольцами стружка,
Моноotonно гудит станок.

Чифира горячего кружка,
По кругу пошел огонек,
Ждет на воле подружка,
Скучает о ней паренек.

Скучает по дальнему дому –
Давно не гонял голубей,
Скажет любому другому:
«Лучше, братишка, не пей».

Биржа – разделка леса,
У причала большая земля,
Напротив речного навеса
Растут и растут штабеля.

Пахнет свежая хвоя,
Сигареты горит огонек,
Спорить не стоит с судьбою,
Поедет домой паренек.

Скажет мобила: «Здравствуй!»
В небо пошлет голубей,
Любимую, нежную Настю
Под венец поведет поскорей.

Запах останется хвои
На долгие, долгие годы,
Не стоит спорить с судьбою,
Нету дорожке свободы.

ВИНА

Себя простить нельзя –
Вмиг отрежешь все пути,
За столом сидят друзья,
Легко прощенья не найти.

Брось, братишка, гонки,
Пусть спокойно совесть спит,
Отвалялся ты на шконке,
А там – Господь простит.

Гадают чаще по руке,
Где же истину найти,
Белеет парус на реке,
Вдаль открыты все пути.

Концы уходят в воду,
Легко под парусом идти,
Потерять легко свободу,
Прощенья просто не найти.

Над рекой повис туман,
Гудят буксиры грозно,
Жизнь – отлаженный обман,
Придет прозренья поздно.

Не гадай, не ворожи,
Не вернуть назад года,
Все на свете – миражи,
Не объехать никогда.

За столом сидят друзья,
Слово верное скажи,
Себя простить нельзя,
Утонешь в низости и лжи.

Опустошим, братва, бокал,
Гитарист поймал струну,
Вечен в жизни криминал,
Отмыть нельзя вину.

НЕ ВЕРЬ, НЕ БОЙСЯ, НЕ ПРОСИ!

Не верь, не бойся, не проси!
Будь настоящим мужиком,
На работе, братец, не коси,
Отряд – семья и дом.

Не верь, не бойся, не проси!
Год пошел на вычет,
Лишения, тяготы сноси –
Русский зэк не хнычет.

Не верь, не бойся, не проси!
Свет лагерной наукой
Срок достойно пронеси,
Не будь козлом и сукой.

Не верь, не бойся, не проси!
Обойди подводный риф,
В беде товарища спаси,
Развей бесславный миф.

Не верь, не бойся, не проси!
В душе выиграла лира,
Сидельцев верных пригласи
На кружку верного чифира.

Не верь, не бойся, не проси!
Родною гредишь стороной,
Будет время – на такси
Приедешь радостно домой.

ОСЕННИЕ

В засаде сидят опера,
Ягодой сыплет рябина,
Домой возвращаться пора,
Хату сменила малина.

Остались ни с чем опера,
Падает легкий снежок,
На кончике злого пера
Опера оказался дружок.

Засохнет под осень малина,
Желтая ляжет канва,
Красные гроздья рябины,
Разбрелась по хазам братва.

Опера зачистят кварталы,
Объявленных в розыск найдут,
От бомжей очистят подвалы,
Бездомных в приют отдадут.

Опера – санитары и волки,
Накопают зэков по пути,
Отыщут в стоге иголки,
От ответа сложно уйти.

Падает тихо снежок,
Макли наводит малина,
Оперов оклемался дружок,
Горькою стала рябина.

Доля тяжела воровская,
Не спрячешься быстро в тенек,
Служба сложна оперская,
Впустую пробежал денек.

И все-таки не спят опера,
Чистят и чистят просторы,
Попался – на нары пора,
Мороз рисует узоры.

Теплее зимой в СИЗО,
Весной веселее на зоне,
Спать не дает, как назло
Дубак – ключами трезвонит.

Вечны тюрьма и свобода,
Как вечно великое солнце
В любое время года
В ресничках слепое оконце.

РАССАДКА

Полна судебная рассадка,
Бродяга едет с Колымы,
Стихов заветная тетрадка —
Отчет от зоны до тюрьмы.

Арестант читал самозабвенно,
Сгубил морфина кубик,
Подвел словами постепенно,
Как север глушит тубик.

Писал неровно карандаш,
То робки мысли, то красивые,
Арестант поймал кураж,
Сквозили личные мотивы.

Читал в пространстве плоском,
Не хватало здесь струны,
Он сел совсем подростком,
Сынишка лагерной страны.

Шрам от шеи до виска,
Он знал винтовочный калибр,
Поднималась боль, тоска
Из глубин душевных фибр.

Читал безвестный заключенный,
Обличал порядки в зоне,
Когда-то спорно уличенный,
Прижимал к груди ладони.

Пятнадцать лет провел в неволе,
Поднимал больную тему,
Отмахнулась, как от моли,
Вся судебная система.

Приписанный к зоне навечно
Обречен за себя отвечать,
Не приемлет законы овечьи,
По команде не будет молчать.

Долго читал матерый,
Обличал системы пороки,
Суд на расправу скорый
Заранее отмерил сроки.

Излагать закончил мысли,
Чувств бурлит водоем,
Тишина в рассадке повисла,
Думал всяк о своем.

КРЫТКА

С этапом шел один,
Корешам послал открытку:
«Я, зэк Олег Бардин,
Сегодня въехал в крытку».

Пятеру надо отволочь,
Хозяин весело смеется,
Воду в ступе потолочь
В крытке точно не придется.

Жесткий камерный шконарь,
На окнах частые решетки,
Под потолком горит фонарь,
Висят на стенке четки.

Братва сидит за общаком,
В пойке булькает чифир,
Нам зона – общий дом,
Будет в доме мир.

Садись, братишка, чифирнем,
По кругу пустим сигарету,
Пока мы чалимся втроем,
Случайных в крытой нету.

Неспешно тянется беседа,
Забито время разговором,
Никто не гонится по следу,
Никто не щелкает затвором.

Обжигает шлемка руки,
Лежит фольга от плиток,
Плод лагерной науки:
Чифир – спасительный напиток.

К концу подходят разговоры,
Пьем чифир без спешки,
Пустые в крытой коридоры,
Здесь не дергают на слежки.

Пятеру надо отволочь,
Я сегодня добрый и охочий,
Воду кончили толочь,
Завтра день рабочий.

РАЯ

Век малину не забуду,
Был всегда желанный гость,
Я носил с собой приبلуду
И дорогую кость.

Был усыпан мой кастет
Камнями по кругу,
На руке висел браслет,
Я любил подругу.

Рая, Рая, Раечка,
Крашенные губки,
Синенькая маечка,
Коротенькая юбка.

Дорогую Раечку
Обнимал за плечи,
Снимала Рая маечку
В темный летний вечер.

Век свободу не забуду,
От Раечки привет,
Сел я за приبلуду
И дорогой кастет.

Теперь я зэк в фуфаечке,
Хозяин, как бульдог,
Писем жду от Раечки,
Нескоро мне звонок.

Пришло в начале мая
От милой письмецо,
Рожать решила Рая,
Нам сохранить лицо.

Тяжко будет веснами,
И в соловья напев;
Ем баланду веслами,
Братва прислала грев.

Отволок пятерочку,
Потертая фуфаечка,
Спускаюсь по пригорочку,
Не одна шагает Раечка.

Бежит малыш навстречу,
Точно – копия моя,
Обнял жену за плечи,
Теперь у нас семья.

БРАТВА ПО ЗОНАМ ЧАЛИТСЯ

Братва по зонам чалится,
Кончает институт,
За них родня печалится,
А их девчонки ждут.

Не биксы, не бесовки
И, конечно, не путаны,
У них полно сноровки
И диплом в кармане.

Друг сойдется, если
Подруга – прокурор,
Будет гром небесный,
Вершины треснут гор.

Скоро он откинется,
Опустеют нары,
На путевку скинемся,
Отправим на Канары.

Друг крученный страшно,
Воровские корни,
Всех заморских граждан
Блатотой накормит.

На фене бешено цинкует
И жаргон толкает в массы,
Чужих туристов приобует,
Не проходит мимо кассы.

У них тянется роман
Чуть ли не с горшка,
Изменила план
Доза порошка.

Макитры сверлят янки
За доллары и центы,
Ни порошка, ни пьянки,
Убивают центры.

Оскорбился друг,
Чуть не оказался в коме,
Надо сузить круг
До кухни и Боржоми.

Талант, конечно, не пропьешь,
Пусть крепко пошло,
Если даже пальцы гнешь
Тоже по-своему.

Он авторитет во всем,
Мог быть боссом,
К нему стояли на прием
По всем вопросам.

Чтобы зря не киснуть
И находиться вместе,
Решил маляву тиснуть
Юридической невесте.

Просила подождать
Строптивная невеста:
«За год не загремишь опять –
Тогда будем вместе».

ПРИЛЕТЕЛ НА ЗЕМЛЮ ГРЕШНУЮ...

Прилетел на землю грешную
Белый ангел во плоти,
Бурлили воды вешние,
Снега сходили на пути.

Не заметил род людской
Явление яркое, всевышнее,
Носился мат густой,
Гуляла свадьба пышная.

Он прошел по всем дорогам,
Начиная с самой дальней,
Шел по зонам и острогам,
Становился все печальней.

Система разлагает души –
Превратить людей в скотину,
Неугодных просто глушат,
Присягай помочь ГУИНу.

УДО обещает поблажку,
Превратив в продажных сук,
Подметные гуляют бумажки,
В фаворе сдача и стук.

Качает ангел головой –
Худы в неволе промыслы,
Свирепеет род людской,
Дерзкие читает помыслы.

Беспредел творится взаперти,
Если дерзок очень, смел
В одиночках забивают до смерти –
Убедиться праведный сумел.

Шагает ангел по дорогам,
Ему открыты все пути,
Он в ответе перед Богом,
Грешников считает во плоти.

ТАНДЕМ

Штампует судья приговоры,
Не иссякнут зэков потоки,
И только сановные воры
Получат условные сроки.

Сфабриковано наспех дело,
Долгой покажется шконка,
Под мантией – рыхлое тело,
Вертлявая судит душонка.

Сдохла давно защита,
Сушат продажную шкуру,
На гребни ушли копыта,
Причешет судья шевелюру.

Закон имеют открыто,
На плечи закинули ноги,
Система довольна и сыта,
Адвокаты тропят дороги.

Адвокаты приносят взятки –
Зачем напрягаться попусту?
Кому неудобны порядки
Из системы выдают попросту.

ЧИНУША

Хлебнуть баланды довелось,
Сниться будет клетка,
Губит вечное авось
И русская рулетка.

Накрыл хапугу рок,
Недоволен был гулянкой,
Мы услышали шлепок
Рядом с камерной светланкой.

Жил размеренно, красиво,
Будто водочный король,
Не одна водилась ксива,
В верхах имел пароль.

Сдала суку мягкотелость,
Жадность бросилась в висок,
Хапнуть взятку захотелось –
Очень ласковый кусок.

К баланде не привык чинуша,
Аппетиту удивляется бродяг,
В хате нету даже душа –
Начальству выразил кисляк.

Ему б из стерляди уши,
От жира задница трясется,
Кандидатом будет в петухи,
Косяк всегда найдется.

Чинуша гонит беса:
То залезет под шконарь,
То будто бы из леса
Удивленно смотрит на фонарь.

Дураков в тюрьме хватает,
И придуриваться хватит,
Здесь слезливость не канает,
И слабодушие не катит.

Строги правила в СИЗО,
Рано будят по утрам,
Коньяк не носят, как назло,
Тяжко в хате господам.

АРКАИМ

Старинный Уральский централ
Покинул известный сиделец,
Он срок большой отмотал,
По сейфам редкий умелец.

Медвежатник известный – шнифер
Славы познал венец,
Он сейфы ломал, как шифер,
Но всему приходит конец.

Арестантом он был молодым,
Рассказы услышал с воли,
Древний город есть Аркаим
В далеком уральском поле.

Над степью рассеялся дым,
Был он душою молод,
Он шел искать Аркаим –
Прекрасный, загадочный город.

Орел поднимался степной,
К солнцу тянулись ладони,
Небосвод висел голубой,
Скакали горячие кони.

Много веков назад
Серп работал и молот,
Цвел удивительный сад,
Рядом раскинулся город.

Не знали древние сталь,
Отливали медную вязь,
Горный висел хрусталь,
С Создателем – верная связь.

Город небесного цвета,
Легкий, воздушный, как дым,
Город бирюзового света,
Над степью парил Аркаим.

Рядом плескались волны,
Горел поминальный костер,
Плясали юные воины,
Флагами украшен шатер.

Отдыхали жители вместе,
Много вокруг детворы,
Бусы носили невесты,
Женщины ткали ковры.

Знак послал им хрусталь,
Святыни их оросил,
Двинулись жители вдаль,
Прародители древней Руси.

Медвежатник нашел Аркаим
Под толщей песка и земли,
Над степью – костровый дым,
Солнце вставало вдали.

Повсюду велись раскопки,
Шниферу дали лопату,
Было начало робким,
Как с первым сейфом когда-то.

Лег он в рабочий дрейф,
Попался древний скелет,
К вечеру выкопал сейф,
Которому тысячи лет.

Инструмент попросил медвежатник –
Пару зазубренных пик,
Сейф поставил на ватник,
Вскрыл исторический ящик.

Медная лежала медаль,
Яркий рубиновый шар,
Мироточил горный хрусталь,
Сгубил Аркаим пожар.

Оплавлены были предметы,
Пики, наконечники стрел,
О трагедии были приметы,
Таков Аркаима удел.

Сезон проработал шнифер,
Родные видел картины,
Выкопал древний шифер,
Ребристыми были пластины.

Поехал домой медвежатник
Урала и Волги мимо,
Дали денег в лопатник
И оплавленный кусок Аркаима.

НЕПОЛНЫЙ СПИСОК

Номерные, централы, крытые
Арестантов прессуют безжалостно
Дубаки и сержанты сердитые,
Огласить список? Пожалуйста.

На двойке известный провал,
С собою покончили двое,
Бунтует старый централ,
Спят арестанты стоя.

Заложников держит тройка,
Такая к обслуге любовь,
Попробуй виновных тронь-ка,
Прольется невинная кровь.

Малолетки гуляют по крыше –
Жаркий, горячий сезон,
Вертухай жмутся по нишам,
Спасительный ждут ОМОН.

Не одна прольется слеза,
Прокурор отмочит хозяина,
На закон закроют глаза
Продолжатели дела Сталина.

Невиновных активно гнут,
Любую подпишешь ксиву,
Отрицаловке достанется кнут,
Пряник уйдет активу.

Дубинка – привет от охраны,
Свобода еще не близко,
Не один залижет раны,
Это – только начало списка.

СНЫ ОТЛЯНА

Над поймой молочный туман,
Запахи ранней весны,
Спит притихший Отлян,
Снятся мальчишкам сны.

Лес и широкое поле,
Птенцы покидают гнезда,
Долгожданная снится воля,
Мерцают холодные звезды.

Снятся мальчишкам сны,
Нежные руки матери,
Яркие краски весны,
Завтрак на белой скатерти.

Холодное выдалось детство,
Равнодушие взрослых, ирония,
Ребятам помягче бы средство,
Испортит мальчишек колония.

Господи, дай ей терпения –
Матери снится сынок,
Ничтожно его преступление,
Матери выдали срок.

Снятся школьные парты,
Кому-то дознание, следствие,
Все мальчишки играли в карты,
Разные были последствия.

Не видел мальчишка отца,
Во сне появился родитель,
Огрубели ребят сердца,
Страшнее зоны обитель.

Счастье – подольше поспать,
Забыли мальчишки смех,
По звонку научили вставать,
Ждет их столярный цех.

Не должны сидеть малолетки
За чих, за понюх табака,
От равнодушия нету таблетки.
Мимо плывут облака.

АКТИВ

Вербуют в лагерный актив,
Исходят, бедные, слюной,
Не верят зэки в коллектив,
Обходят активистов стороной.

Герои-активисты скопом
Превратились в бессловесную скотину,
Уподобились козлы холопам,
Дополняют тусклую картину.

Цели очень благовидны
В потоке сладостных речей,
Ни одного нормального не видно –
Сексотов готовят, стукачей.

Хозяин мечет громы:
Актив остановился в росте,
Применяет мерзкие приемы,
Непослушным перемелют кости.

Морально готовы опустить,
На несогласных помочиться,
Отрицаловке согласны мстить,
Но духа не хватает отличиться.

Надежный у хозяина ресурс,
И кум доволен тоже,
На исправление держат курс,
Лезут вон из кожи.

Срока скинут четвертинку,
Удача улыбнется вдруг;
На свободе загонят пиковину –
Презирают продажных сук.

Гляди, братишка, в оба,
В козлий не лезь кооператив,
Доведет тебя до гроба
Продажный лагерный актив.

КОСЯКИ

У параши – не только петухи,
Процентов сорок не пробиты:
За косяки накинута грехи,
Арестанты с нами квиты.

Предупреждают только раз:
Биты карты ваши;
Грязен в профиль и в анфас –
Укажут место у параши.

Явление стремное стряслось,
Не просчитал его в уме,
Исправляют русское авось
На зоне и в тюрьме.

Мат не можешь обуздать,
Сам себе заклятый враг –
Не будут воспитывать, орать,
Сразу сломят на дальняк.

Бранью общество богато,
Искоренить реально зло,
Ты не услышишь мата
На зоне и в СИЗО.

Заехал фраер настоящий,
Не раз замечен в перебранке,
Решение вынесет смотрящий:
Его место у светланки.

Сломился с соседней хаты,
Свое скрашивал прошлое,
Сочувствия не выкажут ребята –
Влачи состояние пошное.

Смотрит смело закосяченный,
Сломили, видно, зря,
Не отменят срок назначенный,
Теперь он ярче фонаря.

ШЕСТАЯ ХОДКА

Прокурор просил потолок,
Улыбался в сторону нервно,
Пять сроков отволол,
Памятный – самый первый.

Мазор прокурор попросил,
Был я еще малолетка,
Под дурака терпила косил,
В итоге пришла пятилетка.

Прокурор терпимо просил,
Вторая корячилась ходка,
Под дурака никогда не косил,
В защиту не насиловал глотку.

Я понял достаточно рано —
Следак раздевает, как в бане,
Игроку переднего плана
Приговор выносят заранее.

Третий вкатили срок,
Гуманный развеяли миф —
Мол, не усвоил урок,
Плодит в стране рецидив.

Ни разу никто не спросил:
Была ли работа и кров,
Почему по стране колесил,
Почем государства любовь.

Катила четвертая ходка,
Родною стала скамья,
«Ты для зоны – большая находка», –
Итожила дело судья.

На пятый не пошел приговор,
Западло оставаться бездомным,
Говорят, шутил прокурор:
«Себя признает виновным».

Навеки приписан к зоне,
Не чувствую страха и боли,
В авторитете я и в законе,
Никому я не нужен на воле.

БЕЗУМНОЙ НЕМАЛО ОТВАГИ

Безумной немало отваги,
Жить не хотят по-другому,
На киче зависли бродяги,
Мир арестантскому дому.

Выдался жизненный путь,
Замок на пороге невесты,
Бисером катится ртуть,
Но тут же окажется вместе.

Отдыхают на шконках бродяги,
В плотных решетках окно,
Лепиле марают бумаги,
Принцип идет домино.

Духом бродяги едины,
Кипит бунтарская кровь,
Краски единой картины,
Свобода была и любовь.

Малявы, этапы, прогоны,
Зеленые краски сезона,
Стучат по рельсам вагоны,
Домом становится зона.

Может, жизнь не так хороша,
Не найден ее идеал,
Праздника просит душа,
Свободен в душе криминал.

Бродяги, бродяги, бродяги...
Со временем тянет в тюрьму,
Напишут бессмертные саги
Про Север, Амур, Колыму.

Вьется над зоной дымок,
В спецчасти отпишут бумаги,
Прозвенит на свободу звонок,
Стоят на распутье бродяги.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Зябкий осенний рассвет,
К окошку склонилась рябина,
Долгих одиннадцать лет
Мать не видела сына.

Ей бы сыночка обнять,
Но не вышел лагерный срок,
Ей бы только узнать,
Что жив и здоров сынок.

А над полем сизый дым,
Птицы улетать настроены,
Сын не может быть плохим –
Так все матери устроены.

Пуста степная дорога,
На почте нету вестей,
В жизни горя так много,
Нет страшнее – терять детей.

Ей бы сына разочек обнять...
Покрывало белое снится.
Мать собралась умирать –
Ей бы по-русски проститься.

Не скрипнут в сенях ступени,
Съехал на плечи платок,
Остыли давно пельмени,
С рождением тебя, сынок.

Покрывало белое снится,
Прямая вышла дорога,
Кто-то в окошко стучится,
Таких охочих немного.

Плавно качнулась рябина.
«Мама», – негромко спросил.
Мать увидела сына,
Подняться не было сил.

ПАЛАЧИ АКТИВА

Пацан привязан к батарее,
Окружила троица актива,
Добыть признание поскорее –
Бьют размеренно, активно.

Под пристальными взглядами
Честно трудятся козлы,
Объявить подонком, гадом,
На активе затянуть узлы.

Бьют истязатели по печени,
От боли корчится пацан,
Давно в экзекуциях замечены,
Активно гонят план.

Будут холуи отмечены,
Следак прячется в сторонке,
Харкает кровью изувеченный,
Покидают пацана силенки.

«Возьми чужого преступление, –
Шипит рассерженный козел, –
Наше не испытывай терпение,
Следак недоволен, зол».

Напишет показания лепила,
Добились своего уроды,
Сломила мальчишку сила,
Чужие отметелил годы.

Довольны актива палачи,
Отпахали честно от и до,
Таскать не надо кирпичи,
Придет долгожданное УДО.

БЛАГОДАРИ, БРАТАН, ВСЕВЫШНЕГО...

Благодари, братан, Всевышнего,
Что не сдох еще вчера –
Вкатил литруху лишнего,
Долго бились доктора.

Благодари, козел, Всевышнего,
Что тебя еще не сдали –
Болтаешь много лишнего.
Что шило в зад не загнали!

Ничтожен, мерзок человек,
Первобытного недостоин племени,
Не сдох туберкулезный зэк –
Значит, нужен он до времени.

Не признаем распятого Христа,
В мыслях не были в его мучениях,
Лгут высокие уста,
В сатанинских плаваем учениях.

Гробовой не близок ящик,
Светом ясным брызги,
Судьба кого-то тащит,
Других – ведет по жизни.

СЕДЬМОЙ СЛОНИК

У знатного вора в законе
Была семерка слоников,
Диво дивное на зоне,
Не счесть поклонников.

Любимец – маленький слоненок,
Последний из семерки,
Он плакал, как ребенок,
На ситцевой скатерке.

Вор пришел с гостями,
Чифиром сняли стресс,
В карты резались третями,
Пошли на интерес.

Не катила масть вору,
Ушла шестерка слоников,
Пришлась не ко двору
К ужасу поклонников.

Остался маленький слоненок
За игровой чертой,
Он плакал, как ребенок –
Остался сиротой.

Поставил вор до кучи
Последнего слоненка,
Повалила карта круче –
Выигрыш на шконке.

Шесть раз подряд
Бросал он на кон слоника.
И был безмерно рад –
Обрел себе поклонника.

В последний раз
Сыграть бы ему туш,
Слоненок вора спас –
Большой достался куш.

У вора дерзкая натура
Идти упорно до конца,
Перла карта-дура,
Слоник – талисман лаца.

Раздал шестерку слоников,
Сыграли дружно в жмурки,
К радости поклонников,
Достались им фигурки.

Носил на шее слоника,
Правил зоне план,
Просил не раз законника,
Верный талисман.

Сучья выдалась резня,
Финка целилась в упор,
Принял слоненок на себя,
Ушел от смерти вор.

НА АМУРЕ

Выдал хозяин костюм,
Одет, как фраер – с иголки,
Амур широк и угрюм,
По берегу сосны и елочки.

Выдал хозяин топор,
Бугор разложил все по полочкам:
«Отбатрачишь свой приговор,
Валить будешь сосны и елочки.

Делянки намечены, просеки,
От пожара лес береги».
Сухопутные мы матросики
В бескрайнем море тайги.

Мерцали далекие звезды,
Валили стволы на венцы,
Падали птичьи гнезда,
Разлетались по тропам птенцы.

У края восточной земли
Лес давали стране,
Плыли плоты-корабли
По тихой амурской волне.

Пилили сосны и ели,
Лес шумел вековой,
Засвистели в лесу метели,
Варил чифир костровой.

Весна на далеком Амуре,
Природа идет по кругу,
Полгода до зимней бури,
Отправил весточку другу.

Осталось треть отволочь,
УДО и зачетов нет,
Отступит восточная ночь
Через пару нескорых лет.

СЧАСТЛИВЫЙ РЕЙС

На посадку спешит самолет,
Звезды мерцают вдали,
Бессилен в кабине пилот,
Не коснутся колеса земли.

По кругу пошел самолет,
Любого пассажира спроси:
Что значит – тревожный полет,
Что значит – не вышло шасси.

На земле не считают минут,
Огонек зеленый такси,
На земле наблюдают салют,
Никак не выходит шасси.

Не на шутку встревожен пилот,
Не стала б трагичной точка,
Жизни доверил народ...
Дома осталась дочка.

Заклинило где-то шасси,
Прерванным будет полет,
Землю быстрее запроси –
Знает об этом пилот.

Ответила быстро земля:
Был он когда-то стажер,
Успеха быстрого для
Вспомни земной тренажер.

В салоне покой, тишина,
Взрослые спят и дети,
О ЧП не узнала страна,
Пассажир ничего не заметил.

Колеса коснулись бетона,
Качнулся и сел самолет,
Груза свалилась тонна,
Был счастлив безмерно пилот.

В ПУТИ

Виновен в сроке сам,
По счету – третий перегончик,
Катится по рельсам
Столыпинский вагончик.

По-пьяни все в угаре,
Вспоминать неловко,
Играет четко на гитаре
Первоходок Вовка.

Играй, гитара звонкая,
Прогнозам вопреки,
Между нарами и шконкою
Два месяца пути.

Мелькают речки, елочки,
Березки, топольки,
Смотреть приятно с полочки
На пристань у реки.

Спой, гитара нежная,
Про лунный вечерок,
Расстался я с Надеждою
На очень долгий срок.

Стучат-стучат колесики
На северо-восток,
Остались вопросики,
Завышен явно срок.

На свободе все подельники,
Иду один за паровоза,
Все дни мне – понедельник
И лагерная проза.

Столбы мелькают, домики,
Переезды, переправы,
Напишу на зоне томики
Про лагерные нравы.

МАЛИНОВЫЙ ПИРОГ

Шляпа очень личит,
За спиной мешок,
Везет меня на кичу
Черный воронок.

С любимую в обнимочку
Вышли за порог,
Положила Ниночка
Малиновый пирог.

«Попьешь чайку с дороги,
И сразу на покой,
Все боли и тревоги
Снимет, как рукой.

Мой пирожок с молитвой,
Имей в виду, дружок».
Забрали вместе с бритвой
Любимый пирожок.

Мне говорит дежурный,
Пряча мой пирог:
«Народ здесь некультурный,
Один сплошной порок».

А пирожок-то был с молитвой!
Прощупали одежду,
Забрали вместе с бритвой
Последнюю надежду.

А пирожок-то был с молитвой
От всех напастей и бед,
Резанули, словно бритвой,
Не радуется обед.

Приходит раз дежурный,
Звездочка горит,
Вежливый, культурный,
С порога говорит:

«Тебе жена прислала,
Не сыр, не творожок,
Не мяса, и не сала,
А с малиной пирожок.

С молитвой пирожок,
И записочка лежит:
«Потерпи, дружок,
Время быстро пролетит».

Быстро вышел за порог,
Шляпа очень личит,
Помог с молитвою пирог,
Вспоминаю часто кичу.

КРАСНЫЕ ПЯТНА

Краснеют зоны на глазах,
За забором – безумная драма,
От писем матери в слезах:
«Нас избивают, мама!»

Сидят вчерашние мальчишки,
Попали в лоно тьмы,
Набивают в жизни шишки –
Кто застрахован от тюрьмы?..

Не родился холуем, паскудой,
Достойно владеешь собой,
Не будешь вовеки иудой –
Активисты займутся тобой.

Что творит продажная сука,
Шакал безвольный, степной!
На товарища поднял руку
Пес хозяйский, цепной.

В актив загоняют скопом,
Ломают и мочат в параше,
Бьет тревогу Европа,
Не видят защитники наши.

Мрачная в зоне картина,
Молчалив, бесправен зэк;
Балдеют мундиры ГУИНа,
Нормальный уйдет человек.

Не тот пришел офицер,
Разучился он улыбаться,
Какой подашь пример,
Кто дал право тебе издеваться.

Растекаются красные пятна
Вместо лесов и полей,
Ответ не получишь внятный,
За что калечат людей.

РИТУАЛ

Чифира жгучего глоток,
Косяк пошел по кругу,
Догонись быстрее, браток,
Передай по ходу другу.

Подожди, браток, минуту,
Плавно выпусти дымок,
Укрой ладонью самокрутку,
Сэкономись на разок.

Глотни, братан, повторно,
Кровь стучит в набат,
На своем стоишь упорно,
Будет прежний результат.

Хапани еще разок,
Все, братан, по делу,
Ударит дурь в висок,
Тепло пойдет по телу.

Глотни последний раз,
Затянись, как прежде,
Искры сыпятся из глаз,
В голове сверкнет надежда.

Творит напиток чудеса,
Здоров, как бык, не болен,
Готов лететь на небеса,
И как тумбочка спокоен.

Время замедлит бег,
По кругу ходит пойка,
Только русский зэк
Все переносит стойко.

Обойди преступный мир,
Русский зэк при этом
Крепкий пьет чифир
Зимой и знойным летом.

Мы не ходим, а сидим,
Ждем в стакане стоя,
Чифир и сигаретный дым –
И нет в крови застоя.

Рецептов разных тьма,
Чай – посланец мира,
И только русская тюрьма
Хранит традиции чифира.

ДИАЛОГ

В подвале холод, хоть сдыхай,
Суров сегодня командир,
Ушел погреться вертухай,
В каптерке пьет чифир.

Закидали стену грубо,
Пошарил ближе к свету,
В складках серой шубы
Нашел на четверть сигарету.

Сквозняк в подвале, хоть сдыхай
В пору волком выть,
Пришел довольный вертухай,
Не дает, конечно, прикурить.

Под тумбой нашарил спичку,
Размотал проблем клубок,
Затарил кто-то нычку,
Лежит махорки коробок.

Вьется желанный дымок,
Готов сплясать казачка,
Со скрипом открылся замок,
Дубак привел новичка.

Сейчас, братишка, покурим,
Нашелся как раз табачок,
Не будь озабоченным, хмурым,
Достоинo держись, новичок.

Не любит смелых система,
Удобней податливых гнуть,
Вот такая, братишка, тема,
Выбирай сознательно путь.

Главное – стойкость и дух:
Карцер легко превозмог,
Вертухай – не вечный пастух,
Когда-то кончится срок.

Мизер ли был, потолок,
Больно было, обидно,
Правильно срок отволок –
Не будет за прошлое стыдно.

СИРОТА

Спой мне, гитара, про волю,
Про шум тополей и берез,
Про пацанскую горькую долю,
Про детство, полное слез.

Родных не успел я обнять,
Не видел игрушек из плюша,
В дыму задохнулася мать,
Сгорел братишка Ванюша.

Над домом носится гарь,
Пламени рыжее поле,
Я грыз по дороге сухарь
В поисках лучшей доли.

Про скитания спой, гитара,
Никому ты не нужен вокруг,
Скамейка ночного бульвара –
Лучший товарищ и друг.

Про бездомных напомни, струна,
Закрыли, помню, в Покров,
Отвернулась от близких страна,
Хозяин устроил кров.

Струны грустно звучат,
Повторно прожить нельзя,
С малолетки помню ребят,
О воле мечтали друзья.

Печальная песня льется,
Шипами покрыты путы,
Про свободу слов не найдется,
И радости в ней не найти.

Хорошая песня лечит
Многих снадобий лучше,
Зажгутся в храме свечи,
Поминали в России заблудших.

СКАЧЕТ ПО СЦЕНЕ ПЕТУХ...

Скачет по сцене петух,
В голубые наряжен перья,
Принижает русский дух,
Какое уж там веселье.

Не принимает страна
Содома и Гоморры,
Вездесущий помог сатана,
Покинули педофилы норы.

Калечат детей подонки,
Наказание непомерно малое,
Видно, вольготно на шконке,
Вышел – опять за старое.

Дала слабину ботва,
Крылья распустил петух,
Голубая на зоне ботва,
Боевой не утратила дух.

Не карает закон по-полной,
Не признает насильник вины,
Катятся педофильные волны
По просторам великой страны.

МОЛИТВА

Уснула усталая зона,
Звезды мерцают новые,
У входа висит икона,
Ветви прибиты еловые.

Новогодняя опустилась ночь,
Месяц повис дугою,
Хороводит у елки дочь,
Где место и время другое.

Месяцы долгой надежды
Скоротают чьи-то пути,
Мы виноваты... как прежде –
Заблудших, Господь, прости!

Зреет в душе молитва,
Рождает молитву вина,
Она ранит и режет, как бритва,
Не выпить ее до дна.

Никто не верит в раскаяние,
Но точки сомнения есть,
Камень взяли у Каина –
Зависть и подлую месть.

На душе больно и сорно,
От страха застыла плоть,
Сотворит молитву притворно:
Спаси и помилуй, Господь!

Любит богатство и славу,
Себя не намерен полоть,
Падок на низость, халяву...
Прости человека, Господь!

СВЕТА

Свобода приснилась мне,
Пролетит незаметно год.
Растает снег по весне,
По реке поплывет пароход.

Разбудят природу гудки,
Зеленый пробьется росток,
В устье Недлинной реки
Притулился степной городок.

Девчонка стояла на пристани,
Потеряла невеста покой,
Платочком махала неистово,
Стала девчонка женой.

Прости меня, Света,
Наша любовь незрима,
Пролетело короткое лето,
Весной кончаются зимы.

Весной зацветет городок,
Плющом увиты ступени,
На пристани смолкнет гудок,
Ветка запахнет сирени.

Скворцов долгожданный прилет –
Песню затянут свою,
Пролетел незаметно год,
На палубе верхней стою.

Все ближе родимый дом,
Поставлена последняя точка,
Света машет платком,
К маме прижалась дочка.

В устье Недлинной реки
Опустилась медленно ночь,
Касаюсь любимой руки,
Я впервые увидел дочь.

Перед бурным рассветом
Жизни листаем страницы,
В прошлом разлука, Света,
Пусть дочке спокойно спится.

ОЗЕРО ЕЛОВОЕ

В кармане только семечки,
Сюжет весьма простой,
Спешу на встречу к Эммочке
Веселый, холостой.

Эмма, Эмма, Эммочка,
Мутить не буду воду,
В ходу сегодня темочка –
Махнем-ка на природу.

Леса кругом сосновые,
Воздух, как нектар,
Там озеро Еловое –
Небесный Божий дар.

Вода блестит хрустальная,
По берегу – песок,
Ведет тропинка дальняя
В малиновый лесок.

Малиновый лесок,
Другого не сыскать,
Малины туесок –
Лесная благодать.

Эмма, Эмма, Эммочка,
Про любовь споем,
Проведем прекрасно времечко
В лодочке вдвоем.

Озеро Лесное,
Палатки встали в ряд,
Пахнет елью и сосною,
Малиновый закат.

СУМКА ИЗ ПАРИЖА

В порту ребята настоящие,
На хлебе выросли, на щях,
Тырят коробки, ящики,
В личных роются вещах.

Богатство может ранить,
От тяжестей возникнет грыжа,
Друзья решили раздербанить
Большую сумку из Парижа.

Была большая неприязнь
К своим и прочим богатеям,
Уходила за спину боязнь,
Когда встречались с геем.

Лайнер прибыл с опозданием,
Виноват, наверно, экипаж,
Всем французам в назидание,
Вскрыли каверзно багаж.

Нашли лягушачьи лапки, –
Француз, козел болотный.
На дне лежали папки
И пакет бумажный плотный.

В пакете порнофотографии,
В разных позах дети,
Обширна очень география,
Педофилов немерено на свете.

Француза проучить порешили,
Пусть запомнит вояж,
Правда, при этом согрешили –
Себе оставили багаж.

Подняли лягушатника на вилы –
Компромат подбросили на пост,
Россиян достали педофилы,
Пусть побегают прохвост.

В порту ребята настоящие
Может, чуточку не правы...
Дербанят чемоданы, ящики,
При этом борются за нравы.

БУГРЫ НЕ РАЗВИЛИ ГЛОТКИ

Бугры не развили глотки,
У мужика в уме мычание,
Самородки прятали в подметки,
Любит золото молчание.

Рыжий правильный металл
Мыли в устье на косе,
Хозяин план давал,
Довольны были все.

Сверх плана мыли жилу,
Катил хороший фарт,
Золотишко гнали живо
В общаковский лагерный ломбард.

По зоне двигалось рыжье,
Консервы, чай и водка,
У конвоя клинило ружье
При виде самородка.

Сходила вольница на нет,
Станет зона глыбой,
Исчез коммерческий буфет
И бочки с красной рыбой.

Коротки и чеканны фразы,
Не строчит словесный пулемет,
В одежду прятали алмазы,
Овечий серенький помет.

Этапы гнали в Тикси,
Шли тайгой по суше,
Во рту рыжели фиксы,
У многих – алмазные уши.

Уши ставили с приколом
Вдали от сучьей публики,
Между кожей и телом –
Состояние в тысячи рубликов.

Вгоняли уши по кругу:
Поднимет петух рубаху,
Можешь поймать подругу –
Будет довольна Машка.

Член распакуют на воле,
Можно за здоровье спеть,
Будет в бриллиантовой доле
Гранильщику твердая треть.

Не выставили рыбу даром,
Не бывал даже краб,
Прибывали яйца к нарам,
Рвали с кожей на этап.

Убрали мужикам зачет,
Начало вредного застоя,
Осталось их наперечет,
Кто время помнит золота.

ГЕРОЙ

Вместило профиль полотно,
Взгляд тревожных глаз,
Сбоку темное окно,
Тень ложится на матрас.

Кормит мать дитя,
В руках открыта книга,
Не услышат здесь нытья,
Здесь взрослеют мигом.

Не знает малое дитя,
Зачем оставили Егора,
У мамы горы для шитья,
Придет она не скоро.

Не знает маленький Егор,
Что разрушена семья,
Просил неволю прокурор,
Кивнула с легкостью судья.

Узнает мальчишка лица,
Приходит мама наконец,
Мама вовсе не убийца,
Мама просто продавец.

Он втирает дух неволи,
Этот маленький изгой,
Он узнает много боли,
Отец ушел к другой.

Узнает невольник детдом,
Матери он не дождется,
Прошагает по югу пешком,
Стране поскучать придется.

Конечно, солдат не спросили –
На склоне кавказских гор,
Лежит герой России
Рядовой Сергеев Егор.

На мальчишек оперлась держава,
Из бедной глубинки ребята.
Им – кровь и ненужная слава,
Матери – боль за солдата.

ПОДАРОК

Дарят женщинам духи,
Машины, кольца, шубы,
Любимой подарю стихи
И поцелую нежно в губы.
Сочиню любимой песню,
Там – вершины синих гор,
Нашим чувствам тесно,
Душа стремится на простор.
Подарки превратятся в пыль,
Холодно будет и пусто,
Останется письменный стиль –
Вечно живет искусство.
В сотнях прожитых лет
Любовь растворится в тумане,
Прольется живительный свет,
Прочтут посвященье Татьяне.

КНИГА 2. КРИМИНАЛЬНАЯ РУСЬ

посвящается сыну, Гусарову Михаилу

ЗЕМЛЮ ОКИНУЛ ВЗГЛЯДОМ

Землю окинул взглядом:
Прибыль считают людишки,
Готовятся к смотрам, парадам,
Пишут ненужные книжки.

В храмах крестятся все,
В каждом преступник сидит,
Грязные планы рисуя,
Ползет по земле паразит.

На земле он пока не лишний,
От водки валяется тара,
Знает о нем Всевышний,
Послали в лес санитаря.

Строим друг другу козни,
Сатане сдаем зачет,
Замашки модны козы,
Ближнего кинуть не в счет.

Кто мелочь не брал и не врал,
И честным казался вроде,
В помыслах не плел криминал –
Нет таких в природе.

Подальше упрятал зависть,
Плели интриги давно,
Гнилая появится завязь,
Вытащи из глаза бревно.

Эпидемии, болезни, ураганы,
Рыцарям кромешной тьмы
Изменит Всевышний планы,
Когда изменимся мы.

Увидим участок суши,
Где речь и песня ласит.
«Здесь чистят от скверны души» –
Надпись у входа гласит.

ПРАВДА В РОССИИ РАЗНАЯ

Правда в России разная
На всех полюсах, этажах,
Сверху портретно бумажная,
Снизу – надежда и страх.

Отпустили наживу ушпайку,
Многих настиг паралич,
Коммунисты давали пайку,
Теперь – бездомный и бич.

На кухне кастрюльный бум,
Перешивают пальто и блузки,
Убрали национальный пункт,
Боюсь назваться русским.

В СМИ заорут: «Фашисты!
Все братья, все наши!»
Борзой пошел журналист,
Давно не лежал у парашаи.

За тебя начнет решать,
В подноготной рыться, петух,
Надо бросить дышать,
Если русский имеешь дух.

Предлагают покорно мычать,
Пока не почернела страна.
Поздно потом замечать –
В нас полетит стрела.

РАЗУМБАЙ

Лежала шапка Мономаха,
Поди, размер узнай,
Кому власть, тюрьма и плаха,
Шапку свистнул Разумбай.

Разумбай поближе к власти,
Ступень последняя видна,
В пылу последней страсти
Разумбай дошел до дна.

Разумбай на разных полюсах
Упасть, подняться довелось,
Его не взвесить на весах,
Не взвесить русское авось.

Нищий, принц и олигарх,
В копилку разум собирай,
Последний царь – монарх,
Власть профукал, Разумбай.

Профукал, денежки любя,
Голым сел в калошу,
Отметит каждый про себя:
«Разумбай, он был хороший».

Обозвали Разумбаем,
Чешет лысину судья,
«Ответа мы не знаем», –
Твердит терпила и скамья.

Треть России – Разумбаи, –
В палатах ходят и в избе,
Они не входят в волчьи стаи,
Они гуляют по себе.

Последний режешь каравай,
Хапнул кто-то через край,
Не паникуй, не унывай,
Не очень страшен Разумбай.

ВЕРТИКАЛЬ

Всех козлов прощаю,
Кто плел интриги или нет,
Откинусь ближе к маю,
Отволоку двенадцать лет.

Толкает система на подлость,
Обещая УДО и побряжки,
На ближнем выместил злость,
Отпил из хозяйской фляжки.

Бодро вошел в актив,
Кум отзывается лестно,
Использовали, как презерватив,
Твое будущее им неинтересно.

План выполняет ГУИН,
Свечу не поставим в храме,
Вбивает между зэками клин,
Выйдут на волю врагами.

Строит одну вертикаль,
Доложить спешит бегом,
Воняет она, как фекаль,
Не то, что омуль с душком.

Холуйство и верность в почете,
Донос – желанный гость,
Отрицаловка вся на учете,
В горле застрявшая кость.

Красный возводят пояс,
Помогут, кто не привык,
Системе кланяйся в пояс,
Молчи и мычи, как бык.

Вертикаль трактует правила,
Но радости нет на лицах,
Никого она не исправила
Ни в зонах, ни в темницах.

СОВЕСТЬ

Совесьть – субстанция сложная,
Честность – тяжело нести,
Не сухарь возьмет, а пирожное
Главный носитель совести.

Романы написаны, повести,
Сломали классики перья,
Литература споткнулась на совести,
Посеяв зерна неверия.

Честным быть нелегко,
Плохие дела заражны,
Всевышний от нас далеко,
Рядом кричат соблазны.

Потерял преступник совесьть,
Кражу оформил красиво,
Криминальную тиснул повесть –
Самое потребное чтиво.

Нелегко быть хорошим,
Свои отдаешь права,
Поделиться последним грошом
Можно раз или два.

Нервная совесьть субстанция,
По самолюбию бить норовит,
Пришла на оплату квитанция,
Жадность вперед говорит.

Справедливым быть тяжело,
К себе научись грести,
В человеке заложено зло,
Бесполезно зывать к совести.

Объективным хотя бы стать,
Противостоя соблазну лишнему,
Не яму рыть и не копать,
А помочь лучше ближнему.

ШТРАФНИКИ

Полковник очень рад,
Сверяет командир масштаб,
Высотку взял штрафбат,
Уйдет депеша в штаб.

Придели зэков, прибули,
Про сыновью цинканули любовь,
Шли штрафники под пули,
Надеясь на малую кровь.

Дым нависнет копной,
Беспорядочно рвутся мины,
Без ноги остался блатной,
Стволы целятся в спины.

Только вперед и вперед,
Немецкий строчит автомат,
Штрафник нецензуру орет,
Помогает в атаке мат.

Порвем позорного фрица,
Носителя смерти и зла,
Любая фраза сгодится,
Раком поставим козла.

Будет помнить Россию петух!
Рвется вперед штрафбат,
Кричащего взгляд потух,
Подельник продолжил мат.

Преуспели враги народа,
Взяли высотку с разбега,
Зима – суровое время года,
Алеют комья снега.

Сотни полегли за сотку,
Отступили позорно фрицы,
Сдали обреченным высотку,
Будут им смертники сниться.

ПЛОЩАДЬ МОПРА

В Челябинске на площади МОПРА
Стелку забила братва,
Авторитет, погоняло Кобра,
Решил покачать права.

Выбрали место удачно,
Звездой сверкнула деталь,
Обзорному виду в придачу,
Рядом военный госпиталь.

Базарили тихо и чинно,
Пробегали порой улыбки,
Рассказывал бригадир Овчина,
Как в детстве играл на скрипке.

К концу подходила стрелка,
И вроде расслаблены нервы,
Кобра начал перестрелку,
Решил отметиться первым.

Бросили бойцы автоматы,
Бойню запишут в скрижаль,
Настреляли на три палаты,
Звездная к месту деталь.

Были братки горячи,
Остывали отныне скорбные,
Колдовали военврачи,
Пока не прибыли скорые.

Матом кроет Овчина,
Не теряет браток сознание,
Нож вогнали в бочину,
У него сегодня свидание.

Не было ОМОНа и СОБРа,
Опера стрелку продули,
Когда на площади МОПРА
Шальные свистели пули.

Тихо на площади МОПРА,
Торговли нет, зазывал,
Авторитет, погоняло Кобра,
Был сражен наповал.

КРАСНЫЙ ВИНТАРЬ

На станции Красный Винтарь
Вагоны спускают с горки,
Разбили последний фонарь,
Там вечно крутые разборки.

На станции Красный Винтарь
Приблуду загонят в спину,
Там не поможет кнопарь,
Брать придется волыны.

Красный горный Винтарь
Под городишко косил,
Балтийский моряк-бунтарь
Фамилию Винтарь носил.

Людей не мерян поток,
Места присесть не найти,
На юг, запад, восток,
На север уходят пути.

На станции Красный Винтарь
Кидают, грабят по-черному,
Каждый прошел шконарь,
Фору дает крученому.

На станции Красный Винтарь
Грабителя узнаешь по харе,
Малолетка грызет сухарь,
С кем-то работает в паре.

Опять разбили фонарь,
Крик огласил перрон,
Малолетка бросил сухарь,
Быстро шмыгнул под вагон.

По перрону мчится дама,
Сумка порезана в клочья,
Не поможет родная мама
Горем убитой дочке.

Осталась без денег, одна,
Пассажиры отводят взоры,
Шумит вековая сосна,
Молчат уральские горы.

На станции Красный Винтарь
Беспощадно впрягайся в драку,
Подельник живет Собокарь,
Он знает любую собаку.

Повесили новый фонарь,
Сверху желтая крышка,
Вот Коля стоит Собокарь,
Здравствуй, Коля, братишка.

Коля кивнул: «Отойдем,
Сейчас начнется истерика,
Утром, вечером, днем
Свои Пашки Америки».

На станции Красный Винтарь
Участковый служил не один,
Освоил блатной словарь,
Под поезд попал гражданин.

Шустрят не только бакланы,
Долго не ищут причину,
Надолго изменят планы,
Загонят приبلуду в бочину.

На станции Красный Винтарь
Не счесть налетов, напасти,
Едет щипач и блатарь,
На пальцах наколоты масти.

До четверти прошлого века
Терпил давили, как семечки,
Гуляла криминальная Мекка,
Золотое было времечко.

На станции Красный Винтарь
Покончил Союз с беспределом,
Малолетки читают Букварь,
Пишут на досках мелом.

КРИМИНАЛЬНАЯ РУСЬ

Влево глянешь – пересылка,
Справа – видится централ,
На столе стоит бутылка,
Телик крутит криминал.

Влево глянешь – вор на воре,
Справа – честный депутат,
Висит афиша на заборе –
В олигархи новый кандидат.

Бежит по миру слава,
Ни догнать, ни перегнать,
Криминальная держава –
Век свободы не видать.

Влево глянешь – дядя Ваня,
Отволок семнадцать зим,
Вот была парная баня,
Хоть и северный экстрим.

Слева – зона малолеток,
Справа – женская тюрьма,
Там немало скрытых клеток,
Пресс голимый дотемна.

Влево глянешь – участковый,
Справа – катит автозак,
Наболтают срок по новой,
Найдется тухленький висяк.

Балом правит Сатана,
Не узреть, не обуздать,
Криминальная страна –
Век свободы не видать.

Святость очень далеко,
Любого гражданина опроси,
Выполнять законы нелегко,
Все в криминале на Руси.

ТВЕРДОСТЬ

«Учись у камня твердости», –
Говорил известный вор,
От мягкости рождаются подлости
И вертлявый, чахлый разговор.

Кум ведет прямую речь:
«Дали мизерные сроки,
Я не в силах всех стеречь,
Кто резал сук на пищеблоке?»

Гранит кроваво-красный,
Мы грузим его в трюм,
«Ты бьешься, кум, не красно,
Спроси у камня, кум».

«Ты очень важная фигура,
Но дал неправильный ответ,
Тебе десять суток БУРа,
Передай подельникам привет».

Кум поддерживает темп,
Сеет рознь среди народа,
Ему нужен вялый штемп
И пустая, мелкая порода.

Упрись рогом и молчи,
Нужны быки для бойни,
Приблуду вовремя точи,
От мягкости все сучьи войны.

Принял свойство пластилина,
Скользить и падать будешь долго,
Теперь ты – стоптанный мужчина,
Сшили стоптанный волка.

Из камня сделан вор,
Прячет ссученный глаза,
Свой у браткового коридор,
Своя у лагеря стезя.

СОН

По небу катится Луна,
Млечный светится прибой,
Спит усталая тюрьма,
Парус белый над водой.

Окружен водою форт,
До суши мил немало,
Покинул парус рано порт,
Нет условного сигнала.

За свободу все отдашь,
Прыгнешь в жуткий водоем,
На лодке смелый экипаж.
С лодки машут фонарем.

Сердце рвется из груди,
Арестант поймал кураж,
Свобода, свобода впереди,
За свободу все отдашь.

Сильный, дерзкий, увлеченный, –
Сложат песнь в народе,
Какой на свете заключенный
Не мечтает о свободе.

Меркнут деньги, власть,
Чины, почеты, звания,
Не убить к свободе страсть,
Не удержать желание в здании.

Невольник прыгнул в воду
По примеру Монте Кристо,
Лапшу навешивал народу,
Творил писатель быстро.

Свел концы с концами,
Точки высветит Дюма,
Граф воюет с подлецами,
Прячет горе от ума.

Заскрипели резко тормоза,
Улетел красивый сон,
Арестант открыл глаза –
Опера творили шмон.

Решил идти в побег,
Зло кричал дубак,
В пачке папирос Казбек
Лежал заточенный наждак.

Гниет беглец в подвале,
Свернулся с вечера в клубок,
Долго бегал, но поймали,
Навылет прострелили бок.

Арестант опустился на шконарь,
Шмонали верхний ярус,
В сознании потухал фонарь,
Уплывал надолго парус.

ВЫПЬЕМ, БРАТВА!

Выпьем за встречу, братва!
Залечил на сердце зарубки,
Пусть будет хмельной голова,
Но трезвы и честны поступки.

За успех поднимем, братва,
Свободу замесим погуще,
Есть еще на земле острова,
Где раскинулись райские кущи.

За дружбу, братва, нальем.
В городах, поселках, селениях
Пусть зоны зарастут полыньем,
Будут одни поселения.

Выпьем, братва, за честь,
Неверия слышатся звуки,
Лучше в зону спокойно сесть,
Чем быть продажной сукой.

Выпьем, братва, за удачу,
За свою родную обитель,
Пусть все о нас не судачат,
С горя запьет обвинитель.

Выпьем, братва, за свободу,
Нет в мире сильнее жажды,
Дважды не входят в воду,
На свет не рождаются дважды.

На прощание выпьем, братва,
Видимся мы не часто,
Пусть будет хорошей молва,
Мы тоже к России причастны.

АМНИСТИЯ БЕРИИ

Привет, Лаврентий Павлович,
Беспокоит лагерная пыль,
Вертухай – колымский сыч,
Ворошит гулаговскую быль.

Помнит сдержанный восторг,
Была амнистия объявлена,
Опустел больничный морг,
Отпускали не только отъявленных.

Усатый представился в бозе,
Расшатала здоровье годы,
Не видел Лаврентий угрозы,
Выпустил пар свободы.

Не права скороспелая критика,
И реакция очень нервная,
Уходила на волю политика,
Пятьдесят восемь, часть первая.

До пяти лет включительно
Закон судимость гасил,
Надежда остальным политикам,
Набраться терпения и сил.

Искупил Лаврентий вину,
Был он не раз жесток,
Разгрузил лагеря и тюрьму,
Хлынул на волю поток.

Миллионы ушли от смерти,
Не считались больше врагами,
Коснулись гражданской тверди,
Не качалась земля под ногами.

«ГУЛАГ – большая политика», –
Быстро смекнул хозяин,
Замолкла здоровая критика
От столицы до самых окраин.

Амнистия наркома Берия
Не развеяла сталинский мрак,
Не близок путь к доверию,
Но к оттепели первый шаг.

БУРНАЯ ЮНОСТЬ

Вспоминаю юность свою:
Вязкая скользкая глина
В уральском шахтерском краю,
В каждом бараке – малина.

Поселков шахтерских канва,
Полны в малинах стаканы,
По полной гуляла братва,
О прошлом жалеют бакланы.

Отцы уходили в забои,
Дымился вдали террикон,
Сыновья уходили в разбои,
Воровской непреложен закон.

Лепень у кореша новый,
Котлы на руке золотые,
Боялся придти участковый,
Истины знал он простые.

Волны носили, прибуды,
Без дела не высунешь нос,
Никогда, братва, не забуду –
Порешен был Саша Мороз.

В поселок сунулся БИС,
Пошел один на разборы,
Звезда покатила вниз,
Холмик возник за забором.

Ходили гурьбой на подломы,
Чистили ночью витрины,
Защищали слабо хоромы,
Трещали по швам магазины.

Проходили в бараках чистилище,
Накололи немало руды,
Криминал – великая силища,
Зазывала пополнить ряды.

Столыпин подсчитывал ходки,
Стучали по рельсам вагоны
Из Сибири, Колымы, Находки
Слали по зонам прогоны.

Пригрела родня обитель,
С годами меняются планы,
Спокойнее спит обвинитель,
О прошлом жалеют бакланы.

РАСПЛАТА

Горькие катятся слезы,
Плачет беззвучно Альбина,
Шипы достались, не розы,
Прозвали девчонку «малина».

Держат ее в одиночке
Для ночных плотских утех,
Кровь запеклась на сорочке –
Праздновал кто-то успех.

Поссорилась с мамой девчонка,
Прости... и помилуй, Господь!
Повстречали в погонах подонки
Беззащитную детскую плоть.

Она плакала беззвучно, тихо,
Сулили горсть конфет,
Досталось девчонке лиха
В неполных пятнадцать лет.

Разыграет Альбину на спичках
Милицейский геройский наряд,
Знали бы дочки-сестрички –
Подфартило отцу подряд.

«Не слишком усердствуй, сержант,
Иду вслед за тобой», –
Белозубо строчил лейтенант,
Очень доволен судьбой.

Шнурок привязала к раме,
Вела себя неприлично грубо.
«Прости меня, мама», –
Шептали прощально губы.

Мигом явился сержант,
Смотрел исподлобья волком:
«Говори, – торопил сержант. –
Объясни ситуацию толком».

Повесилась наша «малинка»,
Завяла чистая веточка,
Скорбная очень картинка,
Рано погибла деточка.

В брезент завернут девчонку,
В придорожный бросят кювет,
Швырнут, как собачонку,
Цветов не положат букет.

Домой собирался летеха,
Жена позвонила в ночь,
Все страшно трагично, плохо,
Мертвой найдена дочь.

Бритвой прошлись по нервам,
Убит лейтенант без борьбы,
Он насиловал девочку первым,
Он понял фатальность судьбы.

СНЯЛИ В ПРОФИЛЬ И В АНФАС

Сняли в профиль и анфас,
Мишенью стал в надзоре,
В любое время крикнут «Фас!»
Псы всегда в наборе.

Не пишут лагерную прозу,
Стих обвинения не готов,
Бьют по нервам без наркоза,
Чтобы не было следов.

Суки точат перья,
Речи продажные журчат,
Атмосферу строят недоверия,
Зона красная стучит.

Не проявил сознание,
Признания не изрек,
Арестантам в назидание
Ударят мордой об ларек.

Головной убор не так одел,
Не на месте все застежки,
Хозяин видел беспредел,
Наказание спрятано в матрешке.

Мутный свет в окошке,
Прошел опять не по линейке,
Скребут на сердце кошки,
Номер висит на телогрейке.

С малыми сроками отпущены,
Ушли замаливать грехи,
В отряде треть опущенных,
Молчат на зоне петухи.

Невеселую думают думу
В застенках заплечных, тесных,
Хозяину, оперу, куму
Лучше иметь бессловесных.

ЗА КОРДОН

Зря, начальник, не свисти,
Все открыты нам пути
Злому року вопреки,
Идем по берегу реки.

У причала парус белый,
Только воду борозди,
Я сегодня очень смелый,
Могу за веху подвести.

Нам надо за кордон,
Подвело совсем живот,
Жизнь поставлена на кон,
Русь по совести живет.

За правду бьются на Руси,
Прошлогодний делят снег,
Кого конкретно ни спроси –
Самый честный человек.

Не бойся скромности, братан,
Презренья, бойся, фальши,
Не засунешь ложь в карман
И не спрячешь дальше.

Будут нас не замечать,
Нет в России места,
Хоть не Каина печать,
Но месили круто тесто.

Зря, начальник, не свисти,
Все отточены детали,
В стране законы не в чести,
Растеклись по вертикали.

Срок в России отволок,
Засвечен будешь в падежах,
Рванный будет диалог
На самых разных этажах.

Потерял семью, жилье,
И по жизни не босяк,
Не входил не раз в жулье,
Все равно вокруг кисляк.

Срок в России отволок,
Выходишь, как в нокауте,
Плевать не будешь в потолок,
Лет десять будешь в ауте.

Ветер надувает паруса,
Несется быстрой лавой,
Степи, пашни и леса
Стережет орел двуглавый.

Вот, кажется, кордон,
Пуста у нас авоська,
Россия – это слон,
Мы уходим к Моське.

ХОРОШИЙ МЕНТ

Есть лобное место и храм,
И встреча между разлуками,
Спасибо хорошим ментам,
Не все оказались суками.

Под пули пошел участковый,
Отдал себе отмашку,
Выдался вечер фартовый –
Испортили только фуражку.

Граждан спасают порой,
На риск и опасность не глядя,
Майор – как киношный герой,
Очень хороший дядя.

Прикрыл беззащитных детей,
Своих мог оставить сиротами,
Наверное, с малых ногтей
Высокими жил полетами.

О подвигах грезят мальчишки,
В прошлом сейчас пионер,
Нагляднее всякой книжки
Показал участковый пример.

Плохо мы знаем служивых,
Не просят частенько оплаты,
Среди продажных и лживых
Честные служат ребята.

Штурмую закона вершину,
Не бухаю с темными лицами,
На днях записался в дружину –
Решил помогать милиции.

ДВА ЕВРЕЯ

В неволе жизнь хреновая,
Серостью среда гнетет,
Метла на зоне новая,
В одну сторону метет.

Страною правит Водолей,
В стихах прячется хорей,
Втихую водочки налей,
Хозяин – колерованный еврей.

Освоил грязную науку,
С метлою носится Абрам.
В карцер эту суку! –
Хозяин судит по делам.

Шнырил иудей для вида,
Привлечь внимание фараона,
Опозорил всех сынов Давида, –
Решила важная персона.

Плачет в карцере Абрам,
Извлек цитату из Талмуда,
Получил не по делам,
Наказали очень круто.

Сутки чалится Абрам,
Достал не вовремя понос,
Душит кашель по утрам –
Сколько горя перенес.

Суров хозяин Нойша,
Лишил Абрама света,
Здесь ему не Польша,
А он устроил гетто.

На третий день явился вертухай,
Повел Абрама к куму,
Хоть ложись и помирай, –
Одна у бедолаги дума.

В колоде четверть козырей,
Красны сегодня бубы,
Шепнул вертухай у дверей:
«Работать будешь в клубе».

Еврей еврея приголубит,
Другим посееет горе,
За что сынов Израиля не любят
И презирают априори.

НЕ БАЗАРЬ, НАЧАЛЬНИК

Начальник, на понял не бери,
Я четыре срока отволок,
Честь не менял на сухари,
Вел открытый диалог.

Не был фраером и сукой,
Друзей подавно не сдавал,
Между неволей и порукой
Только лагерь выбирал.

Из семейства редких рысей
Братву не оставлял в беде,
Криминал меня возвысил,
Авторитет в его среде.

Начальник, на пушку не бери,
Известны козлиные примочки,
По делу, опер, говори,
Не дави на болевые точки.

Привыкли работать на хапок,
Новичков берут на испуг,
Не волнует преступления исток,
Давление сходит с рук.

Кончай, начальник, бредни,
Твой не катит наворот,
Я откинулся намедни,
Ты вспоминаешь старый год.

Начальник, на сознание не бери,
Его на весах не взвесить,
Долго копились глухари,
Не знаешь, на кого повесить.

Опер, на сознание не дави,
Зря не марай бумагу,
Нет к милиции любви,
Запугать нельзя бродягу.

Ничего я, мент, не подпишу,
Не меси напрасно глину,
Я сам не вешаю лапшу
И не кидаюсь на мякину.

СВОБОДЕН

Я сегодня свободен от зон,
Я сегодня свободен от всех,
Козлиные наши законы
На улыбки меняю и смех.

Листает страницы сынишка,
У него полукруглая дата,
Букварь – интересная книжка,
Искурил я когда-то букварь.

Дочка бежит навстречу,
Малышка раскинула ручки,
На вопросы дочки отвечу,
Побелеют на небе тучки.

Как Челюскин, зажат во льдах
Зимой високосного года,
Пробелы сплошные в делах,
Раздавит меня свобода.

Разойдутся весной торосы,
Загудит на реке теплоход,
С плюсом решатся вопросы,
Растает паковый лед.

Землю пригреют лучи,
Я сегодня свободен от зон,
Прилетят напоследок грачи.
Весною другие законы.

Весенний целительный рай
И фраза мятежная дочки
«Ты больше нас не бросай»
Ставит последние точки.

Я сегодня свободен от зон,
Детский радует смех,
Козьи в стране законы,
Спасительным будет успех.

Законы для слабых и бедных,
Богатый их купит чохом,
Все больше ограбленных, бедных,
Народ величают лохом.

Достаточно чистого неба
И лучик малый победы,
Безмерна людская потреба,
Приносит новые беды.

Народ свободен от совести
Чистогана ради, успеха,
Романы написаны, повести,
Только нету детского смеха.

Я сегодня свободен от всех,
Свободу берегу, как скряга,
Детей заразительный смех
Вытесняет наружу бродягу.

Не нарушаю больше закон,
Мелочного ради успеха,
Я сегодня не свободен от зон,
Не свободен от детского смеха.

МАРИНА

Расписаны эков дороги,
Над бухтой парит альбатрос,
Воры – всеильные боги,
Любой разрулят вопрос.

Женщин немая цепочка
В передний спускается трюм,
Последние ставятся точки,
Винтов поднимается шум.

Швартовые отдал матрос,
Над бухтой прощальный гудок,
Над баржей парит альбатрос,
Арестант всегда одинок.

Далекое море штормило,
Билась о баржу волна,
Ты сильно в жизни любила,
Выпила чашу до дна.

Прощальная песня, Марина,
Надрывна всегда и печальна,
Нет паруса белого Грина,
Только моря сурового тайна.

О счастье Марина мечтала,
С открытой жила душой,
Красивые книги читала
О любви прекрасной, большой.

Несправедлива жизнь, негуманна,
Дороже рубашка своя,
Не простила Марина обмана,
Приговор прочитала судья.

Приснится свободный парус,
Лодка скользит по волнам,
Выпал верхний ярус,
Теплее, спокойнее там.

Парит альбатрос над волной,
Сопки белеет вершина,
По барже гуляет конвой,
Удачи тебе, Марина.

ПЕСНЯ

Чайки парят над водой,
Ветер гуляет в поле,
Сидит арестант молодой,
Песню слагает о воле.

Орлом поднимается в небо,
Светит яркой звездой,
Пайка черного хлеба,
Кружка с холодной водой.

Парусом стелется белым
Над разливом широкой реки,
Отчаянным был и смелым,
Открывал любые замки.

Юность была отважная,
Приходит она неспроста,
Свобода бывает разная,
Прожил, в душе простота.

Холодно, сыро, худо,
За решеткой метет пурга,
В леса уходил Робин Гудом,
Стрелы разили врага.

Медведем крушил бурелом,
Добычу челюсти грызли,
Трагедия – когда казенный дом
Становится нормой жизни.

Взлетал над болотом соколом,
Парил над стаей птичьей,
Добычу сбил над осокою,
Сам оказался добычей.

Медленно тянутся годы,
Ветер гуляет в поле,
Сложена песня свободы.
Беззвучна песня в неволе.

БЕЛАЯ ВОРОНА

Нарушит дождь тишину
На границе грибного сезона,
Тронет рука струну,
Белая каркнет ворона.

Правду пилю целиком,
Ставлю части на попа,
Куда ты лезешь, гном,
Тебя раздавят, как клопа.

Гнездо скрывала крона,
Прилетел на свое пепелище,
Чтобы молчала ворона,
Спалили мое жилище.

«Умерь амбиции свои», –
Сказали честно в милиции,
Кругом летают воробьи
И крысят, крысят традиции.

Правила себе открыжь,
Грызи сухарь в подвале,
Веди себя, как мышь,
Не будешь никогда в опале.

На столе стоит пол-литра,
Огурец лежит соленый,
Сижу, чешу макитру –
Зря, наверно, стал вороной.

Замолкли серые грачи,
Толкает в бок персона,
Любимый, лучше помолчи,
Пусть скажет белая ворона.

Кто веселится, смеется,
Не боится глухого заслона,
Обязательно где-то найдется
В белых перьях ворона.

Ты, видно, из белых ворон,
Будешь за веру убит,
Не увидят твоих похорон,
Зло кричит ваххабит.

Свысока плевал на закон,
О чем написал в прогоне,
Он был из белых ворон,
Сам находился в законе.

В белых перьях ответчик
Отправил почту волной,
Спалился известный разведчик,
Меньше стало вороной одной.

Покрывают интриги, возню,
Правители наши и копы,
И только трамбуют лыжню
Белые всюду вороны.

ЗАРОК

За сопку летят облака,
Пушистые белые птицы,
Их полет отражает река,
По глади плывут вереницы.

Растают они вдалеке,
Ближе к Полярному Кругу,
Искупаюсь в чистой реке,
Отправлю весточку другу.

Оставлю зарок на воде,
Унесут его облака,
Нет им преград нигде,
Чистое небо пока.

Кровью зарок написан,
Медной не воспет трубой,
К криминалу навеки приписан
Рождением, бытом, судьбой.

Незыблем и вечен зарок,
Храню его, как улику,
Я выбрал пожизненный срок,
Никого не поставив на пику.

По зонам большой следопыт,
Никогда не стонал в бессилии,
Не однажды, системой избит,
В другой воскресал Бастилии.

Пронесут облака зарок,
Сквозь молний острые вспышки,
Я сегодня провидец, пророк,
Разрушаю насилья вышки.

На пути тернистом и длинном
Как маяк стою, одинок,
Клин вышибаю клином,
Меняю замок на звонок.

ВРАГИ

Узнали друг друга враги
В праздничной пьяной гуще,
В лагере честь береги,
Человеком быть стерегушим.

Зэка узнал конвоир –
Арестанта взяли в клещи,
По сучьему шмон он кроил,
Забрали курево, вещи.

Этап усвоил урок,
Дракой закончился шмон,
Добавил зэку срок
Очень гуманный закон.

«Побазарить надо, служивый,
Ты грубанул через край,
Показал характер трусливый», –
Как немой молчал вертухай.

Знал вертухай причину,
Страх не сумел превозмочь,
Когда перо уперлось в бочину,
Из толпы ломанулся прочь.

Бессильны потерявшие власть,
Будто сбросили их с трамплина,
Он упал на проезжую часть,
По ногам пронеслась машина.

Они все-таки встретились взглядами,
Но это – отдельная тема,
Разделит навек баррикадами
ГУИНа слепая система.

«Кто вызвал ноль три?»
Прилетела быстро карета,
У зэка противно внутри –
Не такого он ждал ответа.

ЗАГНАННЫЙ ОПЕР

Опер боялся тюрьмы,
Страшила бетонная пасть,
Он дал бы немало взаймы,
Чтобы туда не попасть.

Часто бывал на допросах,
Колоть помогал следакам,
Дурь искал в папиросах,
Бежала дрожь по рукам.

Со стула в тревоге вскакивал
Арестант, молчалив и кроток;
Опер частенько вздрагивал
От звона стальных решеток.

Допросы тянулись дольше,
Не могли обойтись без злобы,
Опер боялся – не выпустят больше,
Такая родилась фобия.

Вышел из домашнего душа,
В квартире железный скрежет,
Голос неведомый слушал:
«Пришли тебя резать».

Раздался в прихожей звонок,
Двери по-тихому отпер,
Спустил, не глядя, курок –
Пристрелил почтальона опер.

Окончательно опер загнался,
Был рассеян, унижен, кроток,
В убийстве честно признался,
Звона боялся решеток.

Избрали суровую меру,
Судью он, казалось, не слушал,
В ментовскую заехал камеру,
Заткнув предварительно уши.

Направили опера в дурку,
Будто нож приставили к глотке,
Водит с психами Мурку,
И там стальные решетки.

Поплыла у мента макитра,
Психи молчат, как немые,
Без слов и заглавного титра,
Рисует решетки стальные.

РЫБАК

Склонились ивы у пруда,
Мальчик ловит окуней,
Качает лилии вода,
Ветерок летит с полей.

Мальчик вышел на свободу,
Переступил родной порог,
Нагоняет рябь на воду
Теплый летний ветерок.

Прокапал редкий дождь,
Пахнет прелостью земля,
Бежит по ивам дрожь,
Шумят листвою тополя.

В авоське хлеб, вода,
Пригревает солнце спину,
Он знает – арестантская еда
Сильнее делает мужчину.

Мальчик – не маменькин сынок,
Хоть отца не видел сроду,
Уходит солнце на восток,
Хмурит ясную погоду.

Радует мальчишку клев,
Плюет мальчишка на крючок,
В корзинке множится улов,
Нырять часто поплавок.

Дорожи свободой, сынок,
Портят жизнь оковы,
Посмотри, какой денек,
Не встретишь больше ты такого.

Прекрасен жизни миг,
Если пропитан он свободой,
Прочти побольше книг,
Слейся с матерью-природой.

Мальчик ловит окуней,
Смотрит пристально на воду,
Обошел немало он камней,
Чтобы выйти на свободу.

Мальчик в гармонии с собой,
Опустился тихий вечер,
Шумят над детскою судьбой
Тополя и вольный ветер.

НАРУЖКА

Следак оформил на подписку,
Приставил плотную наружку,
Спокойно съест нельзя сосиску,
Выпить гнева кружку.

Бессменна оперская вахта,
Надо наглухо залечь,
Жизнь – прогулочная яхта –
Дала сегодня течь.

Схожу-ка к дяде Коле,
Гремел он в южных городах,
Теперь понятия на приколе,
Теперь сухарь не при делах.

Башку сломают опера –
Зачем понадобился вор,
Зависнуть надо до утра,
Запишут беспонтовый разговор.

На звонок ответа нету,
Возня и шум за дверью,
Закурил неспешно сигарету,
Глазам своим не верю.

Братва знакомая, с Одессы, –
Объяснил момент бродягам,
Совпали наши интересы,
Предлагают стать варягом.

Погреть на солнце пузо,
Не пристало розыска бояться,
На осколках бывшего Союза
Просветлеет лагерное братство.

Стучат на юг колеса,
До Одессы – меньше перегона,
К операм теперь вопросы,
Теперь я точно вне закона.

ДЕТДОМОВЕЦ

Солнца раннего лучи
Сквозь пелену тумана,
Прислал подельник кирзачи
Для выполнения лагерного плана.

Сапоги, конечно, не из хрома,
Но послужат долгий срок,
Сам я родом из детдома,
От статьи отмазаться не смог.

Адвоката приставило начальство,
Не смог судью он озадачить,
Мне предлагает государство
За детдомовскую пайку отбатрачить.

Обменял на сахар сапоги
И на кучку разных сладостей,
Не ел в детстве пироги,
Видел много гадостей.

Тащу арбу, как бык,
Вожу горячие детали,
Я с детства к карцеру привык,
Часто в темную сажали.

Бригада будет рада,
Новичок уперся рогом,
Я – как гильза от снаряда,
Качусь по лагерной дороге.

Сучий не писать диктант,
Влиться в лагерное братство,
Я на зоне вечный арестант,
Больше некуда податься.

Я от кузницы оглох,
Как в самолете суперскором,
Лучше б я в пакете сдох,
Что нашли когда-то под забором.

ПРОЩАЙ, КИЧМАН!

Белеет ниточка вольфрама,
Свет не гасят никогда,
К концу подходит драма,
В пойке булькает вода.

Воровская выбрана дорога,
Святое дело – чифирнуть,
Соблазнов в жизни много,
Тернист, неровен путь.

Завтра примет осужденка,
Приговор готов в суде.
Прощай, подруга шконка,
Прошлась ты тихо по судьбе.

Прощай, стреноженный кичман!
Отпустят шлюзы за порог,
Жизнь – отложенный обман,
Все больше рельсы поперек.

Свет не гасят никогда,
Чифир поставили на кон,
Везут этапы поезда,
Не спит столыпинский вагон.

Столыпин тоже пьет чифир,
Он этапу очень рад,
На вахте дремлет конвоир,
Обнял служивый автомат.

У нас пошла по кругу пойка,
Чифир глотают без нажима,
Ждет размеренная двойка,
Зона строгого режима.

Белеет ниточка вольфрама,
Как ни старайся – не задуть,
От кичмана и до храма
Нелегким будет путь.

СВИДЕТЕЛЬ ПРАВИЛЬНО ЛАСИТ...

Свидетель правильно ласит,
Фемиде гонит сказки,
Два петра статья гласит,
Надо думать об отмазке.

Народу – целый коллектив,
Родня – для чувства локтя,
Прокурор увидел рецидив,
Влил немало дегтя.

Опер выступил из МУРа,
По полной грузит тоже,
Подельник мой – Фигура,
Сидит и строит рожи.

Один за всех отмазку пру,
Смазал важные детали,
Обвиненья все не по нутру,
На трешник за день наболтали.

Сказал бы бюргер «швах»,
Но впрягся адвокат мой смело:
«Подзащитный мой не при делах,
Шьют ему позорно дело».

Конфуз вышел по ходу прений,
Терпила – песенный фонарщик,
Он не знал глубокой фени,
На меня кричит тюремщик.

По делу прекратились прения,
Терпиле нечего сказать,
Москвич в пятом поколении,
Просит примерно наказать.

Судья захлопнул том,
Ему на доску наши рожи,
Какимогреет он кнутом –
Узнаем на часик позже.

ГЛАЗ НАТЯНУЛИ НА ЗАДНИЦУ...

Глаз натянули на задницу,
Всем надо видеть лещь,
Евреем он был по отцу,
Моисеем представили здесь.

На сцене смеялся, печалился,
Сыграл и спел все, что мог,
На зоне, вроде, не чалился,
За лавровый бился веноч.

Писал относительно мягко,
Боялся убойного ринга,
В бок кольнула булавка,
Но только не острая финка.

Жалел распятого Христа, –
Тянут страдальца на Мессию,
Не закрывал на работе рта,
Спасал от нечисти Россию.

По понятиям он ссучился,
Записан в редкие страдальцы,
А он с похмелья мучился,
В рот засовывая пальцы.

На манекен натянут пальто,
Поставят по паркам, аллеям,
В России ты – никто,
Если не родился евреем.

Себя скоблил полгода,
Уперся в основателя Петруху,
Много было разного народа,
Русским надо быть по духу.

Растратил безвольно силу,
Остался в душе полукровкой,
Не вытянул русскую жилу,
Хоть извивался веревкой.

ЧУЖОЙ ГЛУХАРЬ

Я скоро приеду, мама,
Молодой, свободный, довольный,
Звон колокольный из храма –
Праздник великий, престольный.

Поставлю за здоровье свечку,
Бог мне один судья,
Посижу один на крылечке,
Мне чужая досталась статья.

Фарисеи твердят о законах,
Большие чины и сошки,
Полно невиновных на зоне
Хлебают из лагерной плошки.

В камерах тесных и душных
Дают мордобоя уроки,
Страна слепых, равнодушных
В большом погрязнет пороке.

Не «с Богом» кричат, а «к черту»,
Сатанеет вся вертикаль,
Создали такую когорту,
Что льет на закон фекаль.

Я вернулся из лагеря, мама,
Прошел мандраж и испуг,
Буду двигаться прямо,
Порочный отбеливать круг.

Правду не любят законы,
Токуют кругом глухари,
Мундиры не держат иконы,
Готовь на крайняк сухари.

Плотно придется молиться,
Богу нельзя попенять,
Чтобы в двери ломиться
Честь свою отстоять.

ЕСЕНИН

«Есенина видели пьяным», –
Ползет шепоток, шурша,
Не был Сережа бакланом,
В просторы рвалась душа.

Доставляли, бывало, в участок,
В скандалах погряз, кутеже,
К криминалу не был причастен,
Не замечен был в грабеже.

Кабачкая пелась Москва,
Было что-то в нем напускное,
Шумела в дубравах листва,
Сердце болело весною.

Талантливый Божий раб,
Он мало писал про Ленина,
Поэтом сисястых баб
Прозвали Сергея Есенина.

Не дал ему город крова,
Бульдожьей не было хватки.
«Околела в деревне корова»
Запишет намедни в тетрадке.

Родину честно славил,
Она тебе будет сниться,
Ты б добровольно ее не оставил,
Страну березового ситца.

Город разбойник и вор,
Совесьть его не гложет,
Зачитали тебе приговор
Продажные красные рожи.

Неведомо тем подонкам,
Что под друзей косили –
В любой захолустной сторонке
Будут помнить тебя в России.

ДОМОЙ

Отпустите мальчишек домой,
Им надо по-новой прожить,
Им надо гулять под луной,
Девочек надо любить.

Заблудших детей простите,
Милосердными быть пора,
На волю их отпустите,
Для них это – просто игра.

Упраздните суровые меры,
Будьте детям друзья,
Со взрослых берут примеры.
Бог вам помощник, судья.

Дорогие мальчики, девочки,
Страшен первый срок,
Впитают тревогу зрачки,
Не пройдет безоглядно урок.

Срок бывает один,
Дальше идет приложение,
Остался в душе «гражданин»,
Остались тоска, унижение.

В руке служебный портфель
Двигает выше спесь,
Адский дремлет коктейль,
Взорвется когда-то смесь.

Многое надо отдать,
Чувства тонут в слезах,
Не узнает родная мать,
Жестокость мелькнет в глазах.

Отпустите на волю ребят,
Лучше окажется всем,
Правоведы о них не скорбят,
Уходят от важных тем.

Ребята вернутся домой,
Залечат душевные раны,
Пусть поспорят с судьбой,
Построят лучше планы.

РЕКИ ВПАДАЮТ В МОРЯ

Реки впадают в моря,
Берега покрыты туманом,
Покатилась жизнь моя
По зонам и дальним кичманам.

На просторах великой страны
Оставил заметные метки,
Мелодия звонкой струны
Неслась со мной с малолетки.

Песни блатные звучали,
По два квадрата на брата,
За горьким крепким чаем
Пели о дружбе ребята.

Горели, как сердце Данко,
Было жарко от нашей искры,
Мешали мы на гражданке,
Спрятали очень быстро.

Летели перистые клином,
Нам долго не видеть юга,
Рано я стал гражданином,
Метет холодная вьюга.

Презирали холуйство и месть,
Большим запасались терпением,
Есть в страдании прелесть,
Вспыхнет душа озарением.

Давно расписаны роли,
Звонок по минутам звонит,
Мимолетная радость неволи
Искру надежды заронит.

Нету в неволе резона,
И вроде сиделец не рад,
И только русская зона
Тянет и тянет назад.

ШАНХАЙСКАЯ БАЛЛАДА

Как-то с другом буханули,
Хватили, видно, через край,
Пошли до дому напрямую
Сквозь заброшенный Шанхай.

В авоське – водка, закусь,
И настроение хоть куда,
Идем, глядим – на-кось:
Из земли торчит труба.

Наверно, это баня,
По черному топилась клеть,
Пузырь решили раздербанить,
Под солнцем мирно побалдеть.

Между речкою и домом
Поднялась балдоха выше,
Мужик подходит с ломом:
«И что мы делаем на крыше?»

Ничего не выдумали краше?
Собирайте быстро шмотки».
Но на предложение наше
Согласился выпить водки.

Он представился как Дэн,
Прилипло погоняло Шмель,
В Шанхае он абориген,
Как раз родился в оттепель.

В зоне чалился разок,
На бирже профиль узкий,
Водку наливали на глазок,
Пили быстро без закуски.

С Дэном перешли на ты,
Много общих точек,
Подошли его кенты,
Описать не хватит строчек.

Принесли паленой водки,
Название «Русские узоры»,
Понесли по кругу сотки,
Громче стали разговоры.

Решили побороться два соколика,
Зевак полтора десятка,
Отдельного достойны ролика,
Под нами затрещала матка.

Открытым был капкан,
Вели себя очень глупо,
Пьяный наш шалман
Свалился вниз в халупу.

Друг ударился хребтиной,
Упал, как видно, на орла,
Лежал, завален глиной,
Сверху – пьяные тела.

Всех накрыло потолком,
Орали два шанхайца,
Упала кастрюля с кипятком,
Обварила бедным яйца.

Дэн упал на печку,
В кровь разбил макитру,
Придется ставить свечку,
Выпить горькую поллитру.

Я отделался испугом,
Не клял в сознании мать,
По сравнению с другом –
Упал прямо на кровать.

Соседи прибежали Дэна,
Все в полной непонятке,
Надо выручать из плена,
Торчат где головы, где пятки.

Растащили наш шалман,
Нам по пьянке невдомек,
Подогнали даже кран,
Приподняли потолок.

Буханули снова с другом,
С собою взяли по одной,
Домой плетемся цугом,
Шанхай обходим стороной.

СВИНЦОВЫЕ НИЗКИЕ ТУЧИ...

Свинцовые низкие тучи
Коснулись крылом террикона,
Загнал непредвиденный случай,
Уголь кидая с вагона.

Малолетка ушел в криминал,
Сосед на атаке тупит,
Правду диспетчер сказал –
Вагоны загонит в тупик.

Идейный сосед-вдохновитель
Скомандовал вовремя: «Пли!»
Противна, холодна обитель,
Мимо проходят рубли.

Под майским лазурным небом
Оркестра победная медь,
Очередь вьется за хлебом,
В очередь надо успеть.

Отгремел по фронтам динамит,
Суровая, мирная быль,
На гармошке играл инвалид,
Рядом приставлен костыль.

Гимнастерки, медали, шинели,
Женщин веселые лица,
Песни победные пели,
Отпылала над лесом зарницы.

Достали женщины платья,
Мужчинам некогда пить,
Жаркими были объятия,
Спешили они долюбить.

Обживали покинутый угол,
Каждый военный – фартовый,
И даже за скинутый уголь
Слегка журил участковый.

Льдом покрылись реки,
Год начинался новый,
Потянулись на волю зэки,
На крыльях летает участковый.

Денег – наплакал кот,
Снимали часы и лепень,
Братва вошла в оборот,
Гоп-стоп прокуроры лепят.

Сел сосед за грабеж,
Подломил с кентом магазин,
Выручки было на грош,
Я остался в бараке один.

Узрела быстро малина,
Пропадают бесхозные руки,
Взрослого шла половина,
Постигала криминала науки.

На отца лежит похоронка,
Мать давно на погосте,
На малолетке – жесткая шконка,
Зарулил к хозяину в гости.

Нету кровной обиды,
Боль не стучит в висок,
Черные выпали виды,
Вовремя дали кусок.

Бывает, одет с иголки,
И на зоне лихие года,
Есть овцы и хищные волки,
Так было и будет всегда.

ОДА ПЕРЛОВКЕ

Пайку привез баландер,
Я только покинул трюм,
Выстрою новый шатер,
Белый надену костюм.

Братва стоит у кормушки –
Чаю, кормилец, налей-ка,
Блестящие миски и кружки,
Благородный металл нержавейка.

Перловка очень полезна,
Кашу едят на халяву,
Баландер сегодня любезный,
Сунул соседу маляву.

Каши брось, баландер,
Стихию меняю свою,
Старое в памяти стер,
Новые песни пою.

Баландер, не очень спеши,
Ритуал раздачи твори,
По зову широкой души
Пошел в блатные шныри.

Брось, баландер, перловки,
Это, конечно, не манты.
Мигом доложат кумовке,
Что с кашей творят арестанты.

Водю промою кашу,
Выпадут белые зерна,
Судьбу свою перекрашу,
Скоро до дома дерну.

Великая сила в зернах,
Мощи добавит масса,
Все утопает в нормах,
Только забыли про масло.

Дома сварю перловку,
Классная выйдет каша,
Повезу ее в столицу,
Пусть знают наших.

Масла добавлю в массу,
Свободы не видеть век.
Европеец скорчит гримасу,
Африканский похвалит зэк.

Не ел он перловую кашу,
Больше бобы да бананы,
Пусть помнит мафию нашу,
Зачищу у негра карманы.

Богатенький негр-турист,
Легкий исходит хмель,
Путь его будет тернист –
Исчез из кармана шмель.

Куда он без денег, бедняга,
Суперкарманники наши.
Такая случилась бодяга,
На перловой замешана каше.

Каши брось, баландер,
Хозяину съем в угоду,
Новый построю шатер,
Скоро уйду на свободу.

ПЕРЕКИД

Нету легкости в стихах,
Все больше тянет к прозе,
Мозоли вздулись на руках,
Руки стыннут на морозе.

Торчат макушки из траншеи,
Проверять придет десятник,
Горячий пот бежит по шее,
Парит тяжелый ватник.

Накрылся кабель на промзоне,
Холодный ветер в грудь,
И даже вор в законе
К траншее вышел чифирнуть.

Не просит кабель каши,
Ну и пусть лежит любезный,
Тяжелый душит кашель,
Не поддается грунт железный.

На миг закрою веки,
Лопат и кирок стук,
Долбят землю ээки,
Летит на волю звук.

За забором тише звуки,
Дворник чистит тротуар,
Воровские знает он науки,
Сам недавно снялся с нар.

Перекид готовит дворник,
Набор из прочного металла,
Он приходит третий вторник,
Ждет условного сигнала.

Пот бежит по шее,
Тесно в узкой щели,
Сверток падает в траншею,
Достигнет передача цели.

ЖАЛЕТЬ И ГРУСТИТЬ УЖЕ ПОЗДНО...

Жалеть и грустить уже поздно,
Удачливы были, молоды,
Сейчас воровские звезды
На обоих предплечьях наколоты.

Пройдешь зоны крытые –
Кололись в ответ купола,
Открывались двери закрытые,
Большие решались дела.

Генералы закрытого мира,
Большие у вас острова,
Тема помина эфира,
Статус теряет братва.

Легко загнать под кровать,
Получить исконный ответ,
Малина для многих не мать,
Понятия сходят на нет.

Ослаблен во многом спрос,
Педофилы прут косяком,
Беспредел – открытый вопрос,
Проблемы, как снежный ком.

Традиции – тоже политика,
Нести их нелегкий груз,
Спокойной должна быть критика,
Козырным останется туз.

Генералы закрытого мира,
Большие у вас острова,
Столица за вами, Пальмира,
Верит в успех братва.

ГРАФОМАН

После ходки сменились планы,
Густой забодяжил деготь,
Писанулся дурак в графоманы,
Руки в стихах по локоть.

Просит братва почитать,
Тиснуть в стихах письмецо,
Тяжело хорошему стать,
Унижение и грязь в лицо.

Честный просят рассказ,
Сучьих планов громадьё,
Залетит ГУЛАГовский Пегас
Посмотреть на деяние свое.

За пайку не бьется братва,
Система калечит души,
За свои воюешь права,
Отведут пяточок на суше.

По кайфу пошла писанина,
Редко читает зэк,
Надоела ему осетрина,
Решил податься в побег.

В землю воткнул лопаты
Отряд невольных копателей,
Двинутся скоро до хаты,
Страх обуял издателей.

Уши прижали зайцы,
Холуйство в большой цене,
Писанина сводит пальцы,
Борозду веду в целине.

Поэт больше, чем поэт,
Льет писака комплимент,
Там светлый кабинет,
Здесь с винтовкой мент.

«Поэт» звучит как «привет»,
Без долгой протяги,
Братве привез ответ:
«Как дела, бродяги?»

Не меняется суть вещей,
Ведут на зону и Петровку,
Кто хлебнул хозяйских щей,
Тот правильно съест перловку.

Рвутся с ремней собаки,
Течет по стенам деготь,
Считают прибыли писаки,
Руки в сборниках по локоть.

Где ты, больше, чем поэт?
Смердит лагерная копоть,
К улучшению сдвигов нет,
Руки в крови по локоть.

АНАРХИЯ

В стихах я полный анархист,
Вышку ожидал в подвале,
Не любят хулиганский свист
В большом, серьезном криминале.

Перемены приняла бакланка,
Тонкие плетет узоры,
Поджидают инкассаторов у банка,
Передернули грабители затворы.

Бакланка тихо умирает,
Меняет платье девка,
Деньги тоннами стирает
Пустая фирма однодневка.

У детей жестоки игры,
Множат козыри свои,
В криминал приходят тигры,
Родились в год змеи.

Детки ушли в расчет,
Кидают зеленые юнцы,
Ополовинят виртуально счет,
Не найти до смерти концы.

Бакланка – достояние музеев,
Молодняк магнитит слово,
По-крупному кидают ротозеев,
На кону – рублевая основа.

В криминале полная анархия,
Непредсказуем преступления состав,
У каждого своя епархия,
Свой непризнанный устав.

ГУЛЯЕТ СВЕЖИЙ ВЕТЕРОК...

Гуляет свежий ветерок
По крышам и тюремным дворикам,
Написать письма листок,
Тихо посидеть за столиком.

Сам себе философ и историк,
Открыта пачка сигарет,
Превращен тюремный дворик
В рабочий тихий кабинет.

Голуби воркуют на карнизе,
Небо отливает синевой,
Ветерочек в легком брize
Шелестит зеленою листвою.

Теплая и ранняя весна,
Принесли ее на крыльях птицы,
Памяти натянута струна,
Шелестят, исписаны страницы.

Налетела тучка мимолетна,
Дождь простукал по карнизу,
Сторона закрыта оборотна,
Орлом монетка к низу.

Не так легка монета,
Дождь стекает по карнизу,
Обжигает пальцы сигарета,
Гремят ключами снизу.

Сам себе философ и историк,
Дует свежий ветерок,
Опустел дощатый столик,
Закончился писательский урок.

Написал коротенький рассказ,
Небо отливает синевой,
Пролетел прогулки час,
Двери отворил конвой.

ПЕС

Стеклянные впились глаза,
Животные тоже плачут,
Покатилась у пса слеза,
Искорки страха скачут.

Вырвался пес из плена,
Впалые ходят бока,
Из пасти – кровавая пена,
Рана была глубока.

Не поймет затравленный пес,
За что его люди гонят,
В глазах немой вопрос,
Не принят он и не понят.

Ушел от погони пес,
Не он затеял драку,
Затяжной оказался кросс,
Покидают силы собаку.

Выгнали пса на улицу,
Бездомных пополнил отряд,
Собаки тоже сутулятся,
Веселятся, плачут, скорбят.

Теперь он повсюду чужак,
Навеки записан в бродяги,
Не жизнь, а сплошной наждак,
Нет у бездомных бумаги.

Гонит бродячая стая,
Оставив открытым вопрос.
Прошлые дни листая,
Не видит виновности пес.

Гонят отовсюду пса,
Никто не приветит в гости,
Помогут ему небеса,
Найдутся кусок и кости.

Положит ему Всевышний,
Божьи твари вокруг,
Оказался людям лишним
Самый надежный друг.

ОПЕР ПИШЕТ ПРОТОКОЛ

Опер пишет протокол,
Множит следственный бардак,
Вещи выкинул на стол,
Положен по статье следак.

Опер явно косорезит,
Гонит задержаний план,
Стать майором грезит
Еще не старый капитан.

Прощупал все манжеты
Дотошный оперской актив,
Подряд ломают сигареты –
Шмон запишут в позитив.

Ставить подпись нет желанья,
Подсунул опер брак,
Цинкует как бы в оправдание:
«Завтра вызовет следак».

Дощатый крашенный настил,
Перловая эковская каша,
Сосед сигаретой угостил,
В углу стоит параша.

Чифирнули очень круто,
Играем в карты до утра,
Кантоваться десять суток,
Пока не возьмет тюрьма.

Сегодня красная суббота,
В понедельник явится следак,
Мне больше нравится болото,
Чем ложно крашенный большак.

Скрипит нагруженный настил,
Братва гоняет анекдоты,
Давненько здесь я не гостил,
Ментов оставил без работы.

АБСУРД

Долгожданный пришел понедельник,
Сегодня начнется процесс,
Дело читает подельник,
Углубляется в темный лес.

Суд – театр абсурда,
Не место забитым и скромным,
От чукчи до горного курда
Не считают себя виновным.

Невиновность – напущенный лоск,
Фабула сверлит, жжет,
Мягким становится воск,
Если свечку кто-то зажжет.

Любое дело туманно,
Всюду подводные камни,
Небесная падает манна,
Открой вовремя ставни.

Истины нету в суде,
Лукавство с обеих сторон,
Одна остается в беде,
Другая исказила закон.

Равноправия нету сторон,
У обвинения немерено рвения,
Адвокат – пустой эшелон,
Прокурора превыше мнение.

Судья находит закладку,
Факты сейчас подтвердит,
Знаешь заранее раскладку,
Истина часто вредит.

Подельник прикольно косматит,
Суду отходную поет,
То ворох признаний накатит,
То вдруг в несознанку уйдет.

Брови вскинул кивала,
Аппарат приставил к уху,
Мало вестей из подвала,
Просит назвать погремуху.

Суд превратился в проформу,
Приговор известен давно,
Адвокат не меняет платформу,
Интрига бывает в кино.

Адвокат отжужжал, как муха,
Ни одну не решил задачу,
Подстелил немного пуха,
Для отмазки напишет касачку.

Подельник вбросил заготовку,
Вскрыл болезненный нарыв,
Судья проделал рокировку,
Сделал срочно перерыв.

Подготовил заседу подельник,
Затянется точно процесс,
Пятый пошел подельник,
Темнее становится лес.

СТАРЫЙ ЛАГЕРЬ

Пекинка уходит в лес,
Прячется старая трасса,
Не будет здесь колеса
В горных теснинах Мааса.

Сдали на лом вагонетку,
Висит на щите кирка,
Итальянскую монетку
Нумизмата сжимает рука.

Пленные жили румыны,
Итальянцы и прочие гансы,
Гнули безропотно спины,
Вернуться имели шансы.

Подневольные пришлые зэки,
Здесь им погост и храм,
Бушлатов серые реки
Растеклись по Уральским горам.

Строили бараки румыны,
Тянули безропотно лямки,
Гнули позорно спины,
Пропустили русских в дамки.

Добывали в карьерах руду,
Клали хвойную гать,
Топились, порой, в пруду,
Узнали Кузькину мать.

Тихи и убоги бараки,
Нету победного бреда,
Увидели горе-вояки
Где ковалась победа.

Уральцы не хмурили брови,
Не чинили пленным преград,
Приносил пучок моркови
Мальчишка, что делал снаряд.

Превратились бараки в пыль,
Положили новые лаги,
Вот такая нехитрая быль
Про старый немецкий лагерь.

ПРОБИЛИСЬ СОЛНЕЧНЫЕ ЗАЙЧИКИ

Пробились солнечные зайчики
Решеткам и дверям назло,
Гоняют банку мальчики
В тесном дворике СИЗО.

В футбол играют малолетки,
На мячик денег нет в казне,
Ворота – солнечные клетки, –
Решетки отразились на стене.

Гоняют бедолаги банку,
Площадка тесна и мала,
Вратарь затеял перебранку,
Уверяет, что не было гола.

Забыли о тюрьме мальчишки,
Матери за них печалются,
Хулиганы, мелкие воришки
За сущие копейки чалятся.

Даст тюряга погоняло,
Обострится зрение, слух,
Азы изучат криминала,
Воровской впитают дух.

В корне изменятся мальчишки,
Приклеится изысканный обман,
Не сядут за тетрадки, книжки,
Равнодушен к знаниям кичман.

Поменяют скоро кровь,
На суде подальше упекут,
За казнокрадов, служащих воров
Малолетки срок отволокут.

Светом залиты дома,
В зенит уходит солнце,
Сурова русская тюрьма,
В ресничках – темное оконце.

ПОД ЗАЩИТОЙ

Раскован, свободен полет,
По щеке провел небритой,
Попал мужик в переплет –
Свидетель нынче под защитой.

По-полной свидетель грузит,
Поражает суровой былью,
Его в автозак погрузят,
Как только сложит крылья.

Готова ксива и квартира,
Работу нашли наперед,
Не будет ринга, тара,
И киллер его не найдет.

Помощник в суде прокуроров,
Светлый и яркий фонарь,
Больше он не Егоров,
Теперь он – Петя Собокарь.

Убрали горбинку с носа,
Уши впредь не торчат,
Смотрит свидетель косо,
Свидетель безмерно рад.

Никто ему не угрожает,
Живет себе на юге тихо,
Собирает по два урожая –
Нынче больно прет гречиха.

Он в пылу судебных споров,
На столбе висит фонарь,
Он больше не Егоров,
Теперь он Петя Собокарь.

Монета встала на ребро,
Пустой судебный зал,
Сотворил мужик добро,
Суд злодеев наказал.

МУСТАНГ

По степи несется конь,
Бьет и бьет копытами,
Он красный, как огонь,
Несется тропами изрытыми.

По степи несется конь,
Он перепутал все сезоны,
Он горячий, как огонь,
Он век не видел зоны.

Незнаком ему хомут,
Прошел огонь и воду,
Он никогда не видел кнут,
Он погибнет за свободу.

В крови гуляет ток,
На ветру волнится грива,
Он несется на восток,
Ржет и ржет игриво.

Красавец бешеный мустанг,
Его свобода родила,
Он пойдет ва-банк,
Чтоб не видеть удила.

Он не знает колесо,
Бьет земную твердь,
Путам и лассо
Предпочтет, скорее, смерть.

Седло не для мустанга,
Он поставил на зеро,
Воды святого Ганга
В его налиты озеро.

В мае, жутком январе,
В любое время года
Ржет красавец на заре,
Чудо создала природа.

ЦИФРА ПЯТЬ

Он откинулся пятого марта,
Имел пятерку планов,
Четвертым был доходный бартер,
Пятым – карандаш от тараканов.

В решетке темное окно,
На руке синеет тушь,
Он хотел рискнуть давно,
Сорвать хороший куш.

Ему везло на цифру пять,
Ну, просто страшно перло,
На пять поставил он опять,
Промочил немного горло.

Он никого не замечал,
Везло, везло братишке,
Головой крупье качал,
Подвигал поближе фишки.

Прекрасно шли делишки,
Шарик терли теркой,
Хватай скорее фишки,
На выход быстро дергай.

Ему везло на цифру пять,
Ну, просто страшно перло,
На пять поставил он опять,
Сухим оставил горло.

Он уверен в цифре пять,
Оглядел соседей гордо,
Шарик выдал двадцать пять,
Показал козыю морду.

Ехидно щерился крупье,
К себе подвинул фишки,
Слово крепкое на «е»
Застряло в горле у братишки.

Духовной мало было пици,
Крутил глазами одичало,
Он теперь батрак, он нищий,
Надо начинать сначала.

Мотал хвостом терьер,
Квартира, словно клетка,
Достал из шкафа револьвер –
Рассудит русская рулетка.

Глотнул из горла водки,
Готов к стрельбе курок,
Без прицела и наводки
Уперлась смерть в висок.

Глазами говорил терьер:
«Ты, хозяин, это брось!»
Плохая шутка револьвер,
Погубит русское авось.

Он с досады понял вдруг:
Непросто жизнь отдать,
У него есть настоящий друг.
Пойдем-ка, брат, гулять.

Подальше бросил револьвер,
Хватит слабости служить,
Пес подал ему пример,
По-любому надо жить.

МАДЛЕН

Наводчицу звали Мадлен,
Средний брака процент,
Фото глядели со стен,
Муж – погибший доцент.

Красивой была Мадлен,
Плотно коснулась искусства,
Дипломы глядели со стен,
В заначке водилась капуста.

Танцевала прекрасно Мадлен,
Грацию любят мужчины,
Приметил Мадлен бизнесмен,
Понятны влечения причины.

Содержали достойно Мадлен,
Спокойно жила, не тужила,
Щедр был бизнесмен,
У Мадлен – авантюрная жила.

Братва предложила процент
Очень хороший для слуха,
С фото смотрел Доцент,
Это братка погремуха.

Первым серьезно всплакнул
Хороший друг бизнесмена,
Закачался под бизнесом стул,
На фирму нагрянула смена.

Мадлен окрылил успех,
Компашка трудилась на славу,
С братвой поделиться не грех,
Деньги пришли на халяву.

Подвернулся Мадлен однажды,
Имел значительный тыл,
Оказался волчара бумажным,
После базара поплыл.

Пришел через бизнесмена,
Пригрел на груди врага,
Вырвался быстро из плена,
Ударился фраер в бега.

Взяли на понт прощельгу,
Деньги суживал в рост,
Прочитали приходную книгу,
Прищемили халявщику хвост.

Живет за границей Мадлен,
Зеленая есть ботва,
Муж у нее бизнесмен,
Готова к поездке братва.

ЗЯБЛИК

Уплыл по течению кораблик,
Не скрывал мальчишка досаду,
Заплакал щупленький Зяблик,
Кораблик плыл к водопаду.

Белый приснился парус,
Вырос давно мальчонка,
Верхний тюремный ярус,
Знакома заходнику шконка.

Застрял в камышах кораблик,
Буря на то повлияла,
Завис в неволе Зяблик, –
С детства пришло погоняло.

Черный приснился парус,
За штурвалом стоит любитель,
Мчится по трассе Икарус,
Дремал за рулем водитель.

На боку лежит Икарус,
Наколка сдала на руках,
Верхний выпал ярус,
Пассажир оказался в бегах.

Невезучий по жизни Зяблик,
Не приходит беда одна,
В детстве уплыл кораблик,
Коснулся мальчишка дна.

На зону попал малолетка,
Злобный, забитый зверек,
Никого не исправила клетка,
Не в радость хозяйский паек.

Удачи проси у звезды,
Гуляет черная метка,
Не выйти сухим из воды,
Тянет на дно малолетка.

В поток уставился Зяблик,
Глокает взрослые слезы,
Уплыл его детский кораблик,
Разбились детские грезы.

МИРНЫЙ ИСХОД

Стоят песочные часы,
Время ожидания вышло,
Скулят по будкам псы,
К пальбе готовы вышки.

Стену проломил ОМОН,
Растеклись щиты и каски,
Нет согласия сторон,
Детали оставят без огласки.

Хозяин старается один,
Не нужны кровь и заморочки,
Он почетный гражданин,
Вмиг унизят строчки.

Полковник просит не стрелять,
Не будет истины в огне,
На мобильный звонит чья-то мать,
Вздуроражил бунт в тюрьме.

Арестанты сбились в кучу,
К взрослым малолетки жмутся,
Кто устроил эту бучу –
Прокуроры позже разберутся.

Торопит генерал ГУИНа –
Доложить в столицу невтерпеж,
Заложена системой мина,
Выставил иголки еж.

Просит разойтись полковник,
Усмирить горячий норов,
Решили все же уголовники
Сесть за стол переговоров.

Разошлись мирно антиподы,
Легче становится дышать,
Конфликты зреют годы,
Не торопятся их вовремя решать.

ГОНЧИЙ

Сошлись в единый кулак,
Писанулись Балда и Пончик,
Поджечь решено автозак,
Побег подготовил Гончий.

Гончий начинал с малолетки –
Сначала безобидный угон,
Потом карманы, барсетки,
Столыпинский принял закон.

Первый побег был удачный,
Под машиной висел на руках,
Отсиделся беглец на даче,
На полгода завис в бегах.

Вернули на ту же зону,
Тесной оказалась клетка,
Верен свободному зову
Снова бежал малолетка.

Он трижды бежал с малолетки,
Добиться хотел идеала,
Не удержишь свободу в клетке,
«Гончий» пришло погоняло.

Поднялся потом на взросляк,
На пике был, молодчина,
Опера мочили кисляк,
Его знали генералы ГУИНа.

Раздражали застывшие краски,
Быстро начать и закончить –
Не могут без бега хаски,
Не мог без побега Гончий.

Он знал финал наперед,
Найдут все равно беглеца,
Его толкало вперед
Желание идти до конца.

Убежать с изыском, красиво
Было заветной мечтой,
На воле прикопана ксива,
Засеяна редкой травой.

Как в кассе пробитый чек,
Пустая чифирная пойка,
Большое ЧП – побег,
ГУИНу жирная двойка.

Все равно, что взойти на Казбек,
Тяжелый путь, непростой,
Пятый совершить побег
Может настоящий герой.

В шестом побеге был Гончий –
Колотит офицеров ГУИНа,
Решено в этот раз покончить,
Чтобы не бегал, скотина.

Беглецов нельзя различить –
Трое уходят в гору,
Решено троих замочить
Без сомнений и спора.

ШЛЕПА

Знаменитый домушник Шлепа
В квартиру портного проник,
Одесса проста, как Европа –
Ключ прикрывал половик.

Зачистил шкафы и полочки,
Смотрит, стоит манекен,
На нем костюмчик с иголочки, –
Знатный заказчик хрен.

Решил фраернуться Шлепа,
Портному позор и горчинка,
В таких щеголяет Европа,
В Одессе – большая новинка.

Прикинул костюмчик Шлепа,
Модно, удобно, красиво.
Повесил свой, недотепа,
В кармане осталась ксива.

Солнце клонилось к закату,
Доволен судьбой Шлепа,
Зачистил бродяга хату,
В костюмчике новом шлепал.

Дома врубился Шлепа,
От позора лицом побелел,
Сидел, по балде себя шлепал,
Костюмчик на стенке висел.

Явились стражи закона,
Чинно, с улыбкой, красиво,
Шлепа сидел, как икона,
Адрес выдала ксива.

Много в Одессе трепа,
Стар толкует и молод,
Как прокололся Шлепа –
Удивляется вольный город.

Шутки пошли и трепы,
Гудит Привоз и вокзал.
Ну, ты! Фраернулся Шлепа,
Сам себя наказал.

Прошли криминальные тропы,
Совсем не пустая ботва,
«Это вам не у Шлепы», –
Скажет крутая ботва.

От Курил до самой Европы,
До южных жарких широт
Шагают по жизни Шлепы,
Разинув весело рот.

Подводные будут рифы,
По миру не просто топтать,
Орлы кружатся и грифы,
Нам бы страну не прошлепать.

ПРОТОПАЛ НЕМАЛО ПО ЗОНАМ...

Протопал немало по зонам,
Наказ братвы зацепил,
По лагерным жил законам,
Понятия двигал и чтил.

Сразу хозяина понял,
Одна продажная тема,
Хочет горбатым пони
Сделать зэка система.

Хозяин выписывал сутки,
К лагерной двигал культуре,
Ментовские развенчивал утки,
Был термометром в БУРе.

Гремели вдали поезда,
Жизнь выдвигала прожекты,
Одна светила звезда –
Тусклый с вышки прожектор.

Долго в неволе пилил,
Не одну прошел одиночку,
Раз кипишнул и вспыллил,
Вертухаю загнал заточку.

Не то цинканул вертухай,
Оказался тяжелым удар,
Загнали в неведомый край,
Куда телят не гонял Макар.

Чифир горячий глотал
Ближе к Полярному Кругу,
Я северу жизнь доверял,
Как самому лучшему другу.

Ненавистный тубик исчез,
Вылечил воздух морозный,
И в зоне бывает прогресс,
Часто большой и нервозный.

Север давно отпилил
Морозной снежной пылью,
Откинулся я, отвалил,
Заглаживать лагерь былью.

Я СИДЕЛ!.

Я сидел в знаменитых Крестах,
По делу сидели бродяги,
Я был при известных делах,
Висели российские флаги.

Праздник гуляла Пальмира,
Моряки ходили на сушу,
Я бы отдал полмира
За Питера светлую душу.

Балтийский свежий ветер,
К подъезду катил «Мерседес»,
В этот памятный вечер
Чиновник известный исчез.

Я сидел в знаменитых Крестах,
В подельниках значился Кот,
Отказ горел на устах,
Следаку немой поворот.

Малявы писали бродяги,
Получали быстрый ответ,
Сняли российские флаги,
Праздник сошел на нет.

Вернулся пропавший чиновник,
Тот, который исчез,
Он был разводящий полковник,
Чей-то хранил интерес.

Я сидел в знаменитых Крестах,
Чалился ровно год,
Развалилось дело в прах,
На волю отпущен был Кот.

Балтийских небес синева,
Висят российские флаги,
В Крестах осталась братва,
До встречи на воле, бродяги.

В закате прекрасна Пальмира,
Я спустился на твердую сушу,
Я бы отдал полмира
За Питера светлую душу.

ПОЕЗДКА

Подъехал к шлюзам автозак,
Железом крытая попутка,
Имена кричит дубак,
Глокает зэка будка.

Автозак увозит нас,
Он же – черный ворон,
Он в тридцатых, как сейчас,
Был забит и полон.

Нацарапано иглой:
«Ушли гурьбою в осужденку.
Судья Кашеев очень злой,
Не любит нож и фомку».

Лагерь – тоже материк,
Дуют сильные ветра,
Колян ушел на пятерик,
Илюха схавал три петра.

По кочкам скачет воронок,
Сидим, дураков ругая,
Хороших лучше бы дорог,
Была бы жизнь другая.

Быстро едет воронок,
Здесь весла не суши,
Сигаретный тянется дымок,
Слышен запах анаши.

Закрепить готов судья
В круговые пальцы,
Жжет холодная скамья,
Отморозить можно яйца.

Автозак резко тормозит,
Приехал точно в срок,
В суд доставил паразит,
Наболтают точно срок.

НАНО-ОХРАНА

Стучит по отмойке капель,
Объяснять не надо причину,
В подъезде работает дрель,
Высверлить надо личину.

Подъезд еще раз проверь,
Подал команду старший,
Тихо скрипнула дверь,
Пропустила домушников дальше.

Оказалась верной наводка,
Заранее расписаны роли,
Недопита элитная водка,
Кем-то забытый Ролекс.

К закату клонится день,
Капитально зачистили кров,
Удачно закинули бредень,
Богатый вышел улов.

Сваливать надо быстро,
Старший почувствовал кожей,
Раздался предательский выстрел,
Подельник свалился в прихожей.

На вход нацелен ствол,
Сработала система отлично,
Исправила она прокол,
Задержан вор с поличным.

Домушник на смерть не повержен,
Ему желают лучших снов,
Он бездействию подвержен
На несколько часов.

Раздался вой сирены,
На помощь срочный зов,
Здесь охраняют даже стены,
Можно упразднить засов.

Домушник в депрессии и шоке,
Валит с ног момент,
На службе технологии высоки:
Охраняет нано-элемент.

ДОРОГА

Горький холодный чифир,
Стольпинский тесный вагон,
Зеленый у входа мундир,
Длинный сквозной перегон.

Дробно стучат колеса:
Колыма, Колыма, Колыма,
Дымится одна папироса,
В прошлом осталась тюрьма.

Метет по рельсам поземка,
За окном гуляет пурга,
Звучит гитара негромко,
Далекие ждут берега.

Чифира крутого глоток,
По кругу идет папироса,
Поезд летит на восток,
Дробно стучат колеса.

Стучат серебристые струны,
Сходят со стекол узоры,
Тяжелые выпали руны,
Мелькают снежные горы.

Дорога, дорога, дорога –
Стучат по заказу колеса,
Помолчим на прощание немного,
Сгорела дотла папироса.

Раскинут по разным зонам,
Близким о том невдомек,
Конвой идет по вагонам,
Сухой разносит паек.

Не пой, гитара, разлуку,
Адресок мы всегда найдем,
Мы по первому стуку
На помощь друг другу придем.

ТОРМОЗИТ, КАК ПРЕЖДЕ, УЧАСТКОВЫЙ...

Тормозит, как прежде, участковый,
От рук отбился гражданин,
Подгоняю паспорт новый,
Из широких выдернул штанин.

Я сегодня очень занят,
Конечно, стражу невдомек,
Провести придется саммит,
Новогодний огонек.

Братву привечу у дверей:
Коля – питерский босяк,
Кацеев – тираспольский еврей
Приедут скоро на сходняк.

Вместе встретим год собаки,
Косячок запустим в круг,
Будут пиво, водка, раки.
Собака – самый смелый друг.

Потечет беседа плавно,
Тихо, радушно в квартире,
Базар пойдет о главном:
О закрытом тесном мире.

Вечен мир закрытый,
Счастливый и пустой билет,
Кому участок крытый,
Кому светлый кабинет.

Никогда не будет понят,
Если ты его не касался,
Братвою не был поднят,
В жизни всего опасался.

Не знал баланды вкус,
Не ходил в сознании на нож,
Ты, похоже, братишка, трус
И для братвы ты не гож.

Боялся тени темницы,
Не терял ни минуты свободы,
Дни, как блестящие спицы,
Сливаются в месяцы, годы.

Братва будоражит Европу.
Держим мазу нашу,
Зачем же бедному Эзопу
На гибель подложили чашу.

Законы борются со следствием,
Когда кого-то замочили,
Мы все находимся под следствием,
Все мы в мыслях преступили.

Ксиву крутит служивый,
Все силится понять:
Похоже, паспорт лживый,
Похоже, коцана печать.

Глянул в лупу участковый,
Фразу нужную изрек:
«Сегодня ты фартовый».
Взял майор под козырек.

ЗОНОВСКАЯ БЫЛЬ

Послушай зоновскую быль,
Братишка, в корень зри,
Мне больше лагерная пыль
Не шекочет ноздри.

Поднялся в полный рост,
Не клони колена,
Будет пидор и прохвост,
Обойди ненужные ступени.

Держи ровнее коромысло,
Хватает в зоне зла,
В кумовстве нету смысла,
Отшей вовремя козла.

Хозяин вечно зол,
Нервозен изначально,
Гонит тихо произвол
Гражданин начальник.

Расставил всюду уши,
Подкинул зэку мяса,
Идет борьба за уши,
Устроил вечер пляса.

Не нужен думающий зэк,
Ему философов не надо,
Зачем штурмовать Казбек?
Системе нужно стадо.

Ждет кого-то пашня,
Кого – казенный дом,
Тяжело жить дальше
С разорванным нутром.

РУССКИЙ БРЕНД

На стенде висит фотография,
В Европе в законе права,
Где прячется русская мафия,
Застала их наша братва.

Молчит сицилийская мафия,
Я куда ниже травы,
У русских своя география,
Спасения нет от братвы.

Итало-французский экспресс,
Проходы длинные, узкие,
Проезжали прибрежный лес,
Проводника скинули русские.

Попросили сварить чифир,
Не знаком с напитком француз,
Совсем оборзел пассажир,
Посчитали, что лишний груз.

Немец любил Куршавель,
Где встречались наши мальчики,
Подрезали у бургера шмель,
Проверяли на чуткость пальчики.

Бриллианты в ЮАР залысили,
Де Бирса о том не спросили,
«Местные негры скрысили», –
Сказала братва из России.

В бочину уперли приبلуду,
Янки со страха дал дуба,
Золотую взяли посуду,
Деньги и карты для клуба.

Повели себя крайне грубо,
От стыда покраснела трава,
На прощание кричали «Любо!» –
Под казаков косила братва.

С дружеским были визитом.
Явилась братва в Эмираты,
Принц оказался избитым,
Твердил: «Грабанули, пираты».

Разинули рты арабы.
Преподнесли банкирам урок –
Братан нарядился бабой,
Сто лимонов с собой приволок.

Подстрелили как-то узкоглазых,
Ну, и где была Триада?
Отстегнули бабки сразу,
Просили: «Грубо так не надо».

За кордоном в законе права,
Иноземный в курсе мент:
Русская всюду братва
Самый сильный бренд.

ЖЕРТВА

Рвется на волю девчонка,
Решеткой зашторена рама,
Ждет родная сторонка,
Ждет любимая мама.

Девчонка пишет стихи,
Медленно тянется срок,
Первой Любви штрихи,
Домой провожал паренек.

Сверкал чистотою исток,
Ничто не сулило беды,
Свалился с перил паренек,
Цвели, как прежде, сады.

Вал нарастал бумажный,
Убийства подняли тему,
Нашелся свидетель продажный,
Съела девчонку система.

Покончить хотела с собой,
Трудно неправду полоть,
Трудно бороться с толпой,
Дал ей силы Господь.

Боль и колкость в словах,
Уехала мама домой,
Прошло свидание в слезах,
Холодом тянет, зимой.

Опостылел пошивочный цех,
План пресловутый не помер,
Забыты улыбки, смех,
Помнят лагерный номер.

Тускнеют весенние краски,
Стальные звенят решетки,
На лицах суровые маски,
Крутит девочка четки.

На волю вернется другой,
Горькая в зоне конфетка,
Выгнулась жизнь дугой,
На душе осталась отметка.

БАЛТИЙСКИЙ БЕРЕГ

Чайки парят над заливом,
Балтийские рыжие дюны,
Братва затарилась пивом,
Звучат серебряные струны.

Про берег далекий и близкий,
Одинокий белеет парус,
Голос высокий и низкий
Про верхний и нижний ярус.

Про суровый и тесный Столыпин,
Арестанта призрачно счастье,
Про сосны, ели и липы, –
Собираемся вместе не часто.

Чайки парят над морем,
Балтийский янтарный берег,
Менялись знакомым паролем,
Ближе к проливу Беринг.

Звучат серебряные струны,
Вот парус коснулся суши,
Балтийские желтые дюны,
Память волнует души.

Звучит хорошая песня,
Слова понимаю с трудом,
Люди дома и вместе,
Навеки потерян мой дом.

Не надо множить печаль,
Гитара грустит и смеется,
Позовет безбрежная даль,
Может, место где-то найдется.

Тревога лежит на душе,
Не злорадствую и не злюсь,
Знаю, будет не лучше,
А зоны я не боюсь.

ПРИКАЗ

Ментовской звучал романс,
Грустно пел начальник,
Расстроен следствия баланс,
Что ни сержант, то чайник.

План трещит по швам,
У начальства нет терпения,
Я обращаюсь лично к вам:
Исправить надо положение.

Под козырек берет состав,
Приказ знаком, не нов,
Он знает внутренний устав,
Он к подвигу готов.

Не прошло и два часа,
Работа тянет на пятерку,
Задержания масть пошла,
Забили плотно козлодерку.

Отличился рядовой Шаклеин,
Утолил дознания голод,
Задержан, кто рекламу клеил,
Засорял не в меру город.

Провел задержание с лоском,
С честью выполнил задание,
Гражданин мочился за киоском,
Вступал с сержантом в пререкания.

Отпустил товарищ мат,
Все прохожие в слезах,
Рядом школа и детсад,
Нельзя спускать на тормозах.

Младший лейтенант босяк
Покупал в киоске «Приму»,
Гражданин курил косяк,
Опер вычислил по дыму.

В конторе все в ажуре,
Не востребован был наган,
Все пристегнуты к культуре,
Все выполнили план.

ПЕРО УПЕРЛИ В БОЧИНУ...

Перо уперли в бочину,
Не смотрят прямо в глаза,
Отдайте лучше половину,
Не прошибет тогда слеза.

Смелость города берет,
Но не всегда она оправдана,
Есть грабитель идиот,
Его психика отравлена.

Загонит запросто перо,
Так просто, для согрева,
Оставит вам добро,
Сам останется без чрева.

Поединок быстротечен,
Может, главный на веку,
Убедишься, что не вечен
С пробоиной в боку.

Вор достал приبلуду,
Не испытывай судьбу,
Падлой буду, не забуду
Подельника в гробу.

Грабитель был рассержен,
Что не посеял страх,
Если резко не повержен,
Будет короток замок.

С ножом он повелитель,
Не откроет поведение,
Он судья и исполнитель,
Не испытывай терпение.

ДУРДОМ

«Моторы, моторы, моторы-ры», —
Кричит привезенный больной,
Поливает огурцы и помидоры
Ходит с лейкою другой.

В виду отсутствия дверей
Входит новый пассажир,
Он ищет маленьких зверей,
В котомке слива и инжир.

На окнах шторы не висят,
Голы стены и решетки,
Под койкой ищут поросят,
На пальцах крутят четки.

Чукча есть один, однако,
На гору молится грузин,
В коридоре крики, драка,
Лечит всех аминазин.

К стене жметя гражданин,
Явно новая рука,
Среди психов он один,
Косит он под дурака.

Чтоб не сломаться на ходу,
Напевает громко Мурку,
Жует сухую лебеду,
Чтоб облапошить дурку.

В коридоре от стены и до стены
Ходят психи вереницей,
Мелькают мокрые штаны,
Мираж подгонят вицей.

Залег по-тихому на дно,
В зубах таскает тапки,
Закроют дело на одно,
Если связи есть и бабки.

Обходят стороной перемены,
У дурдома прежняя маска,
Пропитаны дурью стены,
Облетает даже краска.

ТИТАНИК

Ледяные скользкие кручи,
Прощальный на память гудок,
Над лайнером черные тучи,
Висит над «Титаником» рок.

Тонет сияющий город,
Морской незадачливый странник,
Лед большой пропорол,
Тонет блестящий «Титаник».

Вода холодная очень,
Плавает мокрый гербарий,
Черное облако ночи
Накрыло сидящих в баре.

Последние шлюпки уходят,
Прощение всем унесенным,
Солнце над морем всходит,
Рай живущим, спасенным.

Над лесами, морями, странами
Погибающий лайнер плывет,
Воздушными милями странными,
Он имеет айсберга лед.

Плывет в облаках «Титаник»,
Как торт на огромном блюде,
Как белый сахарный пряник.
Стоят на палубе люди.

Устали от ветра и зноя,
Каждый ищет свой дом,
Сто лет он не знает покоя,
Плывет над землей фантом.

«Титаник»! «Титаник»! «Титаник»!
За трубами вьется дымок,
Вечный скиталец и странник,
На воду спущен венлок.

НОС

Сняли маски доктора,
Не прикоснулись даже к телу,
Пришли в больницу опера
Из убойного отдела.

По стране он долго колесил,
Оставил трупов гору,
Под измену фраер закосил,
Лепила даст любому фору.

Новый нос пришил вчера,
Врач не мучился вопросом,
Крутят фото опера:
Что же делать с носом?

Будет долгий геморрой,
За нос зацепится защита,
Мол, подсудимый здесь другой,
Докажи, что морда шита.

Молчит пластический лепила,
Потерял большой доход,
Он кудесник, он светило,
Но надо дать обратный ход.

Проблемы прочат опера,
Сработал каверзный донос,
Спокойно было все вчера,
Достал лепила нос.

Закрыт пластический вопрос,
Лепила даст зарок,
Он шьет искомый нос,
Он шьет убийце срок.

КОЧЕГАР

Вышки, вышки, лай собак,
Птицы тянутся на юг,
После карцера ослаб,
Лопата валится из рук.

Кидаю уголь в топку,
Порхают ласточки огня,
Солнце спряталось за сопку,
Только свет от фонаря.

Зашел подельник чифирнуть,
Погреться хочется порой,
Скоро длинный путь,
Приятный путь домой.

Над пойкой тянется дымок,
Один чифир – отрада,
Уходит срок в песок,
Немного зэку надо.

Глотаем горький чай,
Топка светит в сто свечей,
Все, братишка, замечай,
В жизни нету мелочей.

Разговор ведем за чаем,
Порхают ласточки огня,
Время мы не замечаем,
Нам бы лучше меньше дня.

Тусклый свет от фонаря,
Искры пляшут в топке,
Нету дыма без огня,
Солнце всходит из-за сопки.

Увезет подельник письмецо,
Добавит пару слов,
Мол, не потерял свое лицо,
Хоть и климат там суров.

КАДРЫ

Прав был усатый,
Кадры решают все,
Приближенных собрал Горбатый:
Чику, Цибана, Копье.

Виды имела братва,
Улов уходил богатый,
Отдавали на рынок права,
В оконцовке узник Горбатый.

Набросан недельный план,
Чтобы не было крика,
Разведку ведет Цыган,
С хозяином работает Чика.

Вор – большой дипломат,
Не вчера Горбатый воскрес,
В прошлом тротил, автомат,
На смену пришел интерес.

Знатный мэр Мопассан,
К тому же не упустит свое,
Гибкий женский стан
Подгонит мэру Копье.

Закрутилась в день карусель,
Вода не ушла в песок,
Не прошло двух недель,
Сдался жирный кусок.

Нежны и очень хрупки –
Прочувствовал Горбатый,
Полезны кадры в юбке, –
Был прав усатый.

Кадры решают все,
Знает об этом братва,
Защитить и умножить свое,
Свои отстоять права.

ВЫШКА

По статье гуляет вышка,
Пули не уходят в молоко,
Лежит начатая книжка,
Мысли блуждают далеко.

В пустой огромной бочке
Эхом отзовется слово,
Чтобы не дойти до точки,
Проживаю годы снова.

Далеко пока до страха,
Нет решения суда,
Есть ощущение краха,
Разрешенная кругом среда.

Судьба выгнулась дугой,
Меньше стало света,
Почему случилось с тобой –
Нет четкого ответа.

Дни и ночи начеку,
От общака до шконки,
Главное – не выдернуть чеку,
Не дадут покоя гонки.

Тюрьма замкнута в кольцо,
Не вырваться из круга,
Главное – не потерять лицо,
По нервам бьет напруга.

Вышку лепят мигом,
Заглушают резонанс,
Следаки помешаны блицкригом,
Отличиться выпал шанс.

В сейф спрячут дубликаты,
Уравняют коромысло,
Кислят, гонят адвокаты,
В защите нету смысла.

ТАНДЕМ

Прокурор в суде – король,
На двоих мантия пошита,
Адвокат в процессе – ноль,
Заранее проиграна защита.

Изначально обвинительный уклон,
С демагогией смешали тактику,
От жизни отстают закон,
Судебную не вводят практику.

Отсутствие практики – двуличие,
Скрытый судебный пережат,
Наболтают срок до неприличия,
Беспомощен и бесполезен адвокат.

Прокурор – судья – тандем,
Коварство скроет ложь,
Срок обеспечен всем,
На волю чистым не уйдешь.

Невиновным – срок отсиженный,
Здесь практика живуча,
Выходишь оплеванной, униженный,
Рад, что миновала туча.

Помогает обвинению судья
От рассвета до заката,
У Фемиды выгода своя,
Прокурор полезней адвоката.

Можно писать касачки,
Простая арифметика,
Получишь отписок пачки,
Сильна корпоративная этика.

Скованы единой цепью,
Не нарушат данный договор,
Идут сожженной степью
Судья и прокурор.

ИСТОРИЯ

Облака задевают вершины,
Улетают за Северный вал,
Здесь многие судьбы вершили,
Свидетель – полярный Урал.

Вековые сосны и ели,
Прекрасные сваи и лаги,
Полгода свистят метели,
Обдувают заброшенный лагерь.

Валяются ржавые рельсы,
Сгнили со временем шпалы,
Уходили с деревом рейсы,
Начисляли учетчики баллы.

Покосились вышки, бараки,
Чернеет открытый чердак,
Где зимовали раки
Покажет советский ГУЛАГ.

Не надо вести раскопки,
Покосился могильный крест,
Были попытки робки
Сбежать из проклятых мест.

Велик и бескраен Союз,
Бездонен зловещий яд,
Как отработанный груз,
Везли бедолаг назад.

От ужаса ахнут потомки,
Немеряно сил в человеке,
Были не только подонки
В двадцатом козьем веке.

Истории вскроют скрижали,
Прочтут в архивной бумаге,
Как сидели, мерли, бежали,
Как жили в советском ГУЛАГе.

ЧИСТЯТ ПЕРЫШКИ ПОДЕЛЬНИКИ...

Чистят перышки подельники,
Нагоняют жуть терпилы,
В СИЗО – сплошные понедельники,
Белкой крутятся лепилы.

Летает серый голубок
С веточки на веточку,
Он же черный воронок,
Все окошки в клеточку.

Остановится за шлюзами,
К услугам наркота,
Снабжает музами
Конвойна гопота.

Тут пришла оказия:
У следствия апатия,
Терпилы все в отказе,
К нам у них симпатии.

Молчать во всяком разе,
Не каяться в вине,
Мы были в унитазе,
А стали на коне.

Фильтры все промыли
Ушлые подельники,
Под запретом все промилле,
Сухие понедельники.

Все ложится в елочку,
Все идет пучком,
Сейчас бы лучше телочку
Да полежать ничком.

Дубак кричит: «С вещами!»
Доказательств больше нет,
Не вытащить клещами
Признательный ответ.

СЛОН

У троек – подсудная скамья,
Споткнулись они на законе,
Следак, прокурор, судья
В одном пребывают флаконе.

Трудились прилежно ОСО,
Выдавая расстрельные списки,
Пролетарское колесо
Экономит тюремные миски.

Росчерк злого пера –
Расстрельный готов отряд,
Секирная встретит гора
Прощальный потухший взгляд.

Содрогнется от залпа СЛОН,
Отзывается эхом обман,
Усыпан трупами склон –
Месячный выполнен план.

Враги народа живучи,
Пришлось добивать штыками,
Чернеют свежие кучи,
По закону прошлись ногами.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Работа, школьная парта,
Жизни умный урок,
Праздник восьмого марта,
С днем рождения, сынок.

Сбудутся все мечты,
Неудачи им не помеха,
Женщинам дарят цветы,
Мужчинам желают успеха.

Удача придет, сынок,
Не надо на картах гадать.
Не забудь отчий порог
И вечно ждущую мать.

Не забудь родную сестру,
Не изменит характер венец,
Маленький шел поутру,
Вел тебя в садик отец.

Козырная карта, Миша,
Выпадает в жизни не часто,
Семья – надежная крыша,
Хочу пожелать тебе счастья.

Природу имей бойца, –
Жизнь сурова и колка,
Привет тебе от отца,
В душе – одинокого волка.

КНИГА 3. СВЕТ И ТЕНЬ

посвящается дочери, Гусаровой Ольге

СЕРИАЛ

В кино хороший мент,
И следак там просто душка,
Счастлив полностью клиент,
Шепчут радости на ушко.

Там очень честный опер –
С утра геройством грезит,
Дверь чужую отпер,
Под пули смело лезет.

Очень чистое кино,
Судью свободно выбирай,
В ментовке не был я давно,
Там сегодня – просто рай.

Прокурор там добрый дядя,
И судья – родная мать,
Обвиняет он не глядя,
Как бы хочет приподнять.

Родные у судьи глаза,
Она защитник, а не мститель,
По щекам бежит слеза,
От умиленья плачет зритель.

Новый русский сериал,
Кругом разбиты фонари,
Зрителей давно достал,
Сказка, что ни говори.

Бережет меня милиция,
У них теперь подряд,
Не должен злиться я,
Еще не выехал наряд.

Вот приехали менты,
Злы, суровы, колки,
Сразу обращаются на ты,
Просят показать наколки.

Я, вроде как, терпила,
Мне съездили в пятак,
Говорит мне опер мило:
«Значит, сам дурак».

Бережет меня милиция
По дням, минутам и часам,
Не должен злиться я,
А решать проблемы сам.

Новый русский сериал,
Можно серии отмерить,
Зрителей давно достал –
Заставляют в сказки верить.

ИГРЕК

Машина набита взрывчаткой,
Маршрут короткий, простой,
Пас отдавал он пяткой,
Голы забивал головой.

Форвард пошел в криминал,
Служит игрок Сатане,
Классно мячик гонял,
Умер футбол в стране.

Но тут подвернулся случай –
Всего-то один перегон,
Случай, конечно, сучий,
Но деньги легли на кон.

Впереди стоял постовой,
Другие шмонали машины,
Он голы забивал головой,
Футбольные брал вершины.

Екнуло сердце в груди,
На скорой промчался враг,
Стайка детей впереди
Гоняла футбольный мяч.

Налево решил игрок,
Ангел наклеил марку,
Машин пропустил поток,
Свернул в ближайшую арку.

Упал головою на руль,
Страх обуял и конфуз,
Страшнее гранат и пуль
Упакован в машине груз.

Увидел бездну с вершины,
Себя представил с трудом,
Эту взрывчатку и мины,
Жертвы и взорванный дом.

«Что ты творишь, подонок?» –
Дробью стучало в висок,
За деньги проданся теленок,
В рот не полезет кусок.

Номер набрал простой
(Пас отдавал он пяткой).
«Милиция, на Первой Степной
Машина набита взрывчаткой».

Стало легко на душе,
Не тягость пустые карманы,
Он спаситель, не грешник уже,
Лечит душевные раны.

Он жизни листал страницы,
Множил душевные силы,
Пели весело птицы,
И солнце ярко светило.

МАТЕРЫЙ

Рвался матерый по следу,
Конвойный боялся упасть,
Изначально собачье кредо:
Погоня и острая пасть.

Вспоминал щенячье детство,
В упорстве нет недостатка,
Достались ему в наследство
Хитрость и мертвая хватка.

Силен и могуч матерый,
Белый на шее бант,
На расправу безжалостно скорый,
Обречен перед ним арестант.

Пасть оскалил матерый,
Белый на шее бант,
«Фас!», – кричал красноперый,
К защите готов арестант.

Дорога уходит вниз,
Беглеца догонят скоро,
Конвойный получит приз,
Заточка блеснула у вора.

Зэка настиг матерый,
Жертва упала на кочку,
Беглец на расправу скор,
Вонзил в собаку заточку.

Устало плелся конвойный,
Бег доконал его скорый,
Был он свидетель невольный –
Бился в экстазе матерый.

Полз навстречу матерый
С виновато туманным взглядом,
Упустил впервые он вора, –
Заточка обмазана ядом.

Зэк уходил откосом,
Беглеца уже не достать,
Не мучился парень вопросом,
Матерого надо спасать.

Конвойный матерого нес,
Наверно, испытывал муки –
Скулил раненый пес,
Лизал спасителю руки.

Долго лежал он хворый,
Учился ходить потом,
Из кризиса вышел матерый,
Опять завилял хвостом.

В питомник отправили пса –
Улучшать собачью породу,
Молодые звучат голоса,
Нет щенкам и полгода.

Молодняк подрастает борзой,
Обучает питомцев сержант,
Взгляд свирепый, косой,
Белый на шее бант.

ПЕТР КРОПОТКИН

Улица главного анархиста,
Забыты бунтаря заветы,
Прошу тормознуть таксиста,
Оставили память Советы.

Обыватели в шоке – непостижимо,
Арестован был среди прочих,
Надежда и гордость режима,
Агитацию вел среди рабочих,

Красавец, любимец царя,
Богач – земли немерено га,
Подался в бунтарство зря,
В тюрьме началась цинга.

Князь попал в лазарет,
Братва замутила побег,
В Париже объявился след,
В предвкушении новых побед.

Путешественник, редкий ученый,
Сродни Миклухо-Маклаю,
С наукой большой обрученный,
Пошел по зыбкому краю.

В утопию князь полез,
Утописты висят на прищепке,
Революция рубит лес,
Летят известные щепки.

В экспедиции был на Амуре,
Старообрядцы живут, тунгусы,
Государства нет в натуре,
Жизнь – разноцветные бусы.

Сорок лет на чужбине,
Побывал во французской тюрьме,
Сидел на сжатой пружине,
Учение множил в тюрьме.

Анархия – мать порядка,
Безвластие – хрупкий сосуд,
Кража, убийство, взятка,
Ничего не решит самосуд.

Накосорезил немало князь,
Оставался бы лучше ученым,
Законы втоптаны в грязь,
Претит беспредел заключенным.

Заинтересовало его мнение
Аферистов всех мастей,
Наплодил своим учением
Немало темных личностей.

Спокойно, учитель, спи,
Гражданская смотрит в окно,
Носится бунтарь по степи,
Очередной анархист Махно.

Сбудется мечта, учитель,
Как твоя теория льда,
Войдут земляне в обитель
Равенства, братства, труда!

ВЕРЕВКА И КОРОВА

У прокурора подготовлена статья,
Склоняет нагло к воровству,
Скептически настроена судья,
Просит рассказать по существу.

«Иду, смотрю – лежит веревка.
Взял, подпоясался от сглаза.
Впору подошла обновка,
Молчит за обочиной, зараза».

Кивала вставил слово,
Ушел в глубину морали:
«За вами шла корова,
Вы ее фактически украли».

Тут второй кивала влез:
«Прошу начать сначала.
Вы проходили через лес,
И что – корова не мычала?»

«Была очень длинная веревка,
Корова траву щипала на ходу,
Молча шла плутовка,
Я не знал, что ее веду.

Оглянулся – подъехали на мотоцикле,
Начали ругаться и орать,
В неприметном оказался цикле
Секунд, наверное, на пять.

Тут подошли бандиты,
Палки несут наизготовку,
Пьяны, злы, небриты, –
Вмиг доставили в ментовку».

Прокурор: «Это все отмазки.
Обвиняемый украл корову».
Адвокат разводит краски:
«Не то взято за основу.

Он взял ничейную веревку,
Подпоясался от сглаза,
Не унес ее в бытовку,
А скинул за ненадобностью сразу».

Продолжает защиту адвокат:
«Логически не вяжется былина,
Веревка – метров шестьдесят,
Как узнать, что там скотина».

Плотно грузит прокурор,
Законов выдал своды,
Читать просит приговор,
Назначить лишение свободы.

В оконцовке адвокат цинкует:
«Тащат олигархи и бесовки,
Все по-черному воруют,
И не только бесхозные веревки».

Был полезен очень моцион,
Принесла корова двойню,
Калорийный оказался рацион,
Буренку отправили на бойню.

Терпилы не явились в суд,
За подсудимого болеют,
Телят на радостях пасут,
Никаких претензий не имеют.

Подсудимый откинулся недавно,
Убит тяжбою наповал,
Переживает сильно, а главное –
Клянется: ничего не крал.

Судья подбила резюме:
Отсутствуют веревка и корова,
Обвиняемый чалится в тюрьме,
Суд выносит слово:

Подсудимый подпоясался от сглаза,
Вел корову ненароком,
Молчала за обочиной, зараза.
Ограничиться условным сроком.

КЛОНЫ

Братва гуляет на воле,
Виртуальными стали зоны,
Погоняло – овечки Долли,
В лагере чалятся клоны.

От злости судья поседел,
Власть забрали, в натуре,
Чтоб больше никогда не сидел
Теркин Василий в БУРе.

Программа в зернышке риса,
Не пишут больше диктант,
Розовые бегают крысы
И белый мышонок-мутант.

Виртуально лепит следак
За повторную кражу, грабеж,
Выдает компьютер пятак,
Вместо клона пойдешь.

Не выпита клоном чарка,
Довольная ходит свита,
Неделю не ест овчарка,
Посмотрит на зэка – и сыта.

Довольны хозяин и кум,
Нет амбиций у клонов,
Живут кА в песках Кара-Кум,
Не услышишь ни смеха, ни стонов.

Клон ко всему готов,
Косяк загнали в хромосомы,
Превратили зэков в роботов,
Свелись к нулю запросы.

БРИГАДИР ЛОСЬ

Лось три года быковал,
Мелкие платили сошки,
Бывало, в стирыванковал,
Сушицы доставались крошки.

Чалиться на зоне довелось,
Бугор погиб на стрелке,
Стал бригадиром Лось,
В своей завис тарелке.

Шли разборки чередой,
Спасало русское авось,
Поцелован был бедой,
Сухим остался Лось.

Была летучею бригада,
Крышевали офисы и рынки,
Кончалась сентиментальная баллада,
Волынами заменили финки.

Жуткое событие стряслось –
Платить отказались торгаши,
Бригаду поднял Лось,
На какие шикавать шиши.

Лось не стал громить палатки,
Сор выносить на улицу,
Зачем класть на лопатки
Золотую курицу.

Лось прокинул дезу,
Приоткрыл немую полость,
Как кувалдой по железу
Разлетелась новость.

Уходит бригада с рынка, –
Доносились всюду отголоски, –
Другая появится дубина:
Заводские приходят отморозки.

Коммерсанты испытали шок,
Срочно собраться пришлось,
Собрали денег мешок,
Лишь бы остался Лось.

Все шло пучком,
Удивлялись все – срослось,
В грязь не клали ничком,
Стриг дивиденды Лось.

Не дергал Лось без причины,
Компромисса и лада любитель,
К бригаде прибился Овчина,
Знаменитый одиночка-грабитель.

Он видел криминал насквозь,
Не палила зря бригада,
Конкретно работал Лось,
Признание – высшая награда.

ЧЕ ГЕВАРА

С маек, плакатов и флагов
Смотрит на нас Че Гевара,
Затмил он политиков, магов,
Он – символ большого пожара.

Кубинское жаркое лето,
Друга рука на плече,
Боливии песенка спета –
Решили Кастро и Че.

Саргассовым морем плыть,
По джунглям суровый поход,
Революции в Боливии быть,
Соленый солдатский пот.

По жизни бунтарь Че Гевара
Рисковал не раз головой,
Не жаждал он славы навара,
За идею бился герой.

Боливийцы еще не готовы
Знамя борьбы поднять,
Не тянут к земле оковы,
Надо землю родную пахать.

Операции дали ход,
Операция «Синти» – тлен,
Удачно закончен поход,
Че Гевара захвачен в плен.

Янки приложили руку,
Суровый, темный подвал,
Суды упразднили науку,
Это чистой воды криминал.

Революция села на мель,
Убийство сработано грубо.
Прощай, товарищ Фидель!
Прощай, Аргентина и Куба!

Эрнесто Че Гевара,
Черный кубинский берет,
Искры большого пожара,
Капитану тревожный привет.

АКТРИСА

Питерский легкий туман,
Мокрый скользкий перрон,
На экран выходит роман,
Садится актриса в вагон.

В столицу мчится стрела,
Ролью живет актриса,
Позвали в дорогу дела,
Едет на съемки Алиса.

Питер-Москва.
Сценарий читает Алиса,
Звездного неба канва,
Нету ему компромисса.

Питер-Москва.
Столица всегда хороша,
Столица всегда права,
Питер – России душа.

У пляжа песчаного мыса
Парус белеет вдали,
Пишет картину Алиса,
Плывут по волнам корабли.

В образ входит актриса:
Страдание, тревога, боль –
Сегодня сыграет Алиса
Главную в жизни роль.

Команда звучит «Мотор!»
Актер кивает в ответ,
Надо пройти до сих пор,
В душах оставить след.

Справилась с ролью Алиса,
С улыбкой сыграла в ненастье,
Алиса – от Бога актриса.
Удачи тебе и счастья!

ЧЕРЕП БЕСОВКУ ЛАСКАЛ

Череп бесовку ласкал,
Было ей не до игр,
Она видела зверя оскал,
Был страшно рассержен тигр.

Амура недолги дела,
Закончился сладостный стон,
Увидела она купола,
Колокольный услышала звон.

Череп прилег на перину,
Навалился на стену спиной,
Он тоже увидел картину –
Бикса была расписной.

Русалка сидит на якоре,
В ментовские попала сети,
В лагерной закружилась поре,
Срок немалый светит.

Не в масть ей была пахота,
Распятие – символ страдания,
Украсила бабочка низ живота,
Вечность дана в назидание.

Оттянулись по полной гурьбой,
Дали под зад пинка,
Змея и перо – разбой,
Циферблат – от звонка до звонка.

Лебедь плывет в короне, –
Была невинной птичкой,
Не повстречали пока на перроне
Кассира с большой наличкой.

ХИМИЯ

Веселые не пишутся строки,
Сквозняк с разных сторон,
В конторе все однобоки,
Не держат там белых ворон.

Единством сильна контора,
Скопом решает задачи,
Лояльного нет прокурора,
Не желают добра и удачи.

Контора съела собаку,
Богатый накоплен опыт,
Никто не полезет в драку,
Недовольный приглушат ропот.

В ход идет разморозка,
Нервы не держат удар,
Становятся мягче воска,
Плохо фильтруют базар.

Бросят в чай витамины,
Представляешь если угрозу,
Поведаешь больше половины –
На глазок прикинут дозу.

Полиграф – просто игрушка,
Может успех улыбнуться,
Снимут полезную стружку,
От химии можешь загнуться.

Сотню найдет отмазок
Профессура секретных идей,
В ворохе страшных сказок
Не один найдется Кашей.

ПЕПЕЛИЩЕ

Дым и гарь на пепелище,
Смысла нет орать и злиться,
Хозяин выдал тыщу –
Хватит с корешом напиться.

Сожгли пустую витрину,
Красный промчался конь,
Показали пожару спину,
Приложили к сердцу ладонь.

Не горят жуткие пороки,
Не тлеют жесткие нравы,
Примолкли прямые пророки,
Косвенные больше правы.

Пепел в душах сожженных,
В страхе перекошен рот,
Все больше в стране обнаженных,
Все больше бродяг и сирот.

Дым висит коромыслом,
Водка налита в стаканы,
Кот вещает со смыслом,
Кот расставил капканы.

Родится новая гарь,
Прихватит случайно лишнего,
Не боятся сегодня, как встарь,
Суда большого, Всевышнего.

Гарью покрыты души,
Делают все, не любя,
Боятся моря и суши...
Бояться надо себя.

СВЕТ И ТЕНЬ

Последний день Помпеи,
Света и тени игра,
Не видно конца эпопеи,
Слежку ведут опера.

Парни, вроде, простые –
Бег, спортзал, кимоно,
Обещания дают пустые, –
Совсем не так, как в кино.

Работой берут опера,
Ловят стремительный миг,
Света и тени игра
Заводит порой в тупик.

Вещдоки увидят свет,
Алиби скроет тень,
Спрятан в шкафу скелет,
Удачный выдался день.

Загасят любую интригу,
Засветят простую бумагу,
Не прочтешь открытую книгу
Про подлог и отвагу.

Охотник всегда на виду,
Прячется в лес добыча,
Оказался один на беду,
Нарушил подполья обычай.

Света и тени игра,
Тюрьмы и свободы приют,
Жизни и смерти пора,
Панихида и вечный салют.

Последний день Помпеи,
Копают вглубь опера,
Отказаться нельзя от затеи,
Слишком большая игра.

СМЕЛАЯ ДАМА

Депутат заехал на хату,
Судья – народный герой,
Срок наболтал депутату, –
Начальников садят порой.

На ушах стоит отделение:
Важная очень персона.
У Фемиды иссякло терпение,
Сработала буква закона.

Ходит судья с пистолетом, –
С угрозами был звонок,
Зимою, осенью, летом
Взведен у дамы курок.

Опасна честная мантия,
Мафия всюду бессмертна,
Ничтожна защиты гарантия,
Разве что вспомнят посмертно.

Мочат всех несогласных
В погонах и без погон,
Все меньше становится гласных,
Столыпинский оплачен вагон.

По счетам раскинут остаток,
Крутой заложен вираж,
У воротничков большой недостаток –
Слишком велик мандраж.

Не повелась судья на шантаж,
Честь сохранила Фемида,
Среди разбоев и краж –
Птицы особого вида.

Не прогнулась смелая дама,
Кодекс не дрогнул в руке,
Вверх пошла диаграмма –
Выходят суды из пике.

ИСТЕРИКА-2007

Болельщик запомнит надолго
Победы наши, поражения,
Пропитана потом футболка,
Зритель считает мгновения.

Россия, вперед!
К воротам ведет дорожка,
Болельщик победы ждет,
Андорра – мелкая сошка.

Не дрогнули братья славяне,
На победу играют хорваты,
Не ходят пешком по поляне,
Англичане сегодня из ваты.

Россияне сделали план,
Празднует буйно фанат,
Тренер – голландский тюльпан,
Вроде, победе не рад.

Напишут: опять повезло,
Так карта легла, братва,
Скептикам всем назло
За Россию встала трава.

Не так уж сильны джентльмены,
Букмекерщик взвел курок,
Разорили за час перемены,
Англичанам дали урок.

В Англии – шок и печаль:
В споре Россия права,
Мундиаль уплывает вдаль,
На Уэмбли наша трава.

Россия, вперед!
Верят в тебя до поры,
Успеха болельщик ждет,
Красивой, достойной игры.

ОЛИГАРХ

Красивая жизнь удалась,
Легкий коньячный хмель,
На запад толпа понеслась,
На лыжи встает Куршавель.

Чистые снежные горы,
Криминала есть новизна,
Знают о ней прокуроры,
Стерпит пропажу казна.

Имя в журналах славится,
Вилла ждет богатея,
Жена – ну просто красавица,
Правда, немного рогатая.

Буратино закатит банкет,
Золотые приборы и ложки,
Оплатит обратный билет,
Журналисты сметаю крошки.

Фабулу сгладят законники,
Зря, мол, мутили воду,
Лизоблюды, поклонники
Затянут хвалебную оду.

Колют активы ежом,
Прагматичный жалит цинизм,
Поделиться бы багажом,
Но верх берет эгоизм.

В гости зовет монарх,
От безделья бедняга печалится,
Спокойно гуляй, олигарх,
За тебя на зоне чалятся.

СОКОЛЫ

Письма бросили в ящик,
Далеко сейчас кореша,
Пустота для меня не образчик,
Общенья просит душа.

Шелестят в руках страницы,
Дружбу пророчат высокую,
В зените ловчие птицы,
Охотники вечные – соколы.

Птицы летят в Эмираты,
Упакованы в тесный ящик,
Задержаны будут пираты,
Честный таможенник – образчик.

Над лесами, степями, осокою
Вольные птицы кружат,
Парят гордые соколы,
Друзья по погостам лежат.

Поднимется сокол в зенит,
Падает камнем с добычей,
Вода по откосу бежит,
Путник, исполни обычай:

Воды ключевой испей,
Возьми в дорогу с собой,
Скрасит путь соловей,
Трудно спорить с судьбой.

Как соколы были друзья,
Поднимались и падали вниз,
Винить их в этом нельзя,
Есть успех и провальный каприз.

Прочел дорогие страницы,
Братва не меняет план,
Над зоной каркали птицы,
Разогнал их сокол-сапсан.

ДЕНЬ ЗЭКА

День российского ЗэКа
Украсит любой календарь,
В течение последнего века
Арестанта морозит январь.

От снегов холодного севера
Долетают теплые строчки,
До полей бескрайнего клевера
На карте скорбные точки.

Миллионы прошли лагеря,
Остались на сердце шрамы,
Не найдешь среди них бунтаря,
Семейные пьяные драки.

Неотделима от нас неволя,
Равнодушие наше бесспорно,
Мы – колосья единого поля,
Не вызрели многие зерна.

Трагедия, боль человека, –
Из соображений сажали тактических,
В день российского ЗэКа
Вспомним всех политических.

Много невнятного было,
Мы все далеко не святые,
Ошибся однажды терпила,
Годы прошли молодые.

День российского ЗэКа,
Такой же, как ты заключенный,
Увидели в нем человека,
Вспомнили номер казенный.

День российской неволи
Будет отмечен не зря,
Свобода гуляет в поле,
Праздник придет в лагеря.

НАДЗОР

Все больше сидим по домам,
Вечер простой, рядовой,
Спасибо любимым ментам –
Наш охраняют покой.

С проверкой пришел участковый,
На столе стоит самовар,
Чаяк дымится готовый,
Очень тихо ведем базар.

Удивляется страж порядка —
Трезвые вечером, днем,
В руках гармошка-трехрядка,
Старые песни поем.

Помнишь Ванинский порт,
Крестик нательный на счастье?
Под окном милицейский «Форд»,
И «Ролекс» висит на запястье.

Дурью не пахнет дымок,
Водку бросили шкалить,
Работой занят браток,
Ночью не ходим шакалить.

Доволен безмерно майор:
Спокойно все на участке,
Отменит надзор прокурор,
Заиграют вечерние краски.

Встретит ночная Москва,
За столом посижу в казино,
Привет, ночная братва,
Не виделся с вами давно.

МИНВОДЫ

В кармане из лагеря ксива,
Ценная очень бумага,
Срок отволок красиво,
Вышел на волю бродяга.

Дождь стучит по перрону,
Капризы дождливой погоды,
Спешу к своему вагону,
Взял билет на Минводы.

Здравствуй, город Минводы!
Облака плывут красиво,
Пью лечебные воды,
Вино забросил и пиво.

В парке музыку слушаю,
Красивый город – Минводы,
Мороженое сладкое кушаю,
Век не видать свободы.

Сочные южные краски,
Ласковый теплый вечер,
Я сегодня в завязке,
Девичьи трогаю плечи.

Встретил свою надежду,
Познакомились очень быстро,
Девушку звали Надежда,
Пробежала взаимности искра.

Славный город – Минводы,
Не забуду твои черты,
Мы дети великой природы,
Надежда ее и цветы.

Спасибо, город Минводы,
Открылась бескрайняя новь,
Пролетают, как в сказке, годы,
Страшная сила – любовь.

ЕГОР

У подножия скалистых гор
Шумит небольшой городок,
Мотает братишка Егор
Судом положенный срок.

Ждет его дома жена,
Дети и старая мать,
Мечта у нее в жизни одна –
На прощание сына обнять.

Видно с соседних гор —
Длинный ползет автозак,
В строю заходит Егор
В длинный и темный барак.

Кислотою травят металлы,
Чернеют ногти и зубы,
Ездят на «Волгах» вассалы,
Вертухаи надменны и грубы.

Жесток постсоветский ГУЛАГ,
Ежовы не снял рукавицы,
В ворохе судных бумагах
Сплошь виновные лица.

Грубанул, наверно, Егор,
Пошел выбивать зарплату,
Не слушал его прокурор,
Приравняли случай к захвату.

Жду братишку домой,
Выедет Егор в Покров,
День рождения его зимой,
Родная по матери кровь.

Встречу его у протоки,
Расскажу последние новости,
Не иссякают зэков потоки,
Нет у законов совести.

КЛОП

Судьба указала перстом,
Ниша свободная есть,
За плечами – казенный дом,
Планов лихих не счесть.

Погоняло досталось – Клоп,
Свой набиваю карман,
Пожар, наводнение, потоп, –
Спокоен, как старый диван.

Присосался к серой нефтянке,
Хозяев своих стерегу,
Счет на острове в банке,
Домик на том берегу.

Есть огромная яхта,
Деньги картели суют,
Я дока в области фрахта,
Танкеры с нефтью снуют.

Черное золото недр
Имеет серую крышу,
Подельник по прозвищу Кедр
Сбыта наладил нишу.

Утекают золотые реки,
Сливаясь в большие моря,
В Штаты, Японию, в греки, –
В дальние, в общем, края.

Работает чисто картель,
Вовремя сделает сговор,
Заказов целый портфель,
Осетра готовит повар.

ОДИН ЗА ГЛУХИМИ СТЕНАМИ...

Один за глухими стенами,
В раскаянии доверься шконке,
Каждый занят своими штанами,
Свои донимают гонки.

Обдаёт пронзительным холодом
Сильно обточенный зуб.
Между наковальней и молотом
Очередной появится труп.

Духовные отцы НКВД
Оставили мерзкие тесты,
Вилами напишут на воде
Все жалобы, претензии, протесты.

Все погибшие забыты,
Стерты в лагерную пыль,
Зоны, камеры забыты,
Закон – перекрученный горбыль.

Осталась скотина глыбою,
Стережет назойливо покой,
Скользкою стала рыбою,
Лучше промолчать – какой.

Признание осталось царицею
Никем не доказанной вины,
Вылетишь пощипанной птицею
После следственной войны.

Следствие выпускает пар,
Остывает медленно от перегрева,
Честнее эковский базар,
Правдивей вести слева.

Говорим на разных языках,
Граждане не все равны,
Найдется рояль в кустах,
Что ни клавиша – признание вины.

ЗАГЛЯНЕТ РЕДКИЙ ЛУЧ...

Заглянет редкий луч
Под темные, серые своды,
Будешь терпелив – будешь везуч,
Дождешься вовремя свободы.

Арестант живет надеждами,
По далекому скучая прошлому,
Грезит белыми одеждами
В пику состоянию пошлому.

Не выносим порой позор,
Веселья маленькая толика,
Пялится в волчок дозор,
Смотрит, как удав на кролика.

В смятении слабость есть,
Играет скрипка Паганини,
Укрепляя стойкость, честь,
Чтоб не утонуть в болотной тине.

Следствием засвеченный момент
Висит Дамокловым мечом,
На зону выпишут абонемент,
Раскаяние, признание нипочем.

Тень ложится игрока
На обшак, решетки, стены,
Она пришла издалека,
Из закулисья мертвой сцены.

В тишине прогулочного двора
Воздуха хватанешь морозного,
Есть тема для тюремного историка
Со времен Ивана Грозного.

РУССКИЙ МАТ

Русскому без мата, как без рук,
Основательно теряется лицо,
Сделали огромный крюк –
Отпустили крепкое словцо.

Без мата, как без хлеба.
Весть пришла издалека,
Сжалось в овчинку небо –
Мат слетает с языка.

Мат не вреден для здоровья,
Он не пластид и динамит.
Мат, отпущенный с любовью,
Быстро личность охладит.

Мат древнее топора,
Раздвинул до небес формат,
Не знали древние пера,
Но хранили свято мат.

В старинных свитках бересты
Писались росича права,
Как очень редкие цветы
Хранились бранные слова.

Без мата не было атаки,
Он дух наращивал в бою,
Не обойтись без брани в драке,
Придержит мат в строю.

Палят в сражении пушки,
На поле брани все сословия,
Окунулся юный Пушкин
В тайну бранного злословия.

Не смог голоса собрать,
Сошел заранее с трассы,
Звучит «Япона-мать!»,
Брань уходит в массы.

Растянул меха гармошки,
Выдал скверные частушки –
В восторге хлопают в ладошки
Дети, женщины, старушки.

Оставил мат бараки,
Переехал в светлый дом,
Брань отпускают фраки,
Сидя за фамильным серебром.

Мата нет на зоне,
Но он присутствует, витает,
Он в фене и жаргоне –
Зэк по глазам читает.

Живет в словесной ткани,
Его не вытравить, не сжечь
Русский возглас брани,
Ему лучше не перечь.

АФЕРНАЯ СТОЛИЦА

Подходят к перрону составы,
Примет гостей столица,
Любители быстрой халявы,
Криминальные едут лица.

Кидают и дурят по-черному,
Рекламой пестрят издания,
Нету места ученому,
В метро продаются звания.

Больничные прочат листы,
От всех излечат болезней,
Таблетки и капли пусты,
Деньги готовь, любезный.

Поселят дюжину персон
Основатели аферы,
Повсюду клеят лохотрон,
Остановки, как пещеры.

В подвале шустрый китаец
Лейблы шьет под Армани,
В столице осел скиталец,
Бизнес ведет на обмане.

Солнце взошло едва,
Узбек кричит дотемна:
«Арабский вкусный еда –
Шаурма, шаурма, шаурма».

Нету у фирмы лица,
Посредник привозит товар,
Аферам не видно конца,
В дело пускают навар.

Невеселое крутят кино,
Обещания заведомо лживы,
Золотое ищут руно
Любители легкой наживы.

Пиво попьют опера
В компании вольных стрелков,
Остановить преступность пора,
План перехвата готов.

Ловят халявщиков пачками,
Жалеют суду жеребят,
Попугают зоной, точками,
В общем, слегка пожурят.

ПИСЬМО ПРОКУРОРУ

Прессую феню и жаргон,
Воздух выдавил из строчки,
Ушел нормальный сок,
Отбили на допросе почки.

С кровью приходится мочиться,
Крою матом сотым,
Мне больше не молчится,
Стать решил сексотом.

Разведи, гражданин законник
Всех по правильным углам,
На службе убойный треугольник:
Мордобой, шантаж, бедлам.

Признание выбивают опера,
Улики находят на звезде,
Работают грубее топора,
В отказ идут в суде.

Лепят дело, стоя,
Свободу всюду водрузили,
Во времена советского застоя
Так нагло не грузили.

Где законы, гражданин начальник?
Суют готовый протокол,
Подпишет гнутый чайник,
Сядет задницей на кол.

В СИЗО открытый пресс,
Не поможет голодовка,
Следствию не кажешь интерес,
Нагнется в карцере голтовка.

Приходит служивый по надзору,
Решил братишка попечалится,
Мол, прессуют без разбору,
Неделю, как в подвале чалится.

В полдень отворилась кормушка,
Принесли бумагу из спецчасти,
Зря стреляла пушка,
Ответ достоин власти.

Сухо, кратко и казенно.
Словесная сдохла перестрелка.
«Нарушений нет. Все законно.
Проведена проверка».

ВОЛЬНЫЙ ПАРУС

Письмо прилетело в централ,
Пишет братика подельник:
Поезд увез за Урал
В дальний таежный ельник.

Плохо в тайге без любви,
Молодая осталась жена.
Плоты плывут по Оби,
Туманов плывет пелена.

Плывет по Оби лесосплав,
Штабеля на крутом берегу.
Парнишке не важен Устав,
Покинул на время тайгу.

Нашелся хороший баркас,
Ветров подходящие розы,
Уставы ему не указ,
Песня доходчивей прозы.

Валил свою сотню стволов,
До утра оставался свободен,
Сидела братва у костров,
Был он бригаде угоден.

Парус серел на Оби,
Ветер прилип к парусине.
Парнишка пел о любви,
О доме, о маленьком сыне.

Воды бегут за бортом,
Ветер усилил старание,
Далеко родительский дом,
Не скоро случится свидание.

Ложился вечерний туман,
Он вернулся веселый, охочий,
Осилит он завтрашний план,
Настрой боевой и рабочий.

Силы давала река,
Вольный беспечный ветер,
На север плывут облака
В теплый таежный вечер.

БАРАК

«Выйдем из невежества и мрака», –
Самозабвенно пели.
Вышли из убогого барака
И сталинской шинели.

Видел многое барак
От фундамента до кровли,
От простых банальных драк,
До большой резни и крови.

Углы чернели от промоин
Скрипели нудно половицы,
После страшных сучьих войн
Валялись погнутые спицы.

Казенный жесткий стиль,
Прошли бараки миллионы,
Превращали их в утиль
Гуманные законы.

Нету лучших перемен,
Упал на нары от бессилия,
Не получая ничего взамен
Из рога изобилия.

Сунул горстку золота
На черный день под половицу.
Под знаком Серпа и Молота
Угроздило родиться.

Вышел из общин барака,
Разбит, повержен враг.
Рассудила власть двояко,
Закрыли в лагерный барак.

Барак – убогое жилище,
Сродни пещерным нарам,
Здесь кантовались тыщи,
Через колено гнули норы.

В бараках – буйный нрав,
Власть не лыком шита,
Вычисляли, кто не прав,
Пропуская через сито.

В жизни нету смысла,
На вопросы нет ответов,
Но не возникало мысли
Предать страну советов.

Добываем честно уголь,
Родились дети в браке,
Отмерен тесный угол
В покосившемся бараке.

В коридоре полумрак,
Жизнь – перевернутая призма,
Стоит устойчиво барак,
Символ социализма.

ОТЕЦ И СЫН

Во сне он часто кричал:
«Я деньги не брал! Я не крыса!»
Нож из паха торчал –
Привет от психа Бориса.

Отправляли мальчишку за дверь,
Мама оставалась с любовником,
Погоняло запомнилось – «Зверь»,
Называли его уголовником.

Коля лежал на больничке,
Затянулся розово шрам,
Шнырь заглянул по привычке,
Погремуха его «Абрам».

Прокинул он в разговоре,
Опасно взглянув на дверь:
«Правилку назначат Боре,
Интересовался делом Зверь».

Из разговора понял Коля –
Зверь в соседней палате,
Необъяснимая штука неволя
Замкнется на сыне и брате.

Мужчина прикрылся книжкой,
Вымолвил Коля с трудом:
«Вы помните меня мальчишкой,
Ту улицу, город и дом?»

Вздрогнул внутри законник,
Будто оскорбил его кто-то,
Обшарил рукой подоконник,
Подав матери фото.

Странно смотрел на мальчишку,
Себя увидал молодым,
Из юности вытащил книжку,
Прочесть про далекий Крым.

В тумане маячил Крым,
Домик с огромными вишнями,
Над лиманами утренний дым,
Казались вопросы лишними.

«Сколько тебе, сынок?»
«Восемнадцать», – ответил Коля.
Ударила кровь в висок –
Показала сына неволя.

Ничего не сказал законник,
Хотел разразиться матом.
Как разрулить треугольник?
Борис является братом.

Нельзя показывать спину,
Борису приятный сюрприз.
Надо признаться сыну,
Шефство возьмет Борис.

ПРИПИСАННЫЙ К ЗОНЕ

Я шел по скользкому броду,
Бежал через каменный лес.
На зоне обрел свободу,
Пройдя растормозку и пресс.

Свобода – в моей голове,
Не забита она отрубями.
Дождь шумит по траве,
Крепнет свобода с годами.

За высокой колючкой слякоть
И не очень хорошие планы.
Пуля проходит в мякоть,
Режут не только карманы.

Больше порядка на зоне,
Срок не один отсидел,
Имя на каждой персоне,
На воле – сплошной беспредел.

Свободу в себе отыщи
В тесной, забитой хате,
На слабость укажут прыщи –
Жил на хлебе, оброте.

Нет места на воле,
Мимо молочные реки,
На сверке знаешь пароли,
Приписан к зоне навеки.

Приписан, как крепостной,
К вечной лопате и тачке,
Пригреет солнце весной,
Руки тянутся к пачке.

Затянешься сладким дымком,
Изнуряет от боли,
К горлу подступит ком
От мысли о вечной неволе.

Прозвенит на свободу звонок,
Готовы парадные брюки,
Только держать черенок
Способны привычные руки.

В неволе провел червонец,
Репутацию растратил свою.
Будь китаец, немец, японец,
Надо время попасть в струю.

В прокуренных легких свист,
Землисто, серо лицо,
Коряво исписан лист,
В надежде вступил на крыльцо.

Нет ни угла, ни приюта,
Косо смотрит чиновник,
Повернулся невежливо, круто, –
Ты для него уголовник.

Ни один не решить вопрос,
Приветливо встретит малина.
Про седьмой перепартос
Другая поет половина.

Приведут в малину девицу,
Слить застойную плоть.
Можешь на волю дивиться,
Можешь лохов полоть.

Льется без меры бухло,
Вечная тема про зону,
Сменишь свое барахло,
Примеряясь к сезону.

Отдохнешь месячишко, другой
В знакомой, привычной семье.
Прогнется дорога дугой
Ближе к судебной скамье.

У Фемиды особое мнение,
Осудит судья по понятиям.
Не встал на путь исправления,
Не к тем примкнул приятелям.

Лишена система морали,
В действиях ищет мораль,
Все тома пролистали,
Отсутствует та деталь.

Аморально живет государство,
Страна незрячих, глухих,
Одним сплошные мытарства,
Прячет от зоны других.

Накинут готовый срок,
В сутанах сидят демагоги,
Свободы принял глоток,
Обивает в бараках пороги.

Растянется кисло статья,
Кислее застойного кваса,
Отправит в неволю судья
Для зоны нужное мясо.

Поставили в списанный ряд,
Унижен в тебе человек,
Затравленно бегают взгляд,
Ты по статусу – вечный зэк.

ДРУГ ОТКИНУЛСЯ С ПЕЧОРЫ

Друг откинулся с Печоры,
Друг приехал с Воркуты,
Мечтал он сдвинуть горы,
А вязал в тайге плоты.

Чужой впаяли срок,
Он все простил врагам,
Через щеку на висок
Проходил глубокий шрам.

Ненавидел хамство, лесть,
Шагал по жизни гордо,
Не приносит счастья месть –
Он усвоил это твердо.

После срока на Печоре
Построил светлый дом,
Как и местные поморы,
Север исходил пешком.

Он сделал редкий выбор:
Восстанавливал святыни,
Не был хитрой рыбой
И миражом в пустыне.

Рубил свою часовню
На высоком берегу,
В поморах видел ровню,
Ходил на промысел в тайгу.

Презирая хлеб дешевый,
Сутулый и большой,
Всегда помочь готовый
Жил с открытою душой.

Друг откинулся с Печоры,
Друг приехал с Воркуты.
Прекрасны на Урале горы,
Есть редкие цветы.

Желтеет в поле клевер,
И погода подвела,
Уезжает друг на Север,
Делать добрые дела.

ЧЕЛЯБИНСКИЙ ЦЕНТРАЛ

Опять челябинский централ,
Открыты настежь шлюзы,
Здесь воровской Урал
Крепит камерные узы.

Сядем дружно за общак,
Чифирнем за встречу,
Не горюй земляк,
Не погасли наши свечи.

Будет время без нажима,
Без томительных секунд,
А от строгого режима
Мы в СИЗО замути́м бунт.

Опять Челябинский централ,
Закрыты плотно шлюзы,
Здесь понятия правят бал,
Крепнут камерные узы.

Пусть злится оперчасть,
Пусть бегаёт режим,
Сегодня наша масть,
На туза наложен грим.

Челябинский централ,
Корпусов немые сети,
Южный, северный Урал,
Есть братва с Исети.

Здесь понятия правят бал,
Малявы шлет братва
В Челябинский централ.

СТОЛЫПИНСКИЙ ВАГОН

Встал состав на перегоне,
Ни проехать, ни пройти,
Шум в столыпинском вагоне,
Охрана празднует в пути.

Едут зэки по этапу,
Паровозик, не свисти,
Даш конвойному на лапу,
Может водки принести.

У конвоя сплошь угар,
Хлеб и сельдь на блюде,
Гудит в столыпине пожар,
Горят живые люди.

Горит столыпинский вагон,
Горючий зэки материал,
Невезучий перегон,
Горе бедным матерям.

Отступил конвой гурьбою,
Беглецам под стать,
Не положено конвою
Зэков выпускать.

Крик проходит по составу,
Охвачен паникой перрон,
По закону, по уставу
Горит столыпинский вагон.

Разбежалася охрана,
Ей бы только доложить,
Нет воды и нету крана,
Ей бы только дослужить.

Пламя убыстряет бег,
Несется по сусекам.
Когда в России зэк
Считался человеком?

Он щепка, он бельмо,
Он лагерная пыль,
Брось родным письмо,
Горит живая быль.

Горят живьем в вагоне,
Тише, тише стуки,
Тянутся в агонии
Скрюченные руки.

Горит столыпинский вагон,
В составе он последний,
Отцеплен эковский салон,
Ушел вагон соседний.

Сгорел столыпинский вагон,
Расчищена дорога,
Дымом пахнет перегон.
В России эков много.

ГОЛУБИНАЯ ПОЧТА

Он был заядлый голубятник,
Птичьи знал повадки,
Сменил пальто на ватник,
Белый голубь на тетрадке.

Над зоной – пара сизарей,
Ныряет пара вниз,
Пара верных голубей,
Села рядом на карниз.

Почта голубиная,
Важный миг прилета,
Была дорога длинная,
Тяжелая работа.

Подошел приятель близко,
Голубка села на ладони,
На лапке – важная записка,
В зоне голуби в законе.

Голубка важно ворковала,
Хотела вестью поделиться,
С ладони зерна поклевала,
Взлетела ласковая птица.

Почта голубиная,
Прощальный круг полета,
Домой дорога длинная,
Важная работа.

Над зоной пара сизарей
Домой уносит вести,
Пара верных голубей
Растворилась в небе вместе.

Они высидивают гнезда
Летом и зимой,
Им днем сияют звезды,
Намечая путь домой.

ЯВКА

Доконали сны плохие,
То ухабы, то колодцы,
То налетчики лихие,
Иду к ментам колоться.

Прокину им фуфло,
Тисну пару адресов,
Пусть повысят ремесло,
Пусть закроют на засов.

Давай, следак, бумагу,
Пока в ладони жжение,
Пройдемся по оврагу,
Системе будет уважение.

Подельников отмажу,
Без них откроем нычку,
Пишу глухую лажу,
Ни слова про отмычку.

Молчу про ювелира,
И как вскрывали сейф,
Что не выходит из эфира
И ложится в дрейф.

Копнули дно оврага,
Золота там жменька,
Больше плотная бумага
И денежек маленько.

Осела основанная масса
На счетах подельников,
Сейф и ювелира касса,
В жизни много понедельников.

Пока я малолетка,
Иду к ментам колоться,
За явку мне отметка
И мелкие колодцы.

ИКОВКА

Садись, братишка, чифирнем,
Здесь мы новые совсем,
Нас закинули вдвоем
С зоны номер семь.

Помнишь Иковку в сирени,
Зеленый крашенный забор,
На крыльцо ведут ступени,
На крыльце веселый спор.

Чая выпьем по глоточку,
Грудь согреет сигарета,
Здесь с тобой поставим точку,
Мы с тобою здесь до лета.

Помнишь Иковку в сирени,
Земляков своих, ребят,
На крыльцо ведут ступени, –
Наш двенадцатый отряд.

Обжигает руки пойка,
От чая тянется парок,
На обед затихла стройка,
Летом выйдем за порог.

Летом поезд унесет
В суету больших огней,
Только память не спасет
От сгоревших в зоне дней.

Помнишь Иковку в сирени,
Про нее расскажем всем
По простому и на фене,
Здесь мы новые совсем.

ПРАВИЛЬНЫЙ ДОКТОР

Не слышал ничего про Гааза?
Он помогал российским зэкам,
У Газа не было отказа,
Был он сердобольным человеком.

Ввел в остроги медицину,
Лечил в палатах полых,
Гордыни сбрасывал личину,
Сам выхаживал тяжелых.

Задолго до великой смуты
Забирал из цепких лап,
Снимал с арестантов путы, –
Больных не брали на этап.

Свои тратил сбережения,
Расширял тюремный лазарет,
Вторые были дни рождения,
Здоровым выходил скелет.

Что думал этот человек,
Склонившись над постелью?
Для него российский зэк
Единственной стал целью.

Умер доктор нищим
В семье обездоленного братства,
В стране он был лишним, –
Немец, раздавший все богатства.

Шли за гробом без приказа
Бывшие больные и калеки,
«Нашего хороним Гааза», –
Говорили гордо зэки.

Оказался срочно на больничке,
Видишь равнодушие, отказ,
Напомни доктору, сестричка,
Каким был доктор Гааз.

БРИГАДМИЛЬЦЫ

Выглядит сотрудник молодо,
Чтит чекистские традиции,
Днем работает на молоте,
Помогает вечером милиции.

Выпил лишнего кормилец,
Наградил прохожего толчком,
Рядом вырос бригадмилец
С удостоверением и значком.

Ломает все, как молотом,
Не обойтись без бригадмилцев,
Оказался забияка – Молотов,
Брали всех однофамильцев.

Брали за ругань и бакланку,
В кармане целы все десятки,
Не сваришь с ними манку,
Понятий не было о взятке.

Бригадмилцев не любили в массах,
Посетил партиец храм,
Кто подрабатывал на трассах,
Всех сдавали операм.

Статус бригадмилца высок,
Молодым приятно, лестно,
Не прятали голову в песок,
Признаться надо честно.

Пришли дружинники на смену,
Ходили стайками, как мыши,
Улица узнала перемену,
Были бригадмилцы на порядок выше.

ЦИРК

Звезда отразилась на льду
Брызгами света в ночи,
Шагаю по тонкому льду,
Освещают дорогу лучи.

Трещит и колется лед,
Дугой прогибается путь,
Поставили здесь перемет,
Крючок впивается в грудь.

Опускаюсь в темный омут,
Звезда неземная, свети,
Мысли и чувства тонут,
Назад не видно пути.

Трогаю изнанку льда,
Брызги колючих льдинок,
Мутная всюду вода
Их заливают ботинок.

Илисто скользкое дно,
Под ногами короны и кубки,
«Затонул корабль давно», –
Скелет говорит из рубки.

Давно освоено дно,
Сейчас уляжется муть,
Видишь напротив окно?
Можешь на встречу взглянуть.

У окна стоит объектив,
За кадром слышится голос,
Увидишь сейчас детектив,
Змея представляет полоз.

Мягкий вечерний гламур,
Рулеткой зовет казино,
Тени знакомых фигур,
Цирк опустился на дно.

Звери сели за столик,
Бокалы наполнены кровью,
В углу притаился кролик,
Хрустит несвежей морковью.

Представляет хищников лев,
Головой кивает на сушу,
Забит баранами хлев,
Скоро зажарят тушу.

Змей шипящих клубок,
Шакалы, гиены и волки,
Съем пока колобок,
Упал, бедолага, с полки.

Ядовиты цветные рыбки,
Пираньи рвут трюфеля,
Маэстро играет на скрипке,
Под водой нефтяные поля.

БОЛЬШАЯ РУССКАЯ ТЮРЬМА

Большая русская тюрьма
Осушит реки и моря,
Пополнить наши закрома
Всегда готовы лагеря.

Большая русская тюрьма,
Выжидательные ночи,
Забиты тюрьмы и корма,
Спецы и одиночки.

Зэки превратились в класс,
Класс бесправный, нищий,
Не слышен арестанта глас,
Зэк на воле лишний.

Большая русская тюрьма,
Честь и совесть не продать!
Прошла по жизни Колыма,
Век свободы не видать!

На север рвется широта,
Твердость духа не предать!
Прошла по жизни Воркута,
Век свободы не видать!

Лесотундра и тайга,
Бросают баржи якоря,
Где медведи и сайга,
Прописались лагеря.

Стоит столыпинский вагон,
Шапки, кепки, шляпы,
Забит охраной перегон –
Долгожданные этапы.

Большая русская тюрьма,
Надежно спрятан гражданин,
Карцер злобного ума
Несет в себе ГУИН.

Рванул рубаху на груди,
Память вынесла тетрадь!
Наказание будет впереди,
Век свободы не видать!

Большая русская тюрьма,
От дубинки до свинца,
Чернеет зэков тьма
От шлюзов до крыльца.

Доброту не взять взаймы –
Нахватали лишнего.
Бояться надо не тюрьмы,
А суда Всевышнего!

Впитаем вечные святыни,
Воспитаем дубль,
Уйдем от зависти, гордыни –
Пойдет тюрьма на убыль.

ПОДЕЛЬНИК

Опера балду кружили,
Все им было не по кайфу,
Без шума и без пыли
Свалил подельник в Хайфу.

Надоел в науке хаос,
Не катит здесь Талмуд,
Свалил Леня Чаус,
Бросил институт.

Бросил точные науки
Зеленых денег ради,
Развязал по службе руки,
Прихватил в Израиль радий.

Этот ценный элемент
Испускает волны,
Бросил меня кент,
Накинут мне по-полной.

Сыпет термины следак,
Показывает колбы:
«Твой подельник не дурак,
За него получишь по лбу».

Мне дожить до приговора,
Крепят прочно обвинения,
Нету с Хайфой договора,
Не будет выдворения.

Ушел на волю конь
Прямо к Лениной родне,
Раз у Лени бронь,
С него идет вдвойне.

ДВОРИК

Дворики под самой крышей,
Сверху сетчатый узор,
Сходен дворик с нишей,
Холодный длинный коридор.

Где-то музыка играет,
Снег кружится выше крыш,
На руке снежинка тает,
Папу не видал малыш.

Жена в чужой квартире
Подает сынишке знак,
Как важно в этом мире
Сделать первый шаг.

Дворик меряем шагами,
За стеной кружится замать,
Снежинки тают под ногами,
Далеко уносит память.

Вспыхнет память искрой,
Погаснет в чистом поле.
Время пролетает быстро,
Шум знакомый на продоле.

Скрипнет черная калитка,
В шагах потонут звуки,
Вернется камерная пытка,
За спину прячешь руки.

Чая байхового плитка,
Вместит сидельцев столик,
Вползает в камеру улитка,
Опустел на сутки дворик.

МАЛИНА

Затихает жизнь в бараке
От полочки до аванса,
От мордобоя и до драки
Не услышать здесь романса.

Коптит вонючий примус,
Гитары пьяной звуки,
Свой в малине цимус –
Стаканы взяты в руки.

Сегодня день достойный,
Откинулся пахан,
Сегодня день застольный,
Балду туманит план.

Гульнет сегодня отрицаловка,
Полно бухла и снеди,
Грядет большая обдираловка,
Из дома дергают соседи.

«Тос, тос, перепартос», –
Тянут пьяно биксы,
Дым висит от папирос,
Во рту желтеют фиксы.

Мать родную не забуду,
Ее шальных ребят,
С собой ношу приبلуду,
Горстку желтеньких маслят.

Погас по-пьяни примус,
Разогнули спины,
Подняли жизни цимус,
Передернули волыны.

Балду туманит цимус,
Свистит в углу сверчок,
Сомнения стряхни, минус,
Идет малина на скачок.

БРАТВА

Кварталов родимых канва,
Высокие башни из стали,
Приду я на стрелку, братва,
В Сибири, в Москве, на Урале.

Пенится пиво в бокалах,
Сигаретный тянется дым,
Жили, качались в подвалах,
Все по плечу молодым.

Смелы, упрямы, спесивы,
Свои защищаем права,
В карманах – российские ксивы,
В единстве сила, братва.

В слове «братва» нет подвоха,
Работа и дело сперва.
До последнего спаяна вздоха
Дружбой и честью братва.

Двулики и лживы законы,
Беспредела и серости много,
Шлем на зоны прогоны,
Белая будет дорога.

Нас еще называют «братки»,
Носим на шее распятыя,
Нарезаем по зонам витки,
Мы по понятиям братья.

Свобода в выборе, брат,
Оценят тебя по делам,
У каждого свой Арбат,
Свой у каждого храм.

Памятна будет дорога,
Российских небес синева,
Ждут у родного порога.
Успеха, удачи, братва!

СКАМЬЯ

Длинна судебная скамья
В тени высокого закона,
Вся криминальная семья
В лапах красного дракона.

Судит не судья и не закон,
Судят частности, случайности,
В прениях глухих сторон
Не найти необычности.

Черная накроет мантия
Все отводы и прошения,
Это твердая гарантия
Непрозрачности решения.

Нет в природе честного суда,
Мысли – назойливые мухи,
Забита мусором среда,
Судья пришел не в духе.

Мельком пробежал по делу,
Увидел только молоко,
Мантия ближе к телу,
Судьба чужая далеко.

В тесной и глухой рассадке
Вкатишь кислые таблетки,
Готовят тайно к пересадке
Больные страхом клетки.

Готов принять решение,
Паришь над безднами,
Не оставить преступления
За прутьями железными.

ПЯТЫЙ ПРИГОВОР

Он шел на пятый приговор
В тридцать лет неполных,
Ручьи бежали с гор,
Бушевали грозно волны.

В горах таится городок,
На берег вьется серпантин,
Он шел на пятый срок,
Себе судья и господин.

Себе судья и прокурор,
Себе конвой и стражник,
Судья читает приговор
Про чужой бумажник.

Судья срывается на крик,
Отдается в зале глухо,
Получит ровно пятерик
Бродяга – вор по духу.

Доволен очень прокурор,
Прочитана бумага.
«Мне понятен приговор», —
Кивает вор-бродяга.

Все судом даны ответы,
Бушуют грозно волны,
Снова щелкают браслеты
В тридцать лет неполных.

Жаркий южный пляж
Отдыхающими полон,
Знакомый экипаж,
Знакомый черный ворон.

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Не боялся огня и воды
Риска большого любитель,
Отводил меня от беды
Мой ангел-хранитель.

Лезли душманы стеной,
Гнал их жестокий воитель,
Стволы отводил стороной
Мой небесный хранитель.

Звездной покрытый пылью,
Собой прикрывал мою грудь,
Складывал за спину крылья,
Верный указывал путь.

Глаз с суда не сводил, –
Писала решения судья,
Рукою чужою водил,
Спасая от вышки меня.

Свыше дана нам судьба,
Узкий ведет тоннель,
Расцветает и вянет верба,
Где глубина, а где мель?

Небесная будет дорога,
Никому с нее не сойти,
Мы во власти господ Бога,
Расписаны наши пути.

Путей неразведанных много.
Мою охраняет обитель,
Меня ведет от порога
Мой ангел-хранитель.

О ПОНЯТИЯХ

Понятие – кодекс чести,
Свод неписанных законов,
Его выработывали вместе
На сходках и в притонах.

Написаны законы кровью
Все до одного, без изменения,
Нет вреда здоровью
От понятий в заключении.

Понятия строги и просты,
Береги свое седалище,
Сучьи не пиши листы,
Не сдавай товарища.

Под запретом строгим мат,
Будь достойным пацаном,
Забудь слово «виноват»,
Не станешь чуханом.

Святое дело – пайка,
За кражу не отмажут,
Пусть это байка,
Что невиновного накажут.

Долг карточный – закон,
Отдается разница,
Не ставится на кон
Ни жизнь, ни задница.

Не вальнут по беспределу,
Не поставят финку в бок,
Откроет доступ к телу
За бабки голубок.

В черной зоне проще,
Хуже в красной сучьей зоне,
Мозги хотя бы не полощут
Воры, сидящие на троне.

Прав мужик-трудяга,
У него своя стезя,
Прав жиган-бродяга,
Его ведут друзья.

У понятий нет рекламы,
Бегут из красной зоны,
Чтобы вылезти из ямы
Нужны понятные законы.

В зоне нервы оголены
В повседневной теме,
Вынесли на волю миллионы
Неприязнь к системе.

Верхам не важен человек,
Вне стада неугоден,
По понятиям живущий зэк
Внутренне свободен.

В зоне зыбкий паритет,
Нужна порой реанимация,
Все решит авторитет,
В стороне администрация.

Места своего держись,
Здесь не роют вглубь,
Понятия входят в жизнь,
Где на копейку, где на рупь.

Чести свод необратим,
Живут понятия в тебе,
Не делай гадости другим,
Какой не сделал бы себе.

Понятия – кодекс чести,
Они понятны в промыслах,
Уходи от злобы мести,
Избегай насилия в помыслах.

КАТРАН

Прогулы ставят на кичмане,
Тоскует оперчасть,
Я завис в катране,
Идет сплошная масть.

Сижу, качаю мазы,
Со мной сидит девятка,
Девятка гонит фразы,
Ко мне приходит взятка.

Напротив ходит жук,
Готовит мне ответ,
Он достает из брюк
Знакомый мне предмет.

Готовлю смело стирь,
Фраерам готовлю душ,
Выходят из квартиры,
Большой оставив куш.

Гружу по-новой лифт,
Растет и пухнет он,
Жук прищурил шнифт,
Спецом открыл балкон.

Сегодня полный зекер,
Сегодня все в ажуре,
В розетку входит штекер,
Розы в абажуре.

Опустел катран,
Доволен жук,
Выполнили план –
Сняли сотню штук.

СУДЬБА

Судьба – сплетение дорог,
Скрытый путь к ее свершениям,
Ни один судья не смог
Изменить судьбу решением.

Прямой, извилистый узор,
Просты и сложны отношения,
Самый борзый прокурор
Отменял свои решения.

На зоне в камере сомнения,
Крутая будет схватка,
Кто-то заказал падение,
Кому-то выгодна прокладка.

Над чифиром пар клубится,
Базар не всякий переймет,
Спрятал нож убийца,
Причину так и не поймешь.

Все исходно, неслучайно,
Хозяин гонит сутки,
Покрыта мраком тайна,
Сдали суки-проститутки.

Из точек соткана судьба
Между выдохом и вздохом,
Избежать позорного столба,
Фраером не стать и лохом.

В секунды втиснута борьба,
Ответы будут в оконцовке,
Кого-то за руку ведет судьба,
Кого-то тащит на веревке.

СЕВЕРНЫЙ ЭТАП

Блестят полоски света
Сквозь неплотные реснички,
Середина северного лета,
Пишу ответные странички.

Отправил быстрого коня,
Пусть вернется поскорей,
Отгуляет ветер за меня,
Отпоет веселый соловей.

На небе меньше просини,
Летает желтая листва,
На ресничках морось осени,
Ответом радует братва.

Дуют ветры декабря,
Светит солнце неживое,
Был я в карцерах не зря,
Стойкость – дело наживное.

Душу дергают клещами,
Держу с чифиром кружку,
«Приготовился с вещами!» –
Кричат дубак в кормушку.

Арестант всегда готов
К томительному плену,
Собаки рвутся с поводков,
Роняют пасти пену.

Холодный, жесткий автозак,
Следы собачьих лап,
Конвойный с ворохом бумаг
Готовит северный этап.

КАТАЛЫ

Скорый мчится на юг,
В купе – игральный катран,
Жонглер в окружении подруг,
Денежный нужен карман.

Катала – морской капитан,
По служебным едет делам,
Дамы идут в ресторан,
Улыбки скользят по губам.

С дамой явился клиент,
Готов сыграть выпивоха,
Шулер готовит момент
Хлопнуть вчистую лоха.

Под стуки быстрых колес
Катала сдает перебор,
За окнами тянется плес
И темный зеленый бор.

В пути накаляются страсти,
В секунды рушатся планы,
Идут исполнителю масти,
Бабки плывут в карманы.

Мчится скорый, шестой,
Качает купе казино,
Клиент выходит пустой,
Суровое крутят кино.

Скоро знакомая станция,
В тамбуре мнется охрана,
Сократилась совсем дистанция,
Сорвана ручка стоп-крана.

Бригада делает ноги,
Нужен новый родник,
Обчистили многих в дороге,
Таращит глаза проводник.

КОРОТКОЕ СВИДАНИЕ

Весел смех и тощ,
Как загнанный солдат,
Супруга варит борщ
И делает салат.

Накрыла стол богатый,
Достала спирта грелку,
Говорит, что не рогатый,
Готовилась на стрелку.

Музыкальная волна,
Зашторено окно,
Колется жена,
Спасло второе дно.

На хмельное здесь табу,
Достает жена грибочки,
Порядок видели в гробу,
Сейчас расставим точки.

Спирта хлопнули по стопке,
Надо женушку обнять,
Глажу милую по попке,
Скрипит казенная кровать.

Нету часа половины,
Глядит супруга в потолок,
Глаза, как влажные маслины,
На шее мокрый завиток.

Сутки с милой в одиночке,
Не вылезать из малины,
Свои читаю строчки,
У супруги именины.

О СЕРДЦЕ

Остыл к писакам обыватель,
Пиши сердечной кровью,
Найдет тебя читатель,
Ответит преданной любовью.

Под шелест правильных страниц
Потянется фуфлыжник к свету,
По пути накормит птиц,
Подаст бездомному монету.

Забыли люди милосердие
За водкой с острым перцем,
Есть слово русское – «осердие»,
Смесь души и сердца.

Общество готовит преступления,
С себя слагает риск,
Хоровое не услышишь пение,
Свой услышишь писк.

Рыжим хочешь выжить!
Наступи на горло злости,
Лучше фальшь открыжить,
Чем перемывать чужие кости.

Принес кусок гранита –
Какая превосходная структура,
Жалко глину, пыль нефрита,
Из грязи выросла культура.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

Осталась призрачная надежда,
Сердце рвется из груди,
Чужою кажется одежда,
В утробе крутят бигуди.

Звучат заученно слова,
Порой плаксивы речи,
Туго соображает голова,
Дробно вздрагивают плечи.

Во рту предательская сухость,
Деревянным кажется язык,
Сморозить можешь глупость,
Как неграмотный мужик.

Пальцы врезались в ладони
Клещами пойманного краба,
Под кожей мечется в агонии
Грудная сетчатая жаба.

Можно закосить на тупость, –
Жалеют всех убогих,
В уме немая грубость,
От дела отцепили многих.

В душе мечется сумбур,
Свое видишь отражение,
Сознание сверлит бур:
Не проиграл еще сражение.

Играет мышцами качок,
Сквозит угроза в тоне,
Раз попался на крючок,
Спрыгнешь только в зоне.

Душит злость, обида,
Злорадно дернулся кадык,
Крепись, держись для вида,
Как правильный мужик.

Зря потеешь, брат!
Тащишь воз, как мерин,
Судебный скрыт формат,
Срок давно отмерен.

В точку сузился размах,
Поздно причитать и охать,
Клетки сковывает страх,
Пошли Фемиду на х...

Рассудит высший суд,
Время будет поскрижалить,
Лопнул переполненный сосуд,
Желчь начинает жалить.

Крутые лагерные рыси
Знают эту профанацию,
Последнее слово не повысит,
Писать не будут апелляцию.

БРОДЯГИ

Ходят по миру бродяги,
Вполне, чем по нраву среда,
В руках у них белые флаги,
Никому не желают вреда.

С чутким зрением и слухом,
Горечь познали в скитаниях,
Они выше сознанием и духом,
Кротость приходит в страданиях.

Ходят по миру бродяги,
Познали насилье, обман,
В руках у них красные флаги,
Кровь сочится из ран.

Солнцем высоким палимы,
Грубый, обветренный вид,
Посему отовсюду гонимы
В грязный подвальный быт.

Ходят по миру бродяги,
Везде нежеланные гости,
В руках у них черные флаги,
Торчат оголенные кости.

В грозный день и погожий
Проходят они очищение,
Отвернется от них прохожий,
Осенит знаменiem священник.

В карманах у них ни гроша,
Покоряют страны варяги,
В страданиях болит душа,
Кому помешали бродяги?

НОВЫЕ МУРКИ

Пошли продвинутые Мурки,
Клиентам звонят на бегу,
У них точеные фигурки,
Домик на Лазурном берегу.

Блестят на пальцах брюлики,
Ждет ресторан «Монарх»,
Не прельщают Мурку жулики,
Подвозит Мурку олигарх.

Крутые нынче Мурки,
Сплошные мисс и миски,
У них точеные фигурки,
Силиконовые сиськи.

Снимает Мурка стресс
Не в малине, не в катране,
У Мурки белый Мерседес,
Массажистка в личной бане.

Мелькают Мурки на экране,
В театре – больше на балконе,
В казино – на первом плане,
Мурку не увидишь в зоне.

Прогонные девицы
Для встреч и вечеринок,
Безголосые певицы,
Владелицы ширинок.

Супруга Мурка депутата,
Нипочем ей полюсы, экваторы,
У нее с собой мандат,
Мурка – кандидат в сенаторы.

ИЗ ЮНОСТИ

У высоких пыльных пирамид
Проходили юности года.
Рвал забои динамит,
Горела над копром звезда.

Бушевали лагерные страсти,
Обходили стороной поселки,
Криминальные династии
Вели кровавые разборки.

Ночью в будках сторожа
Прятались по схранам,
Ходить без финки и ножа
Дурным считалось тоном.

Молодые были резвые,
Пьяный шел шалман,
То немцев ссыльных резали,
То гнали прочь цыган.

В уральский редкий зной
Смолкали злобные собаки,
Не пришел отец домой,
Были в трауре бараки.

Мать осунулась, замкнулась,
Мне будто дали по башке –
Вся бригада задохнулась,
В тесном каменном мешке.

Хоронили всем поселком
Героев шахтного труда,
За насыпанным пригорком
С отцом простился навсегда.

Большие звали города,
Братве на зону вез привет,
Горела над копром звезда,
Хранил ее далекий свет.

ЛАС-ПАЛЬМАС

На пристани Южного Буга
У причала лежат якоря,
Встретил старого друга,
Бороздили вместе моря.

Синее море без края,
Тихий французский пролив,
Бурные воды Бискаия,
Штормом встречает залив.

Остров заметен вдали,
Вечнозеленые пальмы,
К причалу идут корабли,
Гудками встречают Лас-Пальмас.

Вечнозеленые пальмы,
Скоро идти нам домой,
Стал нам красавец Лас-Пальмас
Горькой испанской тюрьмой.

Писала местная пресса:
Матросы сидели в кафе,
Украли из кассы песо.
Были мы подшофе,

Не знали испанский язык,
Попали на их ухищрения,
Навесили нам ярлык,
Записали на нас хищения.

Вечнозеленые пальмы,
Волны бегут за кормой,
Стал нам красавец Лас-Пальмас
Надолго испанской тюрьмой.

На спасение мизерны шансы,
Нашлось злополучное песо,
Вежливы были испанцы,
Закончилась длинная пьеса.

Синее море без края,
Полоска далекой земли,
Бурные воды Бискаия,
В порт идут корабли.

Тихий французский пролив,
Дальше все меньше преград,
Знакомый Финский залив,
Знакомый родной Ленинград.

На пристани Южного Буга
Волны бегут за кормой,
Историю вспомнили с другом,
Возвращались вместе домой.

Вечнозеленые пальмы,
Якорь касается дна,
Вспомнили порт Лас-Пальмас
За бутылкой сухого вина.

БАТЬКА МАХНО

Суровый московский острог,
Нашита тюремная бирка,
Со всех принимает дорог
В казематы свои Бутырка.

Молодой арестант Махно
Через частые очень решетки
Смотрел на Москву в окно,
В руках – черные четки.

Порхает над снегом снегирь,
Короткий день января,
Ждет арестанта Сибирь,
Слава ждет бунтаря.

Армию водит свою,
Сабель заточенных свист,
Рубится батька в бою –
Нестор Махно, анархист.

Дел не имеет с властями,
Рубит красных и белых,
Дорога покрыта костями,
Любит удача смелых.

Загнан батька в бутылку,
Из цепких не вырваться лап,
Вспомнил Нестор Бутырку,
Вспомнил сибирский этап.

Явилась огромная воля,
Исправление мигом нелепость,
Станица его – Гуляй-поле,
Неприступная вольная крепость.

Ветра зимнего свист,
Бескрайнее южное поле,
Батька Махно – анархист,
Батька гуляет на воле.

БЕСОВКА

Зинка – редкая бесовка,
На крючок попался фраерок,
Для нее обычная тусовка,
Для него пожизненный урок.

Нарисует Зина вариант,
Пробьет веселая слеза,
На затылке – черный бант,
Черные, веселые глаза.

Пригласит на съемную квартиру,
Устроит праздник для души,
Позовет подельницу Эльвиру –
Больно у ней груди хороши.

Неприметно свалят дамы,
Хозяин явится, качок,
Он тоже атрибут программы, –
Попался фраер на крючок.

Въехал фраер в лажу,
Мало, что пусты карманы,
Ему навяжут кражу,
Не залижешь скоро раны.

У Зины варит бестолковка,
Отец – бродячий лаутар,
Мать – фартовая воровка
Из зареченских татар.

Зина – редкая бесовка,
Разденет фраера, как в бане,
Известна сразу оконцовка —
Пустота и тишь в кармане.

КЛАВА

Распахнуты двери барака,
Алкогольная, значит, засуха,
Обнюхает вошедших собака
На предмет похмельного запаха.

Собака не любит трезвых,
Начинает скулить и гавкать,
Прыгать и бегать резво.
Из пятой выглянет Клавка.

У Клавы – загульный кильдым,
Понтовая сквозь пересылка,
Фраера напиваются в дым,
Пропуском служит бутылка.

Клава – прогонная бикса,
Подруга закрытого волка,
Во рту желтеет фикса,
На плече синее наколка.

Амур стреляет из лука,
Вера в свою любовь,
Жестока в неволе наука,
Остыла буйная кровь.

Клава плывет в алкоголе,
Едут с похмелья рамсы,
Был бы друг на воле,
Гоняли бы с пользой часы.

А пока скулит собака,
Скребут на сердце кошки,
Открывает пасть клоака,
В глазах мелькают мошки.

Отыскала Клава мойку,
Брызнула кровь из вены,
Пора прекратить попойку,
Закачались пол и стены.

Собака скулит у дверей,
С проверкой пришел участковый,
Бригаду вызвал врачей,
Значит, день будет новый.

ЗВЕЗДЫ

На правом плече звезда,
Метели свистят февраля,
За Урал летят поезда –
В лагеря, в лагеря, в лагеря...

На левом плече звезда,
Шрамы получены в драках,
С братвою они всегда
В бараках, в бараках, в бараках...

Генералы высокого слога,
Правильный трудный полет,
Посыпана пеплом дорога,
Дерзкий и смелый пройдет.

По кромке тонкого льда –
Весенний солнечный луч,
Святая в купели вода,
Пакет охраняет сургуч.

Генералам высокого слога
Доступна любая печать.
Вас было и будет немного,
Способных за нас отвечать.

Прессует и давит система
Коварной жестокой наукой,
Не работает красная схема,
Человек не хочет быть сукой.

Не хочет давить и сдавать
Правильный, честный мужик,
Красным всегда враждовать,
К подлости зэк не привык.

Сделать хотят подонком,
Загнать за двойные решетки,
В деле прозрачном и тонком
Понятия верны и четки.

Генералы высокого слога,
Вам короны носить и вручать,
Вас было и будет немного,
Способных за нас отвечать.

ЖЕКА

Факел набит на груди,
Первая только ступенька,
Что будет с ним впереди,
Пока не знает Женька.

Факел – надежная дружба,
Женька – готовый солдат,
Не заладилась Женькина служба,
Принял его дисбат.

Закатом горит горизонт,
В музыкальном вечернем звоне,
За бакланку и легкий понт
Пробежался парень по зоне.

Дошло до общего слуха,
Подтвердила то дискотека,
Закрепилась за ним погремуха,
Отныне зовут его Жека.

Жека узнал распальцовку,
Осилит феню, жаргон,
Любую сведет оконцовку
На уровне местных персон.

Зажигает ди-джем Жека,
С корешами – обратная связь,
Шансоном гремит дискотека,
К голубым у него неприязнь.

Правильный Жека пацан,
В голосе слышен металл,
Каждый гость у него меломан,
Это лучше, чем криминал.

ХИМИКИ

На крышах рыхлый снег,
Весна хромает по апрелю,
То тепло, то зимний след,
Лежу, от жизни балдею.

Отряд закинули на стройку,
Свободы радостный глоток,
В общежитии дали койку,
Отбойный дали молоток.

Без понтов и без зазнайства
Блатные сбоку, со спины –
Поднимаем, вот, хозяйства
Спившейся родной страны.

Дороги строим и мосты,
Цемент, металл – налево,
Обрубаем все хвосты,
Водка – наша королева.

На днях зарезали козла,
Висит обглоданный скелет,
Конечно, съели не со зла –
Он портил нам авторитет.

Ошиблись в нас начальники,
Поспешили с первой сводкой,
Вином заливаем чайники,
Запиваем горькой водкой.

В общежитии все чинно,
По-пьяни только горячи,
Прикрываемся овчиной,
Летают часто кирпичи.

С перепоя очень злые,
Раздавили только шкалик,
Бесконвойные, борзые,
До утра пошли шакалить.

Дверь выбили ногами,
Трех раздели фраеров,
Уперлись в стол рогами,
Ждем сидим ментов.

Нет воров, авторитетов,
От понятий далеки,
Нет правильных ответов,
Сплошь простые мужики.

Коменданту ляжет ксива,
Список отъявленных невежд,
Получилось некрасиво,
Не оправдали мы надежд.

Назад дорога в зону,
Попутал бесноватый черт,
По гуманному закону
Не входит химия в зачет.

МУЖИК

Смотрю с прищуром, философски,
Канта, Гегеля читаю,
Привечаю многих по-отцовски,
Ментов подальше посылаю.

Слесарь, сварщик, дровосек.
Слышу голос Золушки,
Близкий к нам человек,
Глажу птичке перышки.

Усталый мерин и ямщик,
Пар валит от телогрейки,
Русский правильный мужик
Сплошь страдает за копейки.

Волочет огромные срока,
В стране не убывает зло,
Параграфа туманного строка,
Отправит в карцер и ШИЗО.

Отмажет быстро лизоблюда
Продажная судебная система,
Мужика превратят в верблюда,
Обкатана повсюду схема.

Мужик уперся в произвол,
У хозяев разные причуды,
Маячит за спиной козел,
На УДО работают иуды.

Тащит зоны, поселения
Простая очень социалка,
Баланда будет без сомнения,
Но сверху будет палка.

Он, как выложенный мерин,
Не видит баб годами,
Желторотый срок отмерен
До звонка стучать рогами.

Мужику везде преграда,
Зачеты все давно уплыли,
Ему немного надо:
Чтоб стоял и деньги были.

ГОРЬКИЙ И МАЛЬЧИК

В бараках побелка и шмон,
Власти кипят от злости,
Красится, чистится СЛОН,
Прибывают высокие гости.

Лагерный пишет листок,
От счастья ревут островки,
Проехал Запад, Восток,
Едет к ним в Соловки.

Друг народа, писатель
В умах запалил фитиль,
Томов пролетарских создатель
И старухи больной – Изергиль.

Зачехлила охрана стволы,
Поскребли хорошо по сусекам,
Ломятся от снеди столы,
Улыбаться велено зэкам.

«Вот явился спасатель,
Горький – большой человек,
Пролетарский ценный писатель», –
Шептал ему юный зэк.

«Напишите в газете и книжке –
Здесь убивают людей!»
Ничего не ответил мальчишке
Носитель марксистских идей.

Мальчик упрямый и стойкий,
К маме хотел, домой,
«Дяденька, дедушка Горький,
Возьмите меня с собой!»

Ничего не сказал светило,
Потрепал по головке юнца,
Улыбался дедушка мило, –
Не решил еще до конца.

«Дяденька, дедушка Горький!» –
Кричал наивно подросток,
Охранник, как с горки,
Бросил его на подмости.

Уехала важная свита,
Заключенным суровый удел,
Пропустят всех через сито,
Мальчика ждет расстрел.

Умирает усталый писатель,
Соловки потонули в тумане,
Счастья вечный искатель,
В утопии прожил, в обмане.

В ладони лежит конфета –
Прислал незабвенный вождь,
Пролетарская песенка спета,
С крыши капает дождь.

Не написал в газете и книжке
Как казнили невинных людей,
Не помог бедняге мальчишке,
Не ушел от бесовских идей.

1953 г.

УМЕР ГЛАВНЫЙ ГУТАЛИНЩИК...

Умер главный гуталинщик,
Вождь бессменный и стальной,
Умер страшный карантинщик, –
Прихлебатели подняли вой.

В зонах от радости рыдали,
Ждали справедливых перемен,
В кабинетах выли от печали,
Не снимали Сталина со стен.

Притихли резко командиры:
Какой укажут путь?
Вежливыми стали конвоиры,
Показав гнилую суть.

Восстала пятьдесят восьмая,
Прессовали политических по-полной,
Встрепенулась армия большая,
Понеслись по зонам волны.

Начались сидячие бунты,
Страх не сковывал сознание,
Примеряли на Севере унты,
Готовилось Норильское восстание.

Рабочие урезать смены,
Отменить запрет на переписку,
Нескоро будут перемены,
Нескоро выдадут расписку.

Только диктора не стало,
Началась борьба за власть,
Не вырвано ГУЛАГа жало,
На волю шла блатная масть.

Через годы откроются ворота,
Изменится в политике погода,
Выйдут из затхлого болота
Бывшие враги народа.

ПТИЦЫ

Ломаю корку хлеба,
Кормлю залетных птиц,
Улетают птицы в небо,
Птицам нет нигде границ.

Летят, порхают пташки,
Приготовил много корма,
Разложил крошки на бумажке,
Промыл перловки зерна.

Поклевали птицы зерна,
Быстро разлетаются,
Не надо птицам горна,
Они рано просыпаются.

Залетают на минуту птицы,
Я на годы залетел,
Им на месте не сидится,
Птах последний улетел.

Птицам нет нигде преград,
Только кенар в клетке бьется,
Я свободе тоже рад,
Там мне места не найдется.

Прилетит большая стайка,
Приведет тоска по лету,
Не убудет хлеба пайка,
Птицы сели на диету.

Осень клонится к закату,
Засыпает до весны природа,
Мы бы взяли пташек в хату,
Да дороже им свобода.

Я РОДИЛСЯ В СТРАНЕ ЛАГЕРЕЙ...

Я родился в стране лагерей,
От мамы узнал про этапы,
Время, лети поскорей,
Я очень скучаю без папы.

В черном, глубоком овраге
Веренице не видно конца,
Узнала мать из бумаги
О гибели мужа, отца.

Не высохнут матери слезы,
С коркою черного хлеба
Сидел я под сенью березы,
Смотрел в ненастное небо.

В стране, где забыли о Боге,
Сплошное стоит ненастье,
Костями мостили дороги
Ради всеобщего счастья.

Я живу в стране лагерей,
Тоже пошел по этапу,
Время, лети поскорей, –
Мой сын дожидается папы.

Живуч наследственный ген,
Он родился в темной неволе,
Не увидит душу рентген,
Не разложит душу на доли.

Ген затухает в сознании,
Код обостренный, опасный,
Преступник мечется в здании,
Не находит выход запасный.

Иду по звонку на свободу
Всем вопреки пересудам,
Тяжело объяснить народу,
Что был случайным верблюдом.

ВРЕМЯ

Времени нет во Вселенной,
Время родилось в уме,
В жизни драчливой и брэнной,
Чтоб сроки давить в тюрьме.

Уйду путем обмирания
Вверх по высокой лестнице,
Все материальны старания
В лоне природы-кудесницы.

Рассеялся плотный туман,
Не видно правильной жизни,
Искусство – сплошной обман,
Изредка честность брызнет.

Вверх поднимаюсь все выше,
Теряю ощущение времени,
Не бегают крысы и мыши,
Не бьют дубиной по темени.

Переступаю Вселенной порог,
Здесь я без роду, без племени.
Закончился лагерный срок,
Ушел навсегда от времени.

До нуля общение сузил,
Никто не скажет в глаза,
Что преступник и лузер,
Ниже проходит гроза.

Завис в развратной тусовке –
Богатство, известность, обман,
Грешным уйдем в оконцовке
Как только выполним план.

ФЕНЯ

Поют гитары струны,
Борзому светит пеня,
Фарга нет и нет фортуны –
В блатхате правит феня.

На пальцах крутит четки,
Мазу держит кот,
Гонит бабки, шмотки,
Верблюды попали в промот.

Бесогоны гонят беса,
Метет полы хозяйка,
Вышла из-под пресса
Петухов немая стайка.

Акус нычку скрысил,
Опустился по ступени,
Крутые лагерные рыси
Разведут косяк на фене.

Сквозит в углах от дум,
Суки вложили мазло,
Наезд готовит кум,
Чухан толкнул фуффло.

Дырявый сел на кол,
В зад загнали зайца,
Заработал дырокол,
Грызет свои два пальца.

Цинк дает акула,
Заходники стоят стеной,
Упал козел со стула,
Сукой стал блатной.

Кружит кубик Рубика,
Духовитый малый,
Сплошь рогата публика,
Масть качает Чалый.

Дробят на баши бинт,
Запьют глотком чифиря,
Блатной гуляет фланг,
Воры ведут кормила.

Закозлил дикий фраер,
Дербанку ценит шнифт,
Залысил в карты стаер,
В трюм уносит лифт.

На кон брошен лепень,
Акробат ставит трюки,
Наркота возводит в степень,
По блюдцу ходят глюки.

Залез ребенок на колени,
Мамка тянет срок,
Наберется мальчик фени,
Нескоро прозвенит звонок.

ЖАРГОН

Открыты настезь шлюзы,
Выезжаю в Северный кичман,
Опера квартиры грузят,
Хоть и взяли за карман.

Получил весло и пайку,
Скрипят привычно тормоза,
За щекою прячу мойку,
Мойка – страшная гроза.

На стене горит фонарь,
Хата Ярусково плана,
Указали мне шконарь,
Шконарь у самого баяна.

Баландер подгонит шлемку,
Съем правильно перловку,
Под шконарь загнал котомку,
Не попасть бы куму на уловку.

Тормозит смотрящий бричку,
Смотрящий узнает бродягу,
Оформил быстро нычку,
Мойку завернул в бумагу.

От ресничек полумрак,
У светланки спит невеста,
Братва садится за общак,
Мне указали место.

По продолу шастает дубак,
Дубак пикует не по делу,
Заставлен пойками общак,
Пошел чифир по телу.

Слышен стук по батарее,
Доносит конь маляву,
Крутиться надо поскорее,
А то нарвешься на облаву.

Опера устроят шмон,
Матрасы бросят на поляну,
Баулы вытряхнут на кон,
Устроит кум подляну.

Светит карцер за заточку,
Трое суток – за приبلуду,
Холодать придется ночки,
Карцер строгий не забуду.

В кумовскую поднял кум,
Дубак загнал в стакан,
Там холодный трюм,
Здесь муторный капкан.

Предлагает сигарету кум,
Не предложит сухой стать,
Опер поседел от дум,
Устал жаргон глотать.

СОЛДАТ

Возводим на Южном Урале
Атомный щит страны.
Миллионы были в опале,
Оказались врагами сыны.

Среди них молодой офицер
Попал в печальные списки,
Среди прочих суровых мер
Был он лишен переписки.

Заклучалась трагедия в том, –
Родные об этом не знали, –
Находился поблизости дом,
Где дни проходили в печали.

Зэки рубили просеки,
От костров поднимался дым,
За тучами в светлой просини
Был далекий и близкий Кыштым.

Страда бушевала на поле,
Открыли на выход замок,
Выдали справку на волю,
Осенью кончился срок.

Угрюмый, худой и заросший
Несколько дней и ночей
Шел он нескошенной рожью,
Отдыхал у горных ключей.

Доставал из кармана кисет,
В длинной шинели до пят,
Он помнил отцовский завет:
«Честь и совесть выше наград».

Выбил кресалом искру,
Шагом пошел молодым,
Застать бы мать и сестру,
Скоро город Кыштым.

Пелена застилала глаза,
Он встал у плетня огорода,
Покатилась скупая слеза, –
Не щадили врагов народа.

Заколочен досками барак,
Бурьяном зарос огород,
Смотрит стая бродячих собак,
Стал собираться народ.

Кто-то отвесил лиха,
Стоя вдали под сосной:
«Они скончались от тифа
Прошлой ранней весной».

Разошелся тихо народ,
Он был возвращению не рад,
Устал от бед и невзгод
Скромный русский солдат.

МОКРУХА

Гиблое дело – мокруха,
Рыть будут долго и нудно,
Пуля свистит возле уха,
Свидетелю страшно и трудно.

Свидетелю дали понять:
Исполнитель довел приказ,
На убийцу не надо пенять,
Лучше пойти в отказ.

Прозвенит телефонный звонок,
Страх в сознании застынет,
Угроз прольется поток,
Напомнят о маленьком сыне.

Свидетель к отказу готов,
Доказательств – наплакал кот,
Следак упустил улов,
В деле глухой поворот.

До суда доконает мокруха,
Слаба обвинения база,
В деле гуляет проруха,
Буксует последняя фаза.

Негодует в суде прокурор,
Обвиняет все обстоятельства,
Просит читать приговор,
Суду нужны доказательства.

Нашла на камень коса,
Доказательств фактически нету,
Пожелания шлют небеса
Призвать виновных к ответу.

Заказчик ложится в дрейф,
Уплыли за море алмазы,
До дна зачистили сейф,
Сплошь не раскрыты заказы.

Лысину чешет судья,
Упущен следствием шанс,
Неподсудна по фактам скамья,
В прессе гудит резонанс.

Бессильна пока Фемида,
Перекрыты закону пути,
Душит родных обида,
Справедливость трудно найти.

Судья прервет прокурора,
Придется вести дослежку,
Следаку искать до упора
Доказательств вагон и тележку.

Упущен раскрытия шанс,
Не любят в делах рецидив,
В обществе стих резонанс,
Дело тихо спишут в архив.

КНИГА 4. ЦЕНА ЖИЗНИ

посвящается внучке, Гусаровой Алисе

АКУЛА

Прошел Акула воду,
Обошел сплошные рифы,
Ему нескоро на свободу,
В уме лихие скифы.

В уме лихие кони
И прерванный заезд.
Акула правильный на зоне,
Авторитет для здешних мест.

В деталях помнит все Акула,
Никак нет повреждений,
Под ним кобыла Жмула,
Нигде не знала поражений.

Не дошла до финиша кобыла,
Не дотянула четверть круга,
У Акулы все в глазах поплыло –
Наземь рухнула подруга.

Отравили лучшую кобылу,
Повредил Акула спину,
Обидно, стыдно было,
Жокей достал волну.

Знал врагов наперечет,
Давила многих жаба,
Выставил козлам отчет,
Получилось все не слабо.

Акуле врезали двадцатник,
Применили все законы,
Прогон запряган в ватник,
Жокей меняет зоны.

Покровитель есть в столице,
Тонет в денежной ботве,
Помочь жокей стремится,
Нелегко порой братве.

Спит на полке Акула,
Арестантов Столыпин везет,
Скачет за поездом Жмула,
Ржанием жокея зовет.

Какой замечательный сон,
Зрители льются рекой,
Из ложи важных персон
Акуле машут рукой.

Упорный, тяжелый заезд,
Рвутся к финишу кони,
Вскочили зрители с мест,
В восторге отбили ладони.

Счастлив донельзя Акула,
Прекрасное время было,
На финише – верная Жмула:
Первой приходит кобыла.

За победу сражаются кони,
Живет в них боец и атлет,
Акула сложил ладони,
Шлет победитель привет.

Дернулся резко вагон,
От стука проснулся Акула,
Улетел замечательный сон,
Ржет на прощание Жмула.

На рельсах качает вагон,
Продолжается длинная сага,
Акула нащупал прогон,
На месте лежит бумага.

Чинный очень прогон,
Блатные молчат до поры,
Многое ставят на кон,
Сходку готовят воры.

Знает об этом Акула,
Ждут с нетерпением прогон,
Кто-то встанет со стула,
Кто-то сядет на трон.

ИДИЛЛИЯ

В нашей камере все тихо,
Засыпают тараканы на боку,
Невозможна в принципе шумиха,
Не гонят в ночную пургу.

Всегда открыта всем поляна,
Когда садимся вместе за общак,
Играем в карты у баяна,
Не видим – из-за выступа дубак.

От умиления накатится слеза,
Когда кто-то вкатит колесо,
И в экстазе заведут глаза,
Очень тихо точится весло.

Без шума рвется одеяло,
Лоскут скатывают в жгут,
Чифир будет близок к идеалу,
Когда лоскут под пойкою сожгут.

Тихо гудит электробритва,
Техника в ажуре у братвы,
Наколки синяя палитра
В образе тигриной головы.

Братва разбилась на семейки,
Очень тихо играют в домино,
Пресс качают на скамейке,
Открыто подвальное окно.

Кипит картошка в пойке,
Из хлеба лепят птичку,
Прибинтуют картофельные дольки,
Мастырщик съедет на больничку.

Полсотни с лишним бедолаг
Разводит по понятиям смотрящий,
Нет хамства, стычек, драк,
Спокоен котел бурлящий.

Двадцать восемь шконарей,
По двое на шконку,
Каждый хочет поскорей
Переехать в осужденку.

ИЗ ДЕВЯНОСТЫХ

Упал, отжался – в путь,
Приказ связной доставил,
Взять вольту не забудь,
Идет игра без правил.

Стрелки были на неделе,
Свистели рядом граммы,
Есть отметина на теле,
Есть на сердце шрамы.

Кровь обрызгала рубашку,
Силуэт очерчен мелом,
Душа сегодня нараспашку,
Душа простилась с телом.

В руке зажат кленовый лист,
Был шаг последний лишний,
Перед совестью он чист,
Ждет к себе Всевышний.

Братва простилась с бойцом,
Был тягостным обряд,
Белели многие лицом,
Отводили в небо взгляд.

В этом мире нет святых,
За место в жизни – драки,
В разговорах важных и пустых
Только денежные знаки.

Свободой опьяненная братва
Рвалась наверх из нищеты,
Билась за свои права,
Клала к надгробию цветы.

ГРЕШНИКИ

На заросших бурьяном погостах
Колья стоят стеной,
Лежат безымянные кости,
Засыпан землей изгой.

Арестант лежит Иванов,
Номер сто двадцать один,
Умереть помогли на Покров,
Дерзкий был гражданин.

Нет лекарства на зоне,
Таблеток, наивный, просил,
Остыл на холодном бетоне,
Под симулянта, – напишут, – косил.

Свежая насыпь из грунта,
Не дождется сыночка мать,
Убили во время бунта,
Не будет других донимать.

Сиделец грешник Сапега
Под номером глух и нем,
Убит во время побега,
Меньше будет проблем.

Система сделала сукой,
Не видела в нем человека,
Подавился продажной наукой,
Убили вертлявого зэка.

Пока гниешь на кичмане,
Стоишь в отрядном строю,
Не задохнулся пока в стакане,
Прочти тюремную Библию.

ФЕМИДА

По тюрьмам сидят не те,
В убитом, подавленном виде,
Был уверен в своей правоте,
Доказать пытался Фемиде.

В преданной кляксе любви
Отметал жены заказ,
Железное было алиби,
Показала защита класс.

Прокурор грузил по-полной,
В транс вошел демагог,
Гнева сжигали волны,
Просил преподать урок.

Суду хватило недели,
У правды связаны руки,
Приговоры читают в постели
Продажные, мерзкие суки.

Приговоры давно оплачены,
Фемида для вида печалится,
У ментов с судами все схвачено,
Невиновный на зоне чалится.

Честь защищает мундира
Фальшивый служитель закона,
Факты – пустая лира,
Демагогия – святая икона.

Зачем искать доказательства? –
Давно отработана схема,
Погрызла в сетях стяжательства
Судов гнилая система.

Решили давно в кулуарах,
Статьями замазали риски,
Зэк узнает об этом на нарах,
Получая в ответ отписки.

КОРОНАЦИЯ

Сидит воров триумвират,
На троне будет пополнение,
Братве известен кандидат,
Ходит по камере в волнении.

Свершится скоро коронация,
Законники – криминала слуги,
Не играет роли нация,
Главное – понятие, заслуги.

Был определен смотрящим,
Напускал ментам туману,
Слышет арестантом настоящим,
Предан зоне и кичману.

Напомнит кандидат о ходках,
Вспомнит зон названия,
Где участвовал на сходках,
Какие выполнял задания.

Воры замолвят слово –
В облаках делами не витает,
У кандидата идейная основа,
Здесь случайных не бывает.

Законник – это образ мысли,
Не должность это, а призвание,
Жизнь не лишена смысла,
Криминал его название.

Кандидату важный плюс:
Провел в неволе сходку,
Поддержал братвы союз,
Козлам дали оборотку.

Погоняло принял Серикен —
Острая разящая звезда,
Не выдает тайное рентген,
В мыслях осталась борозда.

Вор в законе – это линия,
Несгибаемое жизненное кредо,
Звезды на предплечьях синие
Защитят от глупости и бреда.

Идет успешно коронация,
Вспомнили совместные отсидки,
Серьезная, волнующая акция,
Кандидатам не бывает скидки.

Чист кругом законник,
Правильно шел к трону,
Воров решает треугольник —
Заслужил носить корону.

ОГРАБЛЕНИЕ

Слова тяжелые, как камни,
Без крови подобраться к кассе,
Прикрыты снаружи ставни,
Бойцы застыли на атаке.

Грозно дуло пистолета,
Роль сыграл муляж,
Сыпят кольца и браслеты
В большой желтый саквояж.

Лиц не видно искажение,
Черты не нарисуешь красками,
Бесполезна камера слежения,
Закрыты лица масками.

Звенит сигнал тревоги,
На пол брошены ключи,
Налетчиков сверкают ноги,
Растворяются следы в ночи.

Отход глубокими кварталами,
В стороне от фонарей,
Ночь стреляет фарами
Милицейских патрулей.

Был, есть и будет
Российский криминал,
В сознании многих блудит,
Танцует мимо бал.

Обывательское мнение,
Богатство – грех большой,
Желают разорения
Всей открытою душой.

НАДЕЖДА

1.

Дворики тенистые,
Скамеечки кругом,
Тополя ветвистые,
Надин старый дом.

Приходил к Надежде,
Было все давно,
Горело, как и прежде,
Верхнее окно.

Время, Надя, вышло,
Выгляни во двор,
Вот Надежда вышла,
Ценит договор.

Были встречи яркие,
Укромные места,
В поцелуи жаркие
Сливались уста.

Сходятся приметы,
На душе тоска,
Щелкнули браслеты,
Фуражки у виска.

Надя видела в окошко,
Как взяли опера,
Черная кошка
Метнулась со двора.

2.

Жизнь моя конвойная,
Железное кольцо,
Надя – птица вольная,
Бросил письмецо.

Потерял надежду
Получить ответ,

Приходит от Надежды
Увесистый пакет.

Прислала Надя фото,
Письмо и календарь,
У кулика – болото,
У меня – шконарь.

Спрашивает Надя
Про судьбу мою,
Хорошо, не глядя,
Признавать статью.

Забава детская –
Подрались банально,
Фемида советская
Крепит капитально.

Топит прокурор
За дебош и пьянку,
Делает упор
На злостную бакланку.

Отмерил мне судья
Трешник для начала,
Теперь моя ладья
Прикована к причалу.

Трешник не беда,
Угловатый срок,
В лагере среда,
Преподают урок.

3.

Ответил Наде монологом
И жаркими стихами,
Напомнил ей о многом,
Что было между нами.

Пели песни реки,
Наша была спета,
Полюбили мы навеки,
Как Ромео и Джульетта.

Стучали в унисон
Влюбленные сердца,

Был радости вагон,
Встречам нет конца.

Мелькнули три годочка,
Как серый воробей,
Мне поставил точку
Писарь лагерей.

Выписана ксива,
Наглажена одежда,
Откинулся красиво
В объятия Надежды.

На станции Сирень
Полным-полно народу,
В самый длинный день
Получил свободу.

Не было вопроса,
Ждал нас домовой,
Стучали в такт колеса:
Домой, домой, домой...

С Надеждою вдвоем
Растили сына, дочку,
Забыто прошлое быльем,
Засим поставим точку.

ДТП

Вспоминает сына мать,
Точит память бритву,
Ей сынишку больше не обнять,
Прочтет за упокой молитву.

Он навсегда остался маленьким,
В углу лежат игрушки,
Застыли у порога валенки,
Лежат машинки на подушке.

Снится матери авто,
Родные и соседи прибыли,
На сыне расстегнуто пальто,
Идет навстречу гибели.

Не скрипели в спешке тормоза,
Не ушла в сторону машина,
Залиты водкою глаза,
Безжалостна убийца-шина.

Переехал мальчишку изувер,
Кровавый протянулся след,
Авто уперлось в сквер,
Уснул за рулем сосед.

Не хотела мать суда,
Не хотела раны беречь,
Противна притворная среда,
Всевышний должен осудить.

Отбыл на поселении грешник,
Живет напротив, рядом,
Не кается в убийстве грешник
С вечно пьяным взглядом.

Привез язву из Сибири,
Спиртом лечит ткани,
Сгорел сосед в квартире,
Как всегда по-пьяни.

КОНИ

Блестит роса на ладони,
Будоражит утро природу,
Несутся степные кони,
Несутся навстречу восходу.

Залита солнцем площадь,
Президентский гарцует полк,
Счастлива гордая лошадь,
Знает в учении толк.

Поводья сжимают ладони,
Слился с конем жокей,
Летят быстроногие кони,
К финишу рвутся скорей.

Вьется по ветру грива,
Дробь выбивают копыта,
Мчатся кони красиво,
Дорога со старта открыта.

Славно летят скакуны,
Блестят от бега и пота,
Честь защищать страны –
Тяжелая это работа.

Трусит гнедая лошадка,
Поставят трудягу в загон,
Жизнь тяжела и не сладка,
В душе она чемпион.

Лошадке снятся лавры,
Благодарно хлопает кто-то,
Победно звучат литавры,
Круг совершает почета.

АСПИРИН

Заехал ненароком за ограду,
Нету здесь спален и перин,
Баланду выпишут в награду,
И от всех напастей – аспирин.

Вышла драка из обмана,
Сотрясает стены карантина,
Прибежала дружная охрана,
Дали по таблетке аспирина.

С земли подняться нету сил,
Под ногами глина,
Открыто скажут: «Закошил»,
Но дадут таблетку аспирина.

У больного нервный тик,
И съехал на бок рот,
В тот же самый миг
Аспирин пойдет в народ.

Мучает зубная боль –
Закинут тебе в клетку,
Как надоедливую моль,
Известную таблетку.

По телу страшный зуд,
Больному нужен карантин,
Бедняге вовремя дадут
От всех болезней аспирин.

От боли почернел блондин,
Лежит с сердечным приступом,
Бедняге сунут аспирин,
Спрячут... за широким выступом.

Арестант недвижим, плох,
Но живет еще, скотина,
Чтобы побыстрее сдох,
Дадут таблетку аспирина.

А если умер ненароком,
Напишут очень длинно,
Все по науке, все по срокам
Лечили очень интенсивно.

Лезет в задницу без мыла,
На больничку чешет шнырь,
Аспирин несет лепила,
Даст понюхать на мастырь.

Аспирин – великое лекарство,
Восстановит нервы, клетки,
Вошел в лагерное царство
В виде спасительной таблетки.

Болезни лечат карантином,
Здоровы, розовы навеки;
Пропитаны аспирином
Российские бедные зэки.

РЕЦИДИВ

Ждать осталось ровно круг,
Пошел парад планет,
Наколот вежливый паук –
Сидеть еще двенадцать лет.

На волю выйти нет желания,
Свобода выльется в пассив,
Вползает медленно в сознание
Новый страшный рецидив.

Внутри – существенный прострел,
Заполнить нечем дыры,
В красной зоне беспредел,
Лютуют суки, конвоиры.

Рождается в неволе рецидив,
Будоражит сознание реванш,
Наудачу слепо отцепив,
Единственный вырисовывается шанс.

Мнимы угрызения совести,
От раскаяния не рушится скамья,
Конца не видно повести,
Где не ошибался бы судья.

Судья смотрит через лупу,
Следствию выстроил охрану,
Отрицать преступления глупо,
Лучше напустить туману.

Туману напускает прокурор,
Обречен на срок заходник,
Известен заранее приговор,
Судья набросила намордник.

В тандеме трудятся законники,
Обвинению записано в актив,
Защита обтирает подоконники,
Плодит система рецидив.

РЕШЕНИЕ

Читали нудно приговор
Про вольну и заточку,
Обвинен бродяга-вор,
Судья поставил точку.

Недолго мучили вопросами,
Прокурор был скромн,
У Фемиды под колесами
Каждый третий невиновн.

Судье было невдомек,
Что чужую взял мокруху,
Пошел верблюдом паренек,
Бродяга-вор по духу.

Отмазал парень пахана,
Другого быть не может мнения,
У вора со здоровьем хана
От очень долгого сидения.

У вора вышла заморочка,
Был оскорбительный ответ,
В ход пошла заточка,
Свой защитил авторитет.

В деталях видел подсудимый:
Братва рассудит по делам;
Фраер был голимый,
Воры не ходят по судам.

За и против выкинул на бочку,
Сняв предварительно перчатки,
Поднял грязную заточку –
Ментам оставил отпечатки.

Быстро принято решение,
Он не был по натуре трус,
Парень без всякого смущения
Взвалил на плечи груз.

Солдат спасает генерала,
Закрывает своим телом,
Вор стоит у пьедестала,
Братве полезен делом.

ПОРОШОК

Помогает Гаррик улететь,
Звучит приятно Марсельеза,
Гремит оркестра медь,
В крови гудит железо.

Снежок устроил бал,
Танцует вихрем эйфория,
Момент истины настал,
Детский лепет, малярия.

Вверх бегут ступени,
В сознании черно-белое кино,
За окном мелькают тени,
Метель метет в окно.

Сознание порошит снежок,
Лежит у ног Вселенная.
Хороший, чистый порошок,
Память ясная, отменная.

Вижу страшный ров,
В который падал в детстве,
Был смерть принять готов,
В успокоительном нуждался средстве.

На иглу надето тело,
Спасет немедленно овраг,
Сжигает героиновое дело,
Победила физика астрал.

Проходил блаженства миг,
Несчастный падал ниц,
Из тела вырывался крик,
Впивался в вену шприц.

Белый страшный порошок,
Стою один, расхристанный,
Не в силах подвести итог,
Своей не нашедшей пристани.

Прикрыл на миг глаза,
Вижу комнату чудес,
Растет на камушке лоза,
Навылет бьет обрез.

Рвалась земная связь,
Остывало тело с ног,
Не поможет шприц и мазь,
Отключился крови ток.

Белый снег, метель,
В голове метет пурга,
На пол валится портфель,
Подкосилась вмиг нога.

Большая перемкнула доза,
Смешались траур и парад,
Не выйти больше из наркоза,
Застыл стеклянный взгляд.

Замело, белая метель,
Вьюга ненормальная,
Сел наркоман на мель,
Едет служба ритуальная.

ГОРЬКИЙ ЧАЙ

Горько гортань обожжет
Пьянящий, горячий чифир,
Горько мне, что никто не ждет
В тишине полусонных квартир.

Падает тающий снег
В зоне закрытого доступа,
Время замедлило бег,
Сыты временем досыта.

Третий горячий глоток, –
Больше пить нет резона,
Мыслей кипящий поток
Остудит закрытая зона.

Сигаретный вьется дымок,
Падает тающий снег,
Закрыты мечты на замок,
Мечтам не нужен побег.

В зоне закрытого доступа
Счет открыт лицевой,
Сыты сроками досыта,
Сроки даются с лихвой.

Тянется медленно время,
Не спешит по пустым коридорам,
Нудное длинное бремя
За мокрым высоким забором.

Когда-то закончится срок,
Накроет бумажным приветом,
Откроет охрана замок
Светлым и жарким летом.

Горько гортань обожжет
Чифира прощальный глоток,
Никто за забором не ждет
На развилке больших дорог.

УСИЛЕНИЕ

Страна начинает стройку,
Судам дадут отмашку,
Менты встанут в стойку,
Завяжут за спину рубашку.

Сплошные пойдут усиления,
Обвинений напишут том,
В стране бытует мнение
Искупать вину трудом.

Дармовые найдутся руки,
Рушится зэк изнутри,
Лживые тюрьмы науки
Беспредел творят взаперти.

Вверх полезут срока,
В разы повысят норму,
Чтоб не отлеживал бока
И не терял зэк форму.

Разительный в неволе успех,
Не услыша недовольства глас,
В обществе устраивает всех,
Подневольный рабский класс.

Запомнят стройку химики,
Мастерить пойдут короба,
Гримасами тюремной мимики
Укажут властям на рога.

Закинут тьму за колючку,
Очередной устроят БАМ,
Зачем платить получку –
Черпаком пройдут по рядам.

ГЕРОЙ

Дождалась природа дождя,
Весенней, стремительной бури,
Уснуть в дороге нельзя,
Освежают холодные струи.

Я странник послушный, уставший,
Со страниц и полотен сошедший,
Бродяга, в грязь упавший,
Дурной, больной, сумасшедший.

Экранный скиталец и путник,
Живу на последних страницах,
Беспредела, порока спутник,
Растворился в порочных лицах.

Устал читатель и зритель,
Не радует больше сюжет,
Пуста родная обитель,
И выхода, кажется, нет.

Плыву бушующим морем,
Иду дорогой большой,
Хочу быть главным героем
С открытой и светлой душой.

Взойти на большие полотна,
Главным стать на экране,
Довольным, счастливым, потным
Стоять на переднем плане.

Быть на заглавных страницах
Без грязи, насилия, крови,
Раствориться в радостных лицах,
Не хмурить лица и брови.

Быть достойным примером,
Главным героем вдвойне,
Обучен хорошим манерам,
Буду нужен своей стране.

КОЗЛИНЫЙ АКТИВ

Системе взяться бы за ум,
Разогнать актив козлиный,
Очистить скверный подиум,
Устроить праздник соловьиный.

Мастера сидят и первоходки,
Непонятно – кто кого пасет,
Плывем в дырявой лодке,
Куда течением занесет.

Вечно ищут виноватого,
На зубах навязла тема,
Лепит мерина горбатого
Насквозь прогнившая система.

Сообщат приятным тоном,
Кто косорезил и соврал,
Между криминалом и законом
Выбирают твердо криминал.

Служат законы богатым,
Криминал достается бедным,
Правда сдобрена матом,
Тазом накрылась медным.

Плутует повсюду система,
Лживыми глаголет устами,
Если возникнет проблема,
Развезу спокойно с ворами.

У кума лежит в изголовье
Желанный параграф ГУИНА,
Создать на зоне условие,
Пусть зэк мычит, как скотина.

Пусть сдают друг друга, –
Советский гуманный наказ,
Потирает руки система,
Изуверский запущен приказ.

ДОЛЯ

Сижу между Волгой и Доном,
За Уралом – Исетью и Обью,
Стала мне зона домом,
Разлукой, бедой и любовью.

Красивые письма читаю, –
Пишет любимая дама,
Встретиться снова мечтаю
У прощального светлого храма.

Вижу взгляды косые,
Устроили мне карантин,
Сижу в свободной России,
Несвободный ее гражданин.

Выпала грешная доля:
Коснуться лихой стороны,
Колосья несжатого поля,
Дети христианской страны.

Трудно ошибки признать,
Тайну хранят небеса,
Трудно совесть призвать,
Прятать придется глаза.

У последней застыли черты,
Дальше темнеет пустырь,
Наводим на волю мосты,
Отпустит домой монастырь.

Труден на волю путь,
Сомнения, волнения, тревоги...
Ветер холодный в грудь,
Быльем поросли дороги.

Тяжело забывается прошлое,
Непросто заново жить,
Время прошедшее, пошлое
На труд и любовь заменить.

ЭГОИЗМ

Век свободы не видать,
На запястьях щелкнули браслеты,
Долг хозяину отдать
Три зимы, три лета.

Руки тянутся за спину,
Силуэт в знакомую походку,
Зэк виноват наполовину,
Провоцировал терпила ходку.

Мне сочувствовать не надо,
Здесь лучше истина видна,
Гибнут гроздья винограда
Ради крепкого вина.

Человеком правит эгоизм,
Стремление жить по-своему,
У каждого запущен механизм
С темными и светлыми обоями.

Эгоисты зэки и политики,
Президент – главный эгоист,
Приглушают аналитики
Недовольный свист.

Рухнул светлый коммунизм,
В пыль превратилось здание,
Его разрушил темный эгоизм,
Эгоизм не может без желания.

Мальш обнял игрушку,
Новый эгоист родился,
В гроб бросают стружку,
Чтоб эгоист не злился.

СЕНЯ-ПАРАЗИТ

Зуботехник Сеня смелый,
Не пугал приличный срок,
Быстрый, легкий и умелый –
Добывал в тайге песок.

Подальше от народных масс
В любой погожий день
Мыл золотишко на реке Маасс,
Мыл на озере Ильмень.

Песочек фиксой заблестит,
А люди ходят с кумачом,
Советский Сеня – паразит,
Сеня числился рвачом.

По реке плывет туман,
Наметил Сеня планчик,
Льются денежки в карман,
В неделю золота стаканчик.

Бурлит, шумит поток,
Листья падают с берез,
Дает доход лоток,
Перемыт богатый плес.

Под ногами много золота,
Найти несложно по приметам,
В стране Серпа и Молота
Эта тема под запретом.

По реке не ходит драга,
Не моют планово песок,
В палатке Сени фляга –
Вина хорошего глоток.

Мелькает в просеке платок,
В руках качается корзина,
Играет радугой песок,
Несет продукты Зина.

Советский Сеня паразит,
Кругом пустая глина,
Отправит золото в транзит
Подруга Сени Зина..

Красота Уральских гор,
Играет радугой песок,
Моет мастер косогор,
Осени камушки в лоток.

Зинка, сука-бикса,
Проболталася по-пьяни,
Ставит Сеня фиксы
В данном Магадане.

Там тоже золото кругом,
Не пугает Сеню срок,
Ждем далекий дом,
В заначке есть песок.

Советский Сеня паразит
Ищет самородки на отвале,
Отправит золото в транзит,
Его встретят на Урале.

СТЕПЬ

Святая сырая земля,
Зимы сошла полоса,
Простились со снегом поля,
Рощи, овраги, леса.

Скачет по полю гонец –
Теплого солнца лучи,
Пришел холодам конец, –
Конь, веселее скачи.

Голос услышал гнедой,
В глазах загорелся огонь,
Всадник не правит уздой,
По степи соскучился конь.

Всадник кричит и свистит,
Дым от костра вдали,
Конь стрелой летит,
Пар идет от земли.

Всадник слился с конем,
Сбоку горная цепь,
Блестит вдали водоем,
Весной наслаждается степь.

Всадник летит на костер,
Ветер бросает в дрожь,
Тучи спускаются с гор, –
Первый весенний дождь.

Первый весенний гром
Сотрясает горную цепь,
Стоят у костра вдвоем
Люди, влюбленный в степь.

Падают капли в костер,
Степь неподвластна охвату,
Прохлада спускается с гор,
Клонится солнце к закату.

ОПЕРА

Сидеть в засадах сутками,
Не жалеть бумаги и пера,
Быть подсадными утками –
Крадутся к цели опера.

Задержания, обыски, погони –
В спираль свивается кольцо,
Лисы, волки, кони
Втиснуты в одно лицо.

Насыщена работа оперская,
Сидеть долго не придется,
То Тверская, то Ямская,
Победа быстротой куется.

Растворена в делах любовь,
Опера – соль ментуры,
Ее плоть, надежда, кровь,
Часть ее культуры.

Прививают роль охранников,
Вопрос оставят без ответа,
В играх больших начальников
Опера – разменная монета.

Брать преступников пора,
Вконец озверела банда,
Придут на помощь опера,
Опера – пожарная команда.

Зевак прогнали со двора,
Опера достали пушки,
Менты – на кончике пера,
Опера всегда на мушке.

Работа гончих псов,
Поджимают часто сроки,
Закроют хату на засов,
Подкинут нужные вещдоки.

Ловить мошенников-рвачей,
По этажам летать до пота,
Слушать мерзких стукачей –
Нужная, но грязная работа.

ОТЕЛЛО

Капроновый черный чулок,
Не было слышно голоса,
В суде основной вещдок –
Ну чулке остались волосы.

Душили даму чулком,
Рядом лежит подушка,
Не допито вино и ром,
В руку вложена пушка.

Следов борьбы не видно,
Была желанная встреча,
Погибла дама обидно,
В жестокий любовный вечер.

Осеннее хмурое утро,
Летят перелетные птицы,
В изголовье лежит «Камасутра»,
Открыта на пятой странице.

Лежит неподвижно тело,
Застыли навеки черты,
Сделал дело Отелло –
Разрушил мир красоты.

Рядом открытый сонник,
Подчеркнуто слово «убит»,
Фарфоровый маленький слоник
Поднял хобот, трубит.

Невольный свидетель – зеркало,
В стекле спрятана тайна,
Судья ее исковеркала,
Трагедия часто летальна.

Опера находят улики:
Шкатулки и сумки пустые;
Несутся с улицы крики,
В шоке стоят понятия.

В непонятке стоят соседи,
До крышки довел, злодей,
Звуки траурной меди,
Стук гробовых гвоздей.

В морг отправят тело,
Отжила свое, отлюбила,
На свободе гуляет Отелло,
Зря впустила дебила.

В протоколе запишут сухо:
Время, место, поза,
С фактами тоже глухо,
Другим большая угроза.

Исчерпала себя любовница,
Уголовное откроют дело,
Нелепо погибла смоковница,
Ищут повсюду Отелло.

ГИТАРА СЫГРАЕТ

Грев загнала братва:
Дурь, сигареты и чай,
В папиросы забита трава, –
Гитара, громче играй.

Тянется сладкий дымок,
Пенится горький чифир,
Не страшен крепкий замок,
Есть понятия, согласие, мир.

Ходит по кругу пойка,
Звуки веселой гитары,
Ну-ка, братишка, спой-ка
Про зоны, этапы и нары.

Про далекий спой Магадан,
Про Северный путь, Воркуту,
Про Ванинский порт и туман,
Сроку подводят черту.

Застучат по рельсам колеса,
Откроется крепкий замок,
Тихо горит папироса,
Светел сладкий дымок.

Останутся в памяти горы,
Зеленый, цветущий май,
В родные уедем просторы,
Покинем северный край.

Останутся в памяти лица,
Уроки суровой погоды,
Седина на висках серебрится,
Нелегкими были годы.

На прощание, гитара, спой,
Про дружбу спеть не забудь,
Собираешься ехать домой,
Пусть легким окажется путь.

ЗНАМЕНИТЫЙ ВОР

Он был знаменитый вор,
Братве разгульной – икона,
В зеленый шел коридор,
Знал, что не будет шмона.

Хозяин хотел покоя,
Бунт на зоне не нужен,
Не боялся крутого конвоя,
В правой разборке контужен.

Прогнуться было проще,
Наступали кругом козлы,
Недовольно гудела площадь,
Он смело пошел на стволы.

Злого не боялся рока,
Не целовал сучьих ножей,
Веселила пустая морока,
Воровских не предал идей.

Осталось воров единицы,
Постоянно в неволе живут,
Листают понятий страницы,
Традиции старые чтут.

Может, звучит цинично,
На зоне нужны воры,
Знает братва отлично –
Лихой не будет поры.

Выбирают, где меньше зла,
Будут козырные масти,
Не развяжет система узла
Зэки не верят власти.

ВЕРТУХАЙ

Внутри надломлен вертухай,
В душе – слабее зэка,
Пошел за легкий каравай
Пасти позорно человека.

Свою ущербность знает,
Ему прозвище – козел,
Перед начальством тает,
На арестантов очень зол.

В глаза дубак не смотрит,
Мастер руки завязать,
Любит шмоны и досмотры,
Унизить любит, наказать.

Чрезмерно прет усердие,
Гуляет кнут, не пряник,
Нет к заблудшим милосердия,
В секунду выстрел грянет.

Своей гордится миссией,
Загонит в узкий коридор,
Не стал дубак мессией,
Сеет злобу и раздор.

Придаст дубинка силу,
С автоматом он герой,
Пустой трухлявый силос,
Любит частый мордобой.

Нарушает смело правила,
Забрызгал кровью робу,
Никого неволя не исправила,
Беспредел умножит злобу.

Во время бунта, хаоса,
Рванется с пятки на мысок,
Покажет повадки страуса,
Весь зароется в песок.

ДОМОЙ

Домой вернулся в городишко,
Через восемь с лишним лет,
Свитер, серое пальтишко,
Черный вязаный берет.

К дому ведет дорожка,
Покосился старый фасад,
Сидит на заборе кошка,
Крапивой зарос палисад.

Переступил родной порог,
В прошлом долгие года,
Я скиталец, не пророк,
Домой вернулся навсегда.

Мать-старушка поседела,
Полетел из рук клубок,
Руки подняла, пропела:
«Жду давно тебя, сынок».

Присела с краю на скамью,
Положила на колени руки:
«Переживала боль свою,
Думала, не выдержу разлуки.

«Поживи со мной, сынок,
Мне жить осталось мало».
В груди щемящий поток:
«Не плачь, не надо, мама!

Построю новую усадьбу,
Жизнь устроим нашу,
Я сыграю, мама, свадьбу,
Под венец возьму Наташу.

Давай обсудим вместе,
Прогоним прочь ненастье,
Приедет скоро к нам невеста,
Пожелай нам счастья».

ЗАКОНОПОДЕЛЬНИК

Оправдательных не будет приговоров,
До блеска отшлифована скамья,
Фемида не подставит прокуроров,
Слишком близкая семья.

Душит обвинение спокойно,
Фабрикует липовых тузов,
В суде появится покойник,
Подсуден бедолага из низов.

Обвинитель безгранично горд,
Кусок измылил мыла,
Коллег отмазал держиморд,
В гору двинется лепила.

К оправданию катился приговор,
Но Фемиде это не с руки,
Виновен будет прокурор –
Не с кем будет жарить шашлыки.

Отсиженный закрепят срок,
Устроит всех фиксация,
Невиновным – вилы в бок,
Им не светит компенсация.

Родным и близким невдомек,
Что по плану шло гашение,
Сидит пожизненный пенек,
Штампует нужные решения.

Не оправдают никого вчистую,
Из рук не выпустят улов,
Никогда не сидят впустую
В стране лагерных рабов.

ПЫТКА

Холодный карцерный бетон,
Арестант лежит избитый,
Продолжается пыточный сезон,
Не выйдет слух из крытой.

Приставлен гвоздь к груди,
Острие порвало кожу,
Не думать, что будет впереди,
Мучителя не видеть рожи.

Забиться с помощью гвоздя,
В вечный погрузиться сон,
Капли красного дождя
На сырой легли бетон.

Бьют сотрудники СИЗО,
Не прячет взгляд невинный,
Подонки множат зло,
Добиваясь явки с повинной.

Писать бесполезно надзору,
Бумага не покинет стен,
Все известно прокурору,
Не слаще редьки хрен.

Повязаны вертухаи кровью,
Заляпан пыточный мундир,
Голубой припугнут любовью,
Свой в СИЗО командир.

Выбита явка с повинной,
В зону отправился гнутый,
Срок наболтали длинный,
Откат отправили дутый.

КОТ

Коренной обыватель тюрьмы
Кот – заложник своей судьбы,
Не возьмет никогда займы,
На крайняк приготовит бобы.

Носитель понятий Кот,
Костяк всей отрицаловки,
Кот, не смотри вперед,
Заложник кумовской об...ки.

Сидит продажный хмырь
Под флагом и под гербом,
Коту суждена Сибирь,
У него – стальные нервы.

Фемида – народный заступник,
Честно служит закону,
Кот – формально преступник —
Обречен вернуться в зону.

Прививают Коту ностальгию,
Здесь и сейчас он чужой,
Применят к нему хирургию,
Не мертвый он, не живой.

Фуфляк соберут опера,
За старое сядет Кот,
Стукачи сдадут фраера,
Чтоб не мутил народ.

В зоне живет крепостной,
Решили власти проблему,
Закрыли Кота за стеной,
Время продолжит тему.

МИСТИКА

Убит и изнасилован ребенок,
Девочка. А может – мальчик.
Любили, холили с пеленок,
Отец – ответственный начальник.

Насилие не было случайным,
Сошлись в точке две судьбы,
Был насильник идеальным,
Но жаждал мести и борьбы.

Преступник должен был убить,
В утробе готовили к агонии,
Он неспособен был любить,
Знаки были на ладони.

Ушел из жизни добровольно,
Не дожил этих детских лет,
Сделал многим больно,
Таков мистический ответ.

Дума должна дожить,
Пройти свой путь земной,
В дитя решено переложить,
Потом отправить на покой.

Ничего в жизни не случайно,
Пострадал от нетерпения,
Обварил горячий чайник,
Кто-то заказал твое падение.

Стоит печально гробик,
В глазах убийцы пустота,
В жизнь пришел угробить,
Вот казус нательного креста.

Жалей по-матерински, по-отцовски,
Убиваться на могилке не спеши,
Подойди к жизни философски,
Необходима встряска для души.

БУДУЩЕЕ

Давит на настоящее не прошлое –
Будущее кладет на лопатки,
Не отпустишь слова пошлого,
Не дашь стремительной обратки.

Гнетет преважное предчувствие,
На завтра строим планы,
В будущем наше самочувствие,
В прошлом болезненные раны.

Не существует в жизни настоящего,
В секунду мир меняет вид,
Смело обойти стоящего,
Пусть в прошлом постоит.

Все лучшее осталось в прошлом,
Будущее ближе настоящего,
Не считай прожитое пошлым
Стоя у котла кипящего.

Настоящее никак не ощутимо,
Его нельзя продлить и удержать,
Время бежит неумолимо,
От него невозможно убежать.

Будущее страшно
Арестанту, олигарху,
Сносит башню
Вечному монарху.

Забрось в прошлое все беды,
Пусть день суров, ненастлив,
Не трогая будущего воды,
До смерти будешь счастлив.

ПОМЫСЛЫ

Накатит ненависть и злоба,
Мечь придет издалека,
Думает смущенная особа,
К сигарете тянется рука.

Людей смущают эти темы,
Долгий не ведется разговор,
Загоняют вглубь проблемы,
Себе читают приговор.

Держат мысли на замке,
Сдадут всегда поступки,
Находка прячется в руке,
О чужой судачат юбке.

Грешим в профиль и в анфас,
Грешим в безмятежных снах,
Живут пороки в нас,
В помыслах и в жизненных делах.

Груз висит на шее,
Погрызли в болоте хаоса,
Где надо действовать быстрее –
Копируем повадки страуса.

За все общество обидно,
В садах ходит пересмешник,
Изменений к лучшему не видно,
Подрастает новый грешник.

Придет когда-то перегруз,
В голове с шипами шпоры,
Ждет человечество конфуз,
Скроют лица шоры.

Жизнь без греха прожить
Ради спасения души,
Эгоизм никак не задушить,
Соблазны больно хороши.

Попурри играет гармонист,
Мелодию достойно выбирай,
А в помыслах предельно чист,
Приведет дорога в Рай.

ПРОИЗВОЛ

Зэк ненавидит хозяина,
Хозяин злит заключенного,
Идет борьба отчаянно
Вокруг раба казенного.

Идет борьба нешуточна,
Задействован паек,
Зэку карцер суточный
И мордой об ларек.

Фуражки и пилотки,
Вальжные верхи,
Зэк не откроет глотки,
Треть отряда – петухи.

В зоне нету оппозиции,
Хозяйский беспредел,
В начальника позиция,
Весь отряд пересидел.

Создают союзы партии,
Уйти от диктатуры,
В зоне нету хартии,
Одни ШИЗО и Бури.

Застыл в развитии ГУИН,
Пионерские играют горны,
Вбивают в зону клин,
Идут голодовок волны.

Дело красное в движении,
Истреби себе подобного,
Кто не хочет унижения,
Подальше спрячут неудобного.

ВОРОВСТВО

Воруют с улыбкой и без,
Победителям играют туши,
Движет воровство прогресс,
Радости нету в душе.

Берут без зазрения совести
Чужие дела и труды,
В страницы известной повести
Добавят мутной воды.

Воруют мысли и замыслы,
Вежливы были гости,
Обглодали до блеска мослы,
Теперь перемелют кости.

Не вызывает ни у кого удивления,
Что чужие повторяют слова,
Недостойно других поведение,
Жгут криминально дрова.

Воруют мелодии, ноты,
Воруют с умом навеки,
Воруют картошку и боты,
Виноваты бедные зэки.

Воруют повально все,
Многих ставят в пример,
Белена растет в овсе, –
Овсянка непригодна, сэр!

Воруют по плану и без
В магазине, садике, школе.
Вор с деньгами исчез,
Гуляет свободно на воле.

Карты розданы всем,
Кто-то просит займы,
Воришки не видят проблем,
Воришки мелкие мы.

КУЛУАРЫ

Кошка сидит под столом,
За окнами ветер свистит,
Гостей полон дом,
Неспешно время летит.

Гости надменны и чинны,
Плотный ведут разговор,
Собрались неотложно-причинно,
Слово взял прокурор:

«Дело в моих руках,
Поставлю над ним карьериста,
Не будет витать в облаках,
Отмажет твоего афериста.

Дело отпишем в суд,
С судьей наладим контакты,
Приговор в конце не прочтут,
Помешают многие факты».

Хозяйка в халатике алом
Приносит коньяк и кофе,
Гости прильнули к бокалам,
Продолжает прокурор-профи:

«Дело вернется к нам,
Развалим предельно скоро».
Кошка прильнула к ногам,
Тварь поняла прокурора.

Любила хозяина кошка,
Мягко, ласков, не зол,
Хозяйка поправила брошку,
Положила сверток на стол.

Гости расходятся чинно,
Висит хозяйская трость,
Решено неотложно-причинно,
Солидарна белая кость.

Элита решит в кулуарах
Без хлеба, воблы и кваса.
Чалятся Ваньки на нарах,
Они – из низшего класса.

ЛИЦОМ К СТЕНЕ!

«Стоять! Лицом к стене!» —
Надрывно кричит охрана,
Утолить бы боль в вине,
Нескоро затянется рана.

Дубак гремит ключами,
Пустой и темный продол.
Продол не украсят свечами,
С хлоркой вымоют пол.

Щелкнули за спиной браслеты,
Значит – пришел лепила,
Надо готовить ответы,
Жути нагнал терпила.

Дубак ведет на встречу,
Предложат мирный паритет,
Лепиле за базар отвечу,
Невеселый нарисуетя портрет.

Не гони вперед рассказы,
Пусть следак откроет коды,
Точи любые фразы,
Фразы тянут годы.

Бесполезен контакт с ментами,
Отцепи вначале борону,
Один выходишь на татами,
Судят в одну сторону.

Не держат слово офицера,
Не пройтись глубоким плугом,
Несут козлиные манеры,
Идет система цугом.

В тебе не видят человека, –
Зачем душу врачевать,
Больной, нищий и калека –
По-полной будут корчевать.

На следствии вина – де факто,
Демагоги плутают в законе,
Нужные подгонят факты,
Необходимо мясо зоне.

«Стоять! Лицом к стене!»
От долгого сидения туман,
Плох, как пленный на войне,
Сейчас запрут в стакан.

«Садись! – кивнул следак. —
Горб терпиле не лепи,
Кто рыба, кто рыбак,
Сейчас открою алиби».

Следак – канва системы,
Обвинительный ведет уклон,
Есть обкатанные схемы,
Как законно обойти закон.

ЦЕНА ЖИЗНИ

Еврей кричит о Холокосте,
Памятник ставит Жмокеру,
С войны не собраны кости,
Русским память похеру.

Вы хотите быть убитыми,
Вас режут как овец,
Прячетесь за чужими скитами,
Приближая свой конец.

Пассивность губит нацию,
От оправданных уходим рисков,
Спасет активность Федерацию,
Бесценна жизнь твоя и близких.

К смерти, насилию привыкли,
Ненавистью платим за любовь,
Головою вместе не поникли,
Чужую не оплакиваем кровь.

Герой на кухне, в кулуарах,
В делах поник и пьян,
Гибнут на дорогах и на нарах,
Сотни пропадают россиян.

Российская продажная элита
По трупам лезет на-гора,
У помойного воспитана корыта,
Жует сопли детвора.

Готов расстрельный план,
Помогли с захватом рейдеры,
Объявился денежный чухан,
Сгребают трупы грейдеры.

Завод у государства скрысил,
Не стал генератором идей,
По закону больших чисел
Подыхать выгнали людей.

БЕСПРАВИЕ

Забита зона под завязку,
Бараки – перегретый кратер,
Не надел красную повязку —
В штрафной пакуют изолятор.

Избиты до крови ягодицы,
Изо рта – розовая пена,
В зоне красные страницы,
Зэков гнут через колено.

Гражданин начальник! Bravo! –
Забито избитым ШИЗО,
Присвоил себе право
Множить ненависть и зло.

Быть податливым и гнутым,
Стать продажной сукой,
Замешано невежество круто,
Сыты лагерной наукой.

Уничтожить в зэке человека,
Засунуть в жерло пресси,
Жестока начальника опека,
Системе нет противовеса.

За свои борешься права –
Лишат свиданий, переписки,
Вертухаев серая ботва
Готовит карцерные списки.

Возмущаются бесправные рабы,
Зыбкий под ногами грунт,
Наказания зреют как грибы,
Толкают невольников на бунт.

МЕДВЕЖАТНИК

Медведь был широк и высок,
Готовы ключи и отмычки,
Мысль стучала в висок
В силу привитой привычки.

Отпущено время в обрез,
Динамит, шнур и спички,
Медвежатник отвергает прогресс –
Только ключи и отмычки.

Кавалерийский не помогает бросок,
Понимает прекрасно шнифер,
Между стекол засыпан песок,
Крепок раскатанный шифер.

Школу освоил взлома,
Куда свозились медведи,
Открывали без лапы и лома,
Ключи давали из меди.

Оставались на мягком металле
Лишние в деле следы,
Шлифовали ключи из стали
С помощью мягкой воды.

В деле ключи и отмычки,
Заведен внутри будильник,
Мешают лишние птички,
Медвежатник достал напильник.

Закурил не спеша сигарету,
Наступил важный момент,
Поддал фонариком света,
Усмехнулся успеху клиент.

Заскрипели тяжелые двери,
Забиты деньгами полки,
Медведи – страшные звери,
Приручили их взломщики – волки.

НАРКОМАТРИЦА

В стране наркотический угар,
Ночные летучие сычи,
Несут чувствительный удар,
На иглу садятся тысячи.

Беспощадна злая матрица,
Вгоняет в длительный наркоз,
Прочь уносят мертвеца,
Схватил за горло передоз.

Жить бы надо молодым,
Колокольный слушать звон,
Души втоптаны в экстрим,
Считает прибыли барон.

Беспредел творится на экране,
Пусты и безответны фразы,
Авторитеты и воры славяне
Против героиновой заразы.

Приходит смерть по пятницам,
Иглового заснут навеки,
Покрыла сетью матрица
Ночные клубы, дискотеки.

Глотали колеса и кокнар,
За доблесть не вешали значки,
Свободно поднимались с нар,
Не лезли из орбит зрачки.

Наркота наползает лавою,
Про свободу читают байку,
Олигархи – демагоги правые,
У бедных отнимают пайку.

Хотите быть убитыми,
Стать рабами дури,
С лицами калеными, небритыми,
Забыли о детях и культуре.

Король галлюцинаций ЛСД –
Пережили страшную напасть,
Легкие наркотики везде,
Героин открывает пасть.

Время резких перемен,
Большой жратвы и дележа
Тормозит веществ обмен
Ломка после кутежа.

Порошок сгребает палец,
Проник он в башню и подвал,
Белый бешеный китаец
Валит сразу наповал.

Дорогая наркота –
Привилегия богатых,
Душевная нагота
Не выправит горбатых.

Зельем накачали матрицу,
Проказной снабдили базой,
Стоять державе не к лицу
Перед героиновой заразой.

МЕСТЬ

Беглец нырнул под состав,
Пальцев коснулись колеса,
На реке стоит ледостав,
Сгоревшая яхта у плеса.

Белая длинная яхта,
Дым висит над кормой,
Ночная больничная вахта,
В коме лежит больной.

За вагон зацепилась одежда,
Остались на рельсах два пальца,
Душу согрела надежда,
Не нужны заключенному пальца.

Яхта горела всю ночь,
Лиха досталось подонкам.
Отомстил за погибшую дочь,
Прошелся по многим шконкам.

Подтянулся здоровой рукой,
Ноги закинул на ось,
Короткий явился покой,
Продувало ветром насквозь.

На подъеме стучали колеса,
Сбавили резко ход,
Скатился быстро с откоса,
Поезд ушел в поворот.

Сгоревшая белая яхта,
У плеса стоит беглец,
Больничная длинная вахта,
На воду смотрит отец.

СОВЕСТЛИВЫЙ ГРЕШНИК

Жизнь прожил на две трети,
Написана длинная повесть,
За многое был в ответе,
Мучила часто совесть.

Как с почты идут извещения,
Выплывали в сознании грешки,
Просил он за них прощения,
Это были только вершки.

Мерещился белый экран,
Криминальное крутили кино,
Возникали корысть и обман,
Уходил с вещами в окно.

Принудил в юности девушку,
Умоляла не трогать, просила...
Он готов был разбить башку, –
Просьбу скомкала сила.

Прошное лишало покоя,
Не прочесть даже повести,
Может, пришла паранойя,
А, может, приступы совести.

Решился идти на исповедь,
Грехи написал на бумаге,
Не прятаться больше за изгородь,
Набрался силы, отваги.

На высокий поднялся мост,
Вверх поднимала сила,
На просторах – Великий Пост,
Смело шагнул за перила.

Прожита жизнь на треть,
Не ставятся в храме свечи,
Согрешить еще можно успеть,
О покаянии нету речи.

Посмотрел на высокое небо,
Невозможно с грехами жить,
Большим злодеем он не был,
Но не мог прощения просить.

Заранее закрыл глаза,
Пробежала по телу дрожь,
Пронеслась за лесом гроза,
Крупный закапал дождь.

Он лежал на мокром шоссе,
Машина сбила, – решили,
Жизнь бушевала во всей красе,
Люди смеялись, грешили.

К сердцу прижал бумагу,
Боялся расстаться с грехами,
Никто не оценит отвагу,
Гром прогремел верхами.

ПРОШЛЫЕ ГОДА

Мне прощения не надо,
Мне бы жбан веселой браги,
Здесь тюремная ограда,
Здесь поймут меня бродяги.

На дело шли гурьбой,
Порой хрустели косточки,
Все делили меж собой,
Костыли и тросточки.

Двадцать восемь паспортов,
Все как один – чужие,
На пирсе западных портов
Кореша свои служили.

На ценные вагончики
Наносились мелом точки,
Выгружали на перрончики
Ящики, мешочки.

Под покровом ночки
Дремали наши кореша,
Мешки, ящики и бочки
Увозили, не спеша.

Года пятидесятые,
Застойный криминал,
Бараки сплошь дощатые,
Бандитский сериал.

Прокололися подельники,
Сколь веревочке ни виться,
Знали, будут понедельник,
В неволе будем бриться.

ТРЕЗВОСТЬ

На страницах книги мудрой
Все про внутренний вопрос,
Красит дама пудрой
С похмелья красный нос.

Летят, как с фронта сводки
(Врага стремится лава),
В пути машины с водкой –
Крепить быстрее прилавок.

Толпа вкатилась в зал,
С ментов летят пилотки,
Кто глупости сказал,
Что в России нету водки?..

От водки много зла,
Вгоняет в стресс и кому,
Решила новая метка
Объявить войну спиртному.

Страна не вышла из запоя,
С утра – похмельная болячка,
В головах от перепоя
Бродит белая горячка.

Ходят винные талоны,
Пьют любую гадость,
Дихлофосные баллоны
Алкашам являют радость.

Две бутылки в руки,
Чтоб не разевали часто рот,
Чтоб исчезли глюки,
Чтоб просветлел народ.

Стаканов слышен звон,
Только плотно закуси,
Не пройдет сухой закон,
Вечно пили на Руси.

ПИРАМИДЫ

В корне ошибаются историки:
Россия – родина пирамид.
Готовы подопытные кролики,
Пока веселый, трезвый вид.

Среди вертлявой публики
Прорицатели, гадалово,
Сменили блат на рублики,
Разводы и кидалово.

В стране сплошные пирамиды,
По ветру деньги дует,
Разворовали деньги гниды,
Назад получишь х...

Пирамиды гранями на запад,
Пустой кассой на восток,
Не берут ищейки запах,
Короткий больно поводок.

Перепутали все карты,
Исчезли главные тузы,
Голодовки и инфаркты,
В болоте ползают низы.

На солнце сохнут стебли,
Остудят день закаты,
Стоят живые кегли,
С годами выцвели плакаты.

Готовы красить и белить
Виртуальное жильё,
Только б ордер получила,
Найти прогнившее жулье.

Общение – сплошь знакомые,
Получит каждый богадельню,
Успокойтесь, насекомые,
Сегодня понедельник.

ПАШКА АМЕРИКА

У московских обывателей истерика,
Страх охватывает массы,
Грабит Пашка Америка
Магазины, квартиры и кассы.

Пашке нравилось Чикаго,
Любили гангстеров в народе,
Охраняла важная бумага,
Служит Пашка моде.

Америка – московский модельер,
Ночью – безжалостный налетчик,
Не принимает милиция мер,
Налеты накручивает счетчик.

Отведена большая роль
В списке авторитетов роковых,
Пашка Америка – король
Конца лихих сороковых.

Сгубила Пашу карманница,
Сцена любовная постельная,
Предала его избранница,
Испугала статья расстрельная.

Наболтали Пашке четвертак,
Чтоб забыл надолго Националь,
В промерзший лагерный барак
Понесли этапы вдаль.

Занесло на сахалинский берег,
Падал пушистый мягкий снег,
У берегов двух Америк
Потерялся Пашкин след.

СОНЬКА – ЗОЛОТАЯ РУЧКА

Родилась Сура под Варшавой
В еврейской серой голытьбе,
Воровской обласканная славой,
Соня очень нравилась себе.

Девушка простая Сура
Не хотела жить спросонья,
Привлекала девушку халтура,
По душе ей имя Соня.

Жизнь казалась пошлой,
Бросила родного мужа,
Рассталась смело с прошлым,
В душе гуляла стужа.

Воровала с улыбочкой, красиво,
Без насилия, страха и крови,
Была в этой жизни сила,
Соня не хмурила брови.

Дерзкие кражи и шмоны,
Чистила Соня карманы,
Ждали Соню прогоны,
Любовь, тоска и обманы.

Сонька – золотая ручка,
В восторге малина воровская,
Червонцев золотая кучка,
Сонька, фартовая такая.

Разводила смело господина,
Лохи, господа бездельники,
Золота досталась половина,
Половину заберут подельники.

Сонька – золотая ручка,
Ювелиров, торгашей гроза,
Соня – дьявольская штучка,
Черные цыганские глаза.

Кража – сладостный наркотик,
Пожар, бушующий в крови,
Умело брошенный дротик,
Признание в горячей любви.

Соня прошла по Европе,
Грустила у тихой воды,
В воровском безумном галопе
Оставляла всюду следы.

Объявилась воровка в Одессе,
Красиво закрыла страницу,
Сообщалось в местной прессе,
Отправили Соню в столицу.

Не тащила последнее Соня,
Не крала у бедных людей,
Ограблен огранщик Моня –
Ростовщик, хапуга, злодей.

У женщины было кредо,
Цели поставлены три:
Дети, любовь и победы,
Несгибаемый стержень внутри.

Судили открыто воровку,
Развезало следствие тучки,
Накинули Соне веревку,
Золотые связали ручки.

Соню ждет Сахалин,
Огласили суровую долю,
У сердца спрятан ребенок,
Надеется каждый на волю.

Будет побег впереди,
Суровая будет отдача,
Устало сердце в груди,
Отвернулась от Сони удача.

Темный, холодный подвал,
Кандалы на Сониных ручках,
Трехлетний привал суровый,
Сахалинское небо в тучках.

Острога ветхого остов
В прошлое нас зовет,
Стал ей могилкою остров
На память о Соне живой.

ТРЕСТ

У прокурора жена – судья,
В постели принимают решения,
Не поможет невинному скамья,
Отклонят вежливо прошения.

Далеко бегать не надо,
Решение лежит под боком,
Невинный сидел за оградой,
Мелким отделался сроком.

Вещает секретарь демагог
Про наш независимый суд,
Бедолаге готовят урок,
Отсиженный срок дадут.

Защищать честь мундира
До последнего будет законник,
Другу нужна квартира,
Сядет надолго заходник.

Осудить задумали банду,
Стали факты вдруг зависеть,
На халяву жрали баланду,
Мне жалобы будут писать.

Невинным – Сибирь и стужа,
Муж нашептал приговор,
В постели большая лужа,
Утром хорош прокурор.

Жена не подставит мужа,
Подумаешь, невинный сидел,
В отношениях не появится стужа,
Не зря муженек потел.

Нужный огласит приговор
Судебно-прокурорский трест,
Не нарушит судья договор,
Бесполезно писать протест.

ПРОКУРОР

Отволок пятерик незаконно
В порядке, скорей, назидания,
Прокурор отвечает казенно:
«Были на то основания».

Пишу лихому писаке:
Состава нет преступления,
Понятно бродячей собаке –
Надо прислать извинения.

Прыщ отвечает в мундире,
Из сталинской вышел шинели:
«Ты мишенью был в тире,
Мажут иногда по мишени».

В прокуроры идут кровожадные,
Законы здесь не при чем,
Судьи лишают неладные
Главным стать палачом.

Не дают погоны на плечи,
Слаба прокурорская честь,
В суде сомнительные речи,
Лицемерных наветов не счесть.

Покажите мне прокурора,
Который скажет в суде:
«Ваша честь! Не того судим вора,
Сажают его по вражде».

Пена катит изо рта,
Невиновного надо прибить,
Нет у обвинения креста,
Любой ценой посадить.

У законников свой чердак,
Все замкнулось на крыше,
Прокурор в суде, как дурак, –
Посадить приказали свыше.

РЕЙДЕРЫ

Наехал плотно рейдер
На жирный, лакомый кусок,
Сгребает в кучу грейдер
Золотой рассыпанный песок.

Наглые проходят поглощения,
Наметит контур рейсфедер,
Мягко прошло хищение,
Неподсуден хищник рейдер.

Заводы глотают акулы,
Готовы всегда пионеры,
Сводит от страха скулы,
Разинули рты акционеры.

Бросит рейдер лимон
На подкуп, охрану, захват,
Прибыли получит вагон,
Огромен жирный охват.

Захватил поля и пашни,
В район несется конник,
Снесли водовзводную башню,
Молчит местный законник.

Получил законник мзду,
Ставит сельчанам препоны,
Не может накинуть узду,
Под рейдеров точит законы.

Бедолаги ходят по кругу,
Их объявили врагами,
Недвижимость продали другу,
Судиться будут годами.

МАРИК

Умер тихо Марик,
Привычный не нарушил быт,
В руках держал словарь,
Учил пацан иврит.

Сидел за кражу Марик,
Ограбил будто дачу,
Хилый, щупленький очкарик
Попал под полную раздачу.

Портит графики всяк,
Признаки – царица доказательств,
Запорет следствие косяк,
Не счесть пыток, издевательств.

Писал надзору жалобы:
Закралась здесь ошибка;
Читали жалобы жлобы,
Блуждала хитрая улыбка.

Жало пишут тонны,
Шлют ответы под копирку,
Не устранит надзор препоны,
До звонка не снимут бирку.

Кому ты нужен, Марик?
Оставил злобный мир,
Погас один фонарик,
Твой папа не банкир.

Глотал малышка гадость –
Стекло, железо, гвозди,
Попасть в больничку – радость,
Как сходить на воле в гости.

Висят покойника штаны,
Бычки в карманах телогрейки,
Живем под знаком Сатаны,
Жизнь не стоит ни копейки.

Прочтет раввин Талмуд
В далекой тихой синагоге,
На погосте кол вобьют,
Не вспомнят здесь о Боге.

КАТИТСЯ ПЛАВНО СТОЛЫПИН...

Катится плавно Столыпин,
Злодейка-судьба улыбается,
Чифира холодного выпьем –
Жизнь, как всегда, продолжается.

Жизнь – это шумная гавань
И тихий заветный причал,
Белый накроет саван
Всех, кто кричал и молчал.

Вроде прожил спокойно,
Время пришло итожить,
На душе пусто и больно,
За малодушие совесть гложет.

УМОЙСЯ КРОВЬЮ...

Умойся кровью, сука,
Гневи свою натуру,
К братве входил без стука,
Свою лелеял шкуру.

Гнулся плавно, незаметно,
Блеял скорбно, как овца,
Шагами мерил метры,
Превратился тихо в подлеца.

Когда кум права качал,
Твоя хата была с краю,
Не вопил и не кричал
«На части режьте, я не знаю».

Не напрягал на шее жил,
Лучше б ушел в припадок,
Честно оперу служил,
Ментовской берег порядок.

Убить живое в человеке, –
Повинуйся, зомби, немо,
Стать козлом навеки –
Вот к чему ведет система.

Закинут в сучью зону,
Живи по совести, по чести,
Служи братскому закону,
Мы сильны, пока мы вместе.

Никто не просит: «Замочи!»
Чужой не рви кадык,
Честно зону оттопчи,
Как русский правильный мужик.

ВОРОБЕЙ

Злой на киче воробей,
Достали суки птичку,
«Всех перетрахаю блядей,
Кто урезал нычку».

Готовил нычку на крайняк,
Много было на кону,
Воробей ведь не хомяк,
По одному носил зерну.

Полный вышел беспредел,
Половины нету проса,
Шмель семейный прилетел –
Узнать цену вопроса.

Шмеля семья не крысила,
Грева капает капель,
«Понятии я в хате не превысил», –
Клянется падлой шмель,

Видно, кто-то съехал с хаты,
Видно, строчек цинканул,
В общем, мы не виноваты,
Молчит до срока караул.

Нычка у самых тормозов,
В щели сидит сверчок,
Закрывают хату на засов,
Нычку не засечь в волчок.

Убрать пластину справа,
Переправить надо нычку,
Дает ответ малява
Про вредную привычку.

Маляву пишет воробей:
«Братва не сядет в лужу,
Всех ссученных блядей
Надо вывести наружу».

ШАНСОН

Ты больше любишь оперу,
Тебе по нраву оперетта,
Мне не видать лучше опера,
Догулять спокойно лето.

Мне с тобой не по пути,
Здесь бокалов звон,
В ресторане «Ассорти»
Звучит всегда шансон.

Песни сильных мужчин
Выскажут общее мнение,
Выбивают клином клин,
Свои поют сочинения.

В ресторане стоит полумрак,
Сигаретных дымков синева,
Не допит в рюмках коньяк,
Заставили думать слова.

Симпатичен людям герой,
В горячих точках служил.
Автор за песню горой,
Смерть не раз пережил.

Мне по нраву братва,
Что стержень имеет внутри,
Буду сидеть до утра,
Пой, братишка, твори.

По жизни долго бродил,
Закрутил не один зигзаг,
Шансон меня убедил
Сделать правильный шаг.

Мне с шансоном по пути,
Выбивают клином клин,
В ресторане «Ассорти» –
Песни сильных мужчин.

ПРОЩАНИЕ

Любят сыновья матерей,
Дочери любят отцов,
К порогу родных кровей
Я, мама, вернусь на Покров.

Выпадет первый снег,
Станет от снега светлей,
Время замедлит бег,
Станет от встречи теплей.

Сяду за стол, не глядя,
Буду молчать упрямо,
Прячет седые пряди,
Слезу утирает мама.

Жалко непутевого сына,
Знает все наперед,
Семейная эта картина
В прошлое скоро уйдет.

«Долго пробудешь, сынок?»
Лежит на душе истома.
«Даю тебе, мама, зарок –
Навсегда останусь дома».

Завтра явлюсь в район,
Паспорт выдадут новый,
Явиться велит закон,
Должен знать участковый.

Быстро решили дела,
Домой вернулся охочий.
«Мать у тебя умерла», –
На станции выдал рабочий.

Вспомнил прошлый взгляд,
Свеча у иконы горела,
Мама молилась подряд,
Долго в окно смотрела.

У родной постоял могилы,
Отчий дом не закрыл на замок,
Было желание и силы
Выполнить данный зарок.

ПЕРЕКИД

Открылась с грохотом кормушка,
Дубак кричит: «С вещами!»
Сейчас закрутится петрушка,
Секрет открою между нами.

Братву тасует опер,
Дубак ведет продолом выше,
Угловую хату отпер,
Там спокойней и потише.

Пацаны по первой ходке,
На лицах меловая белизна,
Арестанты тихи, кротки,
Уступают место у окна.

Кум закинул ненадолго,
Не достаю из сумки шмотки,
К новичкам не садят волка,
Сидят отдельно первоходки.

К баланде хлопнула кормушка,
У дубака нелегкий труд,
Дальше крутится петрушка,
Сейчас к заходникам запрут.

Открыты настезь тормоза,
Формирует хаты оперчасть,
Малява бросилась в глаза,
Сидела воровская масть.

На клочке бумаги знаки,
Знакомый лагерный узор,
Ждут братву бараки,
Ясно, что прочитан приговор.

Присели, может, в осужденке,
Ждут этапы в нетерпении,
Пустовать не будут шконки,
Закинут скоро пополнение.

ВОВКА-ДЕСАНТНИК

Вовка – веселый мальчишка,
Дерзкий сильный, упрямый,
В себе был уверен слишком,
Шел гордо, смело и прямо.

Жил по своей программе,
Рядился в грязную робу,
Помогал сестрам и маме,
Нормально закончил учебу.

От армии он не косил,
Вова – лучший курсант,
Российскую форму носил,
Пошел в воздушный десант.

Стал сержантом умелым,
Повышал готовность свою,
Доказал лидерство делом, –
Погиб командир в бою.

Володя командовал боем,
Отвел от многих беду,
Стал десантник героем,
В Кремле получил звезду.

Стал сержант известным,
Служил не ради наград,
Напомнить будет уместно
Учил молодых ребят.

Деревенский парень простой,
Делился последним с соседом,
Не женатый был, холостой,
Не был заносчивым дедом.

Дома ждала невеста,
Подписал Володя контракт.
«Таня, тебе найдется место», –
Написал, как свершившийся факт.

Стране быть сильной, живой,
Будут завидовать силе,
С молодой Володя женой,
Хранит присягу России.

ПОБЕГ

У хозяина неважны дела,
У кума тоже не блестяще.
Ноченька тревожная была,
Побеги были настоящие.

У офицеров слабая позиция,
Депеши доставляются из штаба,
Роет землю оппозиция,
ЧП губернского масштаба.

Серьезный отвалил народ,
Много пересудов, шума,
Хозяина бросает в пот,
Нервы расстроены у кума.

В шоке пребывают господа,
Уходят от общения,
Гудят над зоной провода,
Несут неважные сообщения.

Плохие от конвоя вести,
Совсем не варит котелок,
Офицеры выпили по двести,
Зеленый расстегнут кителек.

Снайперы сидят на крыше,
Готовят огненный привет,
Что доложить можно выше? –
Беглецов не найден след.

Кто-то посопутствовал побегу,
Пустыми оказались меры,
Кто-то празднует победу,
Рапорт пишут офицеры.

БЕЛАЯ ЧЕРЕМУХА

Белая душистая черемуха,
В цветах утонет ИВС,
Не видят дети промаха,
Под защитой деталей интерес.

Минутам счет потерян,
Подлости в зону не хотят,
Первым сроком всех озолотят.
Сбиваются в стаи подростки,

Духовный отсутствует мир,
На городские выходят подлости,
Жестокость их командир.
Подростки безмерно жестоки,

Убийства, насилие, игры,
Крови прольются потоки,
Приходят голодные тигры.
Подростки обществу мстят

За нищету, ущербное детство,
Безысходность доводит ребят,
Любые подходят средства.
Доверчивы подростки, ранимы,

Не хватает.....
.....?
На пачке измятой «Примы»
Адрес записан знакомый.

Ждут их этапы и зоны,
Наставления получают вводные,
Навеки разлюбят законы,
Законы пишут свободные.

Другие люди откинутся,
Влияние окажет промот,
Половина обратно двинется,
Жизнь убежала вперед.

ГОСТЬ

Явился желанный гость,
На связи он долго не был,
В пойках крепкая жидкость,
Пайка черного хлеба.

В каптерке накурено, тесно,
Соперник подложил ежа,
Круто замешано тесто,
Налево уходит моржа.

Изумруды нашли в граните,
Побочный здесь материал,
Чужие плывут по орбите,
Напишут свой сериал.

Гранитный глубокий рудник,
Вглубь уходит гряда,
По склону бежит родник,
Зеленеет от камня вода.

Поделить предлагает соперник,
Обещает сохранить до срока,
Стрелку забьем в понедельник,
Заходить не будем далеко.

Изумруды раскинули поровну,
Десятину отдали в общак,
Отвели грозящую войну.
Мирно живет барак.

ШТОРМ

Ветер и дождь на Покров,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.